

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/ ЯНВАРЬ 2019

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке — картина заслуженного деятеля
культуры КР художника Петра Куринских «Ловись, рыбка».

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail: alekivanov38@mail.ru

ПРОЗА

Константин Караханиди. **Мой сын, кот Леон, я и...**

Шли по дороге старик со старухой. День рождения. <i>Рассказы</i>	4
Александр Камышев. Транзит. Транзит?.. <i>Рассказ</i>	22
Петр Черняк. Лена и Lexus. История паркетника	37
Дмитрий Ащеулов. Во всем виноваты принцессы. Готический <i>рассказ</i>	65

ПОЭЗИЯ

Анэс Зарифьян. Ироническая лирика. Стихи	92
Татьяна Ушакова. Осенняя камасутра. Пионы. Мокко. Вдохновение. Стихи	102
Олег Астральный. Падший Ангел. Мистикодром. Бульвар Каннибалов. Стихи	105
Михаил Синельников. В дреме. Из новых стихов	110

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав Александров. Забег в небеса. Очерк	118
Виктор Кадыров. Путешествие-2018. Очерк	131
Валерий Сандлер. Ну и мечта! Ни вреда, ни пользы...	146
Леонид Дядюченко. Блоу ап. Очерк	151

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Акбар Рыскулов. Истоки творчества Чингиза Айтматова и испытание будущим	192
Кадыркул Даутов. Сущность поэта	201
Георгий Хлыпенко. Художественный мир фантастической прозы Олега Бондаренко (окончание)	208
Кратко об авторах	220

ПРОЗА

Константин КАРАХАНИДИ

РАССКАЗЫ

Мой сын, кот Леон, я и...

День уверенно клонился ко второй своей половине. Летнее солнце понемногу ослабевало, жара спадала, и двор оживал детскими голосами и окнами, открывающимися в домах.

– Кто поставил свою машину на мое место? Тысячу раз просил не занимать его. Медведя на велосипеде можно научить кататься, а людям ничего втолковать невозможно, – мужской голос, подхваченный дворовым эхом, бьется между домами.

Опять сосед снизу разоряется, специально кричит на весь двор, хотя точно знает, кто хозяин этой машины. Султан специально, чтобы позлить, когда изредка приезжает, занимает его место. Хотя, с другой стороны, почему оно его? В доме поселился без году неделя, а уже - мое место, никому не занимать, тысячу раз сказал! Султан тоже хорош, сам спит, а мне сейчас придется отдуваться за него и слушать ор этого противного соседа.

Сосед, еще молодежавый мужчина, видимо, вышел на пенсию по выслуге лет. Он или бывший военный, или бывший милиционер. Характер у него очень вредный и склочный, и в доме нет почти ни одного человека, с кем бы он не выяснял отношений. Он постоянно недоволен, как дворник убирает территорию нашего дома, гоняет женщин, моющих наш подъезд, изводит соседей за неправильно вбитый гвоздь. Однажды он устроил скандал по всему микрорайоновскому кубуку из-за детей, разложивших камешки под его окном.

Лицо, всегда искривленное гримасой праведного гнева, вызывает желание побыстрее проскользнуть мимо, хотя его в другом случае можно было бы посчитать даже приятным.

Сосед уважает только силу и тех людей, кто может в ответ накричать на него. Однажды он начал гонять соседского мальчишку, тогда вышел родитель и что-то тихо, на ухо, сказал ему. Этот боевой петух местного масштаба вдруг сник, замолчал и мгновенно испарился. Я все хотела узнать у соседа, что такого он ему сказал. Вот и у меня с этим вечно недовольным товарищем не заладилось.

- Пойду по квартирам и у каждого буду спрашивать: «Чья это машина?» - сосед продолжает пугать. Никуда он не пойдет, поскольку точно знает конечный пункт своего похода. Сегодня ему нужны скандал именно со мной и поход в мою квартиру.

На плите стоит высокий каскан с готовящимися мантами. Султан специально привозит много свежей баранины, кусок курдючного жира, лук и все остальное по мелочи. Когда настроение хорошее и все под рукой, я делаю несколько видов мант. Что-что, а готовить вкусно меня научила мама.

В первую очередь, фарш для мант. Мама никогда не перемалывает мясо, а режет мелкими кусочками. «Мясо должно дышать и пахнуть, - говорит она, - а перемолотое - это опилки, вкуса нет». Нарезая мясо на мелкие кусочки и перемешивая, она дает ему подышать, наполниться кислородом. Откуда ей об этом известно, мне неизвестно.

Когда мама отправляется в гости, для нее главное не то, что на столе, а как все приготовлено. И только мама опускает глаза и тонко ехидно начинает улыбаться, все понимают, что здесь что-то не так.

Сок в манты приходит вместе с луком. Сразу вспоминаю старый анекдот, когда посетитель кафе в гнев кричит: «В ваших мантах один лук», а повар меланхолично отвечает: «Ну почему один, много». У меня количество лука соответствует мясу. И немного приправ, пахучих и запашистых, делают начинку окончательно сногшибательной.

Тесто - это тоже особая тема. С закрытыми глазами я могу приготовить тесто для пирожков, боорсоков, домашнего хлеба, натянуть лагман разной толщины, сотворить слоеное для праздничного «Наполеона» или пирогов. И это опять мама. «Не бойся в тесто добавлять теплого молока, оно будет тебе благодарным, - приговаривает она. - Весной в тесто надо

добавлять свежего укропчика, а зимой немного сухого, тогда будут и запах, и вкус, и цвет радостный». Это все ее секреты, а как помогают!

Моим мужчинам нравятся манты с мясом, на то они и мужчины, чтобы мясо есть, для меня же нет ничего вкуснее с картошкой, тыквой или джусаем. Три поддона оставляю мужчинам, один для себя. Когда они варятся все вместе, дух стоит на весь подъезд и ближайшие окрестности.

Подозреваю, что противный сосед из-за этого и бесится. Султан постоянно восклицает, что такие манты, как мои, нигде больше не готовят и их не стыдно подать президенту.

Смотрю на Султана, и иногда жалко его становится. Жизнь на два дома не сахар. Крутится, вертится, постоянно в заботах, несколько мест работы. В том доме жена и дочери. Он приезжает в мой дом отдохнуть и просто отоспаться по-человечески.

Султан - отец моего ребенка, но мне он не муж. Звучит странно, но это так. Он отец моего сына Батырчика, моей радости, моего солнышка. Для всех я считаюсь матерью-одиночкой, отсюда и косые взгляды, и любопытство, и желание покопаться в моей личной жизни.

Так получилось, что к своим тридцати пяти неполным годам я оказалась одна. Сначала училась и выбирала себе жениха, вредничала, то тот не хорош, то этот. Все подружки - «дурнушки», «криворучки и кривоножки» - повыскакивали замуж, нарожали детей, создали свои дома, а я, когда спохватилась, уже и молодость ушла, да и не одно поколение молодежи подпирать стало.

Окончив педагогический, два года проработала в школе, пока наконец не поняла, что это не мое. Предложили место в библиотеке родного института. Тихо, спокойно, нервы никто особенно не мотает.

Султан учился на заочном отделении нашего института по специальности «Информационные технологии». Взрослый, подтянутый, серьезный, но ничем не выделяющийся среди тех, кто посещал библиотеку.

Однажды на Восьмое марта пришел и протянул букетик гвоздик. У нас не было романтических объяснений, гуляний и всего того, о чем я мечтала, зачитываясь любовными романами в молодые годы. Узнав о беременности, я испугалась, а Султан, как мне почудилось, обрадовался, хотя внешне старался не показывать. Видно, воспитание такое. В той семье у

него были девочки, а ему так хотелось мальчишку. «Мой сын ни в чем нуждаться не будет», - сказал как отрезал Султан.

Первой и единственной, кто меня поддержал, была сестра.

- Рожай и не думай. Годы твои, сама знаешь, какие, а так радость и опора появится. Я всегда рядом, помогать буду.

Очень часто я задумываюсь о своей судьбе, о том, насколько правильно я живу. С одной стороны, мне удобно, потому что своей жизнью я распоряжаюсь сама. Смогла бы я выдержать присутствие Султана каждый день, слышать и ощущать его запах, дыхание, прикосновения, вопрос довольно спорный. Ведь по большому счету между нами не было настоящей любви, не было сильного притяжения, чувства, от которых скручивает и разрывает на мелкие кусочки. Была негласная договоренность, устраивающая обоих. Каждый из нас старался не ущемлять другого в его правах и свободах.

Султан, конечно, по-своему эгоист. Что ему стоило остановиться в другом месте и не доставать этого взбалмошного соседа? В результате сосед постоянно отыгрывается на мне и Батырчике. В спорах между отцом и сыном я всегда держу сторону младшего, даже если тот неправ. Это моя своеобразная женская месть и протест, хотя хорошо понимаю, что на пользу сыну это не пойдет и потом надо будет его перевоспитывать.

В моем случае жизнь с Султаном - это побег от страха одиночества, окружающего каждую минуту и давящего, давящего, давящего все сильнее и сильнее. Это был поиск спасения от чувства безысходности и беспросветной тоски, особенно ночью. То, что Батыр периодически видит отца, тоже немаловажно. Рядом с мальчиком всегда должен присутствовать мужчина. Батыр не хуже меня все понимает, и потому разговоров об отце и о его присутствии в семье никогда не возникает. Есть отец, который иногда приходит, разговаривает, помогает.

Помню, было очень тяжело. Токсикоз, отечность, постоянная сонливость и настроение, которое менялось каждую минуту и не в лучшую сторону. Идешь, и замирающие разговоры сослуживцев и коллег, а потом шепоток, тонкий, липкий, оплетающий тебя со спины, и надо держать голову и спину гордо и прямо. Я училась этого не замечать, смотреть прямо в лицо, не опускать глаз и улыбаться.

Я очень боялась того, что скажет отец. Он человек старой школы воспитания. Должны быть муж, семья, дом. Дом вско-

ре появился, слава Богу, родился сынок, была я, но не было мужа, как главы этого всего. Отец уперся и не хотел признавать ни внука, ни меня, ни отца моего ребенка. Бедная мама, всю жизнь слушавшая отца и жившая его умом, приезжала изредка ко мне, отговариваясь всякими причинами появления в городе.

Приходилось ждать, и вот в один прекрасный день собралась сына, подарки, всю свою волю и решительность и поехала в отчий дом. Отец сидел, как обычно, в большой комнате и смотрел в телевизор. Всегда было загадкой, смотрит он его или просто делает вид.

Приоткрыв дверь, я запихнула Батырчика в комнату, а сама припала к щелочке, которую оставила. Сзади, тяжело дыша, навалилась мама, которая постоянно спрашивала:

- Ну что там, ну как?

Папа сидел не шевелясь, и создавалось ощущение, что не замечает застывшего у двери мальчишки. Батыр, опустив лобастую головешку, застыл в ожидании, что будет дальше. Всегда, когда не знает, как себя вести и что делать, он вот так опускает свою голову и глядит исподлобья.

Наконец, незнакомый ему старик пошевелился и сделал незаметный знак рукой подойти. Оглядываясь на дверь, мальчишка неуверенно пошел. Отцовские сухие ладони слегка коснулись головы, осторожно прошлись по шее и разъехались по плечам.

У папы очень красивые руки, с длинными, сильными пальцами. В любую погоду, самую жаркую, они сухие и гладкие. Это могли бы быть руки скульптора, музыканта, хирурга, но достались они простому учителю географии в сельской школе. Папа многие годы проработал рядовым учителем. Но как его ученики любят эти уроки!

Помню по себе, о странах и городах он рассказывал так, что невольно верили ему, и казалось, что он сам был там, все видел и теперь так интересно рассказывает нам. Не шутил, не смеялся, хотя далеко никуда не уезжал и узнавал все из книг и телевизора. Иногда, когда болел его друг - учитель истории, он заменял его, и уже эти уроки превращались в рассказы об исторических битвах, героях, строительстве известных памятников древних цивилизаций. И мы опять верили, а историк ругался, что отец снова задурил детям головы, но, мне кажется, он просто немного завидовал.

Дома отец точно так же разговаривал с мамой, и она верила каждому его слову. Как прилежная ученица - а она, действительно, была одной из его первых учениц, - во всем тянулась за ним, слышала только его суждения. Вот и мы, его дети, всегда смотрели на него снизу вверх и очень дорожили его мнением.

Отец внимательно изучал мальчишку, как будто искал родовые, только ему известные черты. Несколько раз слегка крутанул застывшего мальчугана. Подумал, улыбнулся в усы, обнял и поцеловал в лоб.

- Все, - выдохнула я.

- Что все? – испуганно спросила мама, жарко дышавшая и напиравшая мне в спину все сильнее.

- Он признал его, слава Богу!

Сегодня нет людей более близких, чем дед и внук. Когда мы приезжаем в родительский дом, у отца всегда заготовлен подарок для Батыра: новая, сделанная дедушкиными руками, удочка, горсть красных, сыромятных, хорошо вычищенных альчигов или несколько больших желто-красных яблок прошлогоднего урожая. Яблоки эти - отцовская гордость. Ни у кого в округе нет таких яблок, какие растут в саду у отца. Они вместе возятся по хозяйству, ходят на рыбалку и долго о чем-то разговаривают между собой.

Когда отец изредка приезжает в город, которого он не любит, то Батырчик водит его по гостям и показывает новые улицы, дома, памятники и магазины.

- Я точно знаю, что этот наглец здесь, - все ближе и ближе раздается голос противного соседа в глухом и прохладном колодце подъезда.

– Я покажу ему, как меня не уважать, – ярится вредоносный мужичок, но чувствуется, что он и сам побаивается этой стычки. У него самого молодая дочь, успевшая сбежать замуж и вернуться к родителям. Ему бы понять меня, а он при любом удобном случае старается вывернуть все наизнанку.

Встаю поближе к входной двери, рядом, склонив голову, прижимается мой сын, а за ним наш серый и пушистый кот Леон, о котором я как-нибудь расскажу подробнее. Я не одна, и это придает мне силы. Мы всегда втроем и готовы к встрече непрошеного гостя.

А что же Султан? – спросите вы. Он спит как убитый. Замотался, бедняжка, устал и спит беспробудным сном. Мне его очень и очень жалко. Кто знает, может быть, вот эта моя жалость тоже помогает ему держаться подле нас...

Шли по дороге старик со старухой

- Сегодня идем покупать машину, - скрипнула жена, заглянув в комнату мужа.

- Ты боишься, что я, как и ты, забуду об этом через минуту, и предлагаешь запомнить информацию? - по привычке иронизирует он.

Удивительная женщина, она до сих пор считает, что главная в семье и надо им руководить. А он столько лет старается не разубеждать ее в этой мысли, позволяя ей заблуждаться... Но как изменился за это время ее голос, стал каким-то глухим и скрипучим. Да и внешне она как-то подсохла и скрутилась. А какая красавица была!

- Подними-ка руку, - вновь появляется она перед ним.

Схватила за запястье, вытянула указательный палец и приставила ко лбу.

- Ты похож на роденовского мыслителя. Правда, тот был моложе, симпатичнее и трусы получше, - это уже тянуло на откровенное хамство. Надо было переходить от обороны к нападению, старая и выверенная тактика словесной дуэли.

- Я действительно думаю, где были мои глаза и мозги пятьдесят лет назад. Ведь все были против: родители, друзья, коллеги по работе, чуть пари не ставили, на каком году жизни мы разведемся, а мы скоро почти полвека протянули.

Жена молчит и ждет конца его горестного монолога.

- Рядом с «Мыслителем», где-то в Лувре, Венера Милосская стоит без рук, мне продолжать или намек и так понятен – и про молодость, и про фигуру, и про целлюлит, и про..?

- Не нравится – разводись и женись на молоденькой, - он наконец получает уже ставший традиционным боевой слоган своей половины. - Если бы ни ты, я давно, еще молодой, уехала бы с детьми в Москву и вышла замуж за генерала.

Муж сидит на краю кровати и о чем-то думает. Утренняя разминка горла и языка с женой, видно, ему привычна и стала их постоянным семейным ритуалом. Грузный, с отяжелевшей фигурой и всклокоченными седыми редкими волосами, он не решил - встать ему или еще посидеть перед трудным днем.

- Ага, генералы в Москве в каждом столичном двореке сидели и только тебя дожидались, чтобы предложить руку и сердце, а также свою жилплощадь, дачу, персональную машину и штаны с красными лампасами. Да с этими генералами, кстати,

опаснее, чем со мной было бы, – очнувшись от легкого выпадения из разговора, продолжил он утренний языковой моцион.

Жена, склонив голову, ждала нового поворота в несбывшейся ее судьбе.

- Ну, генералу полагается пистолет, а если какой-нибудь особенно выдающийся, то и именной, с гравировкой за особые заслуги. Простого генерала тебе же будет мало. И вот он после очередной твоей эскапады достает свой револьвер... – голос приобретает медовую тягучую тональность. Трагический финал разных там Дездемон и Кармен жену не устраивает, и она прекращает сеанс его язвительных предсказаний.

- Собирайся, пока доедем, пока выберем.

Ехать сегодня им предстояло далеко, на большой оптовый рынок на маршрутках с двумя пересадками. В семье предполагался первый юбилей - пятилетие у правнука, и он заказал большую машину. Деньги собирали долго и обстоятельно с пенсий, зарплат и других источников. Невестка залезла в интернет и нашла примерную модель. Машина действительно была большая и стоила серьезных денег.

* * *

Шум и суэта большого рынка накрыли его сразу на подступах, стало не хватать воздуха и начали дрожать ноги. Старуха по привычке побежала вперед и подстегивала его. Один контейнер сменял другой, игрушечные автомобили мелькали нескончаемой чередой. Жена упорно искала то, что было заказано и написано на бумажке рукой невестки.

- Здесь не только такой старик, как я, откинёт ноги в две минуты, но и роденовский юноша в расцвете лет, - настойчиво билась мысль в его голове. - Пристрелите меня, чтоб не мучиться, - память услужливо вытасила так часто цитируемую фразу из кинофильма.

На двухсот двадцатой минуте продолжительного марафона все было выбрано и оплачено. Нести машину одному человеку было не под силу. Взяли коробку с обоих концов и потащили к выходу. О маршрутке думать не приходилось, необходимо было искать такси. Таксисты, увидев огромную коробку, сразу стали выдавать неприличные для стариков цифры оплаты

- Пойдем. Там по дороге что-нибудь найдем, - по привычке начал скопидомничать мужчина.

- Ты, как всегда, за копейку удавишься, - затынула жена, - сколько лет с тобой живу, одно и то же.

Тащить коробку было неудобно. Машины ехали и сигналили бредущим по обочине пожилым людям.

- Машину украли, маленький такой, красный Б53, - пытался из последних сил острить старик, пародируя Фрунзика Мкртчяна из комедии «Мимино». Жена сохраняла молчание и дыхание.

- Когда у Мкртчяна был юбилей, то Буба Кикабидзе не знал, что ему подарить. Он выбрал кусок дорогого дерева, попросил мастера искусно вырезать большой армянский нос и водрузил его на подставку. Мкртчян всегда шутил, «что всюду, куда бы он ни входил, сначала появляется его нос, а потом он сам».

- Сам придумал или подсказал кто-то? - жена не выдержала.

- Нет, прочитал.

Выбившись из сил, они остановились. Пот заливал лицо. Неожиданно остановилась машина, и из нее выскочил мужчина средних лет.

- Вы в центр? Давайте мы вас подвезем, - предложил он.

- Нет, нет, мы сами, - сразу запротестовал старик.

- Мы едем по пути, подвезем и вас с бабушкой, - оптимистично продолжал настаивать водитель машины. К нему неожиданно присоединилась его жена: - Да мы бесплатно, видим же, как вы страдаете, что, у нас родителей нет? - доброжелательно поддержала она усилия мужа.

И старики сдались.

* * *

Коробку быстро загрузили в багажник, стариков усадили на заднее сиденье и покатали.

- Вот навязались, а потом приедем, и скажут, деньги давай, - бубнил про себя недоверчивый старик.

- А ты сам вспомни, сколько людей мы просто так перевезли, когда ездили на дачу в Кашка-Суу. Стоят на развилке, мокнут под дождем или в жару. Ждут автобуса, а его нет. Старики, женщины с детьми. Мы останавливались и обязательно кого-нибудь брали.

Они перешептывались, стараясь, чтобы молодые их не слышали.

- Ты вспомнила. Когда это было. Проклятое время брежневского застоя. Хотите, анекдот про Брежнева расскажу? – предлагает вдруг старик.

- Умирает Леонид Ильич...

- Знаю я, уже сто раз рассказывал, - одергивает старушка.

- Так я не тебе, а людям. Так вот, умирает Леонид Ильич. Собрались тут все: Политбюро, ЦК, ну и остальные, и он говорит: «Когда я умру, похороните меня кверху попой».

Старушка смущенно прикрыла лицо руками, но сама внимательно поглядывает сквозь неплотно сжатые ладошки на реакцию водителя и его молодой жены.

– Как, почему, Леонид Ильич?

– Да, именно, кверху попой, чтобы вы постоянно меня целовали в это место за то благоденствие, в котором вы жили во времена брежневского застоя.

Водитель и жена хохочут от души. Бабулька успокаивается, и ехать становится свободнее.

- А ты помнишь, как мы заехали с тобой не туда, - старушка утерла рот, - ну, на Токтогула.

- Сама была виновата, а всем выставляешь меня дураком, - муж сердито нахмурил брови.

- Да ладно, сколько времени прошло. Расскажу. Когда мы ездили на нашей машине, я всегда сидела впереди и указывала дорогу. Я видела как-то по телевизору, один за рулем, а другой по карте ему подсказывал. И вот однажды мы ехали и повернули на улицу Токтогула. А она оказалась, как это называется, когда машины едут только в одну сторону? - спросила она.

- Улица с односторонним движением, - хором ответили мужчины.

- Ну да. Едем, все на нас смотрят, что-то показывают, у виска крутят пальцами. Мы ничего понять не можем. Потом муж как закричит, что здесь одностороннее движение. Бросил руль, остановился посередине дороги. Куда ты меня завезла, вопит так, что перепонки в ушах трещат. Машины гудят, водители из окон лезут, крики, ругань. Дома рассказала, все смеются, а он до сих пор обижается.

Жена мелкими смешками подстегивает свой рассказ. Муж начинает улыбаться, видно, что сердился он для порядка.

- Ну тогда и я про тебя историю расскажу, - видно, что обстановка в машине разжала пружину стеснительности, сжимавшую старика ранее.

- Поздней осенью возвращаемся мы с дачи, а там по дороге корейцы взяли в аренду поле и выращивали лук и морковь. Эта зудит осенней мухой: «Давай остановимся, видишь, люди набирают. Я слышала, что основной урожай собрали и можно добрать каждому, кто захочет, что тебе стоит, остановись». Остановились, она, оказывается, и мешки запасла, набрали, аж тащить не можем.

Загрузили в машину и поехали, через два шага гаишники: «Что везете да где взяли? Как вам не стыдно, взрослые люди, а воруете». Я им объясняю, что я профессор, а она медик, и ничего мы не воровали, а собрали на поле. Ну, они нас стыдить, пугать. Штраф, суд, пятно на всю жизнь, а сами пацаны еще. Потом говорят: «Ну ладно, вот за углом «Заготконтора», сдайте туда и езжайте». Мы бегом сдали все и домой быстрее. Потом только догадались, что они смошенничали.

- Дача была - золотое время, мы знали каждое деревце, каждый кустик. А какие розы росли. Он специально мои любимые розы сажал. Темно-бордовые, черные, а один куст был сиреневый, очень редкий цвет, - бабуля как-то загрузила.

- Что, продали? - спросила молодая.

- Нет, стоит бесхозная. Сил нет ухаживать, а молодые говорят: «Невыгодно, легче все купить на рынке, чем копать в земле. Дом маленький, условий нет, отдыхать надо по-человечески». А мы что, не люди, и жизнь прожили не по-человечески? Из нашего поколения дачников, тех, кто начинал с нуля осваивать и строить, осталась только соседка Айша Сапарбековна, остальные либо уехали, либо бросили свои участки или продали новым хозяевам. А вот с Айшой Сапарбековной мы дружим уже много лет.

Старушка встрепенулась, в глазах заплясали чертики, и было понятно, что сейчас будет новая история. Из голоса исчезли печаль и расстройство, прибавились молодой задор и ехидные шарики, готовые выскочить в любую минуту.

- Она моя старая подруга, а ему – любимая женщина. Как только услышит скрип ее таратайки – машину она водит сама, муж много лет назад умер, – начинает прихорашиваться. Встанет перед зеркалом, усы расправит, посмотрит в профиль и анфас на себя, любимого, по-моему, даже живот втягивает. Бандерас, одним словом.

В голосе старушки осыпается миротворческая лавровая ветвь, голубь мира задрал лапки вверх. Старик молча косится.

- Она женщина умная, интеллигентная, тонкая, сто лет преподает в вузе. Придем, а она уже бутылочку на стол и салатик там какой-нибудь фильдеперсовый с тонко нарезанной морковочкой, болгарским перцем, кедровыми орешками и маслом льняным или из виноградных косточек. Говорит: «Это очень полезно». Тянут они по рюмочке, я-то не пью. И давай разговоры разговаривать. Мой сельхоз заканчивал. Тополиную аллею к госрезиденции знаете? Я, говорит, ее собственными руками высаживал в 1964 году, еще студентом был. А теперь посмотрите, какая красота выросла. Вымахали мои тополя. Эта тоже: «А я молодой преподавательницей сколько лет со студентами в Талас на табак ездила». Посижу я с ними, послушаю и пойду. А этот комплиментами ее забивает, голову кружит. Айша светится, пузыри пускает, потом спит как убитая. Храпит, наверное. Не знаешь? - обращается она к придавленному правдой мужу.

- Ага, вечно ревновала и шептала детям: «Не мешайте, у вашего отца и деда роман с любимой женщиной», - муж пытается выстроить линию защиты.

- Очень надо было тебя ревновать. Сам за мной бегал.

Дед слегка похлопывает жену по руке, и они ненадолго замолкают.

- Сегодня купили правнуку машину. Пять тысяч сомов отдали. Раньше за пять тысяч рублей, нет, за четыре с чем-то, мы «Москвич-412» покупали. Так это была настоящая машина, танк, металл, знаете, какой был. На нее можно было смело грузить несколько мешков картошки, морковки, лука, - приятные воспоминания разжигали его и восстанавливали силы.

- Оседлал своего дряхлого ишака воспоминаний и теперь несется, не остановишь, - пропела язвительно бабуля.

В машине ненадолго повисает тишина, и видно, что каждый думает о своем. Машина плотно завязла в пробке в центре города.

- В год московской Олимпиады, в 1980-м, нам досталась путевка за границу, - старушка снова начала что-то рассказывать из своей прошлой жизни. - Была сформирована группа из достойных людей, и в нее попали мы и моя старшая сестра с мужем. Она преподаватель вуза, а муж ее директор кирпичного завода. Прошли все проверки и собеседования,

прикупили дефицита для обмена с местными и покатили на две недели. Путевка была в Румынию и Югославию. Югославия по тем временам вообще была впереди всех стран социалистического лагеря. У нас, как положено в Средней Азии, все решается за чашкой чая. В нашей же семье - это кофе. За чашечкой греческого кофе решаются домашние проблемы, обсуждаются денежные вопросы, детские неурядицы, можно помечтать или посплетничать. Погадать. Вот придете к нам в гости, я вам погадаю на кофейной гуще. Люди говорят, правду вижу.

Она заразительно смеется.

- Мой каждое утро просит посмотреть хоть мельком, в два слова, что будет за день, а когда важное совещание или собрание, требует полного отчета, кто и что скажет.

Старик невозмутимо слушает и делает вид, что разговор идет не о нем.

- В дорогу мы взяли кофе, который заранее пожарили и перемололи на ручной мельнице, кофейные чашки и спиртовку маленькую, походную, что на таблетках работает. И вот в Югославии, мне же нейдет, я беру пачку сигарет, это ходячая валюта, и прошу официанта сварить и подать нам кофе за завтраком на общий стол. Утром вся группа сидит, завтракает. Идет официант, высокий такой, красивый югослав. Я не разбираюсь, кто у них там серб, кто хорват, кто босниец, и ставит перед нами четыре чашечки кофе и по стакану холодной воды. Вы знаете, что черный кофе надо запивать холодной водой? Нет? Так знайте. Вся группа в шоке, а югослав разводит руками и поднимает глаза к небу.

Молодежь веселилась от души. До дома доехали быстро и незаметно.

- Через три дня праздник, приходите, будем рады. Счастья вам и здоровья детям и родным, - сплетая в едином дуэте свои пожелания, произнесли старики. - Надеемся еще вас увидеть и с детьми познакомить. Мир в ваш дом.

Придерживая коробку, каждый со своего конца, они довольные пошли домой.

- Слава Богу, до дома добрались, - чувствуя скорейшее завершение сегодняшних приключений, сказал старик.

- А ты: вот доедем, деньги сдерут. Сейчас молодые все такие. Нет, время тут ни при чем, все зависит от человека. Если есть у него сердце и душа, если родители вложили в него

истинные понятия добра и справедливости, заложили жизненный стержень милосердия и любви, он и будет человеком. Мне кажется, наши дети тоже бы так сделали: подхватили стариков на дороге, поддержали. Хорошие люди всегда будут, - размышляя как бы сама с собой, сказала старушка, - а иначе жизнь закончится на Земле.

День рождения

- Когда мы вырастем и будем богатыми, то каждый день сможем приходить сюда и есть самсы, - говорил мой дружок Шах. - Это была его любимая присказка, когда он сильно-сильно чего-либо хотел. - Может быть, даже купим эту столовку.

Шах облизывал пальцы рук. Худенький, верткий, с жесткими черными волосами и быстрыми глазами, он всегда главенствовал в нашей паре, хотя по возрасту был младше меня на год. Я был выше и шире, но он распоряжался и вертел мной как хотел, генерируя идеи и сногшибательные проекты.

Наказание за наши проказы мы делили в соответствии с нашими фактурными данными. После очередной заварушки родители разводили нас, беря обязательство даже не смотреть в сторону друг друга, и мы честно выполняли наказания родителей. Однако старшие, закрутившись в вихре домашних и рабочих дел, забывали о своих обещаниях, и вскоре мы опять были вместе, готовясь к новым приключениям.

* * *

Сок, смешанный с курдючным жиром, вытекал из горячих самс и постепенно застывал.

- Давай ешь, а не разговаривай, - подталкивал я его. - Будем богааатыми.

- А почему бы нет, мы же не дураки с тобой, учимся нормально. Не беспризорные и безродные, здоровые.

- А, по-твоему, быть богатым, это как? - продолжал я и одновременно перекадывал самсу из одной руки в другую, чтоб немного остыла.

Меня всегда интересовала конкретика.

- Ну если у нас будет рублей сто, - немного подумав, ответил Шах.

Сто рублей были для нас, десятилетних пацанов, серьезной суммой. Самса стоила около 10 копеек. В ней было много лука, немного баранины и кусочек курдючного жира.

Мы чувствовали себя властелинами колец, и по сравнению с нами римские патриции с их лукулловыми пирами были простыми нищелюбами.

* * *

Когда у нас случались деньги, мы всегда приезжали из микрорайонов сюда, в центр города, к кинотеатру «Ала-Тоо», лакомиться самсами и лепешками с луком. Мы не помнили, как узнали про эту маленькую самсышню. Возможно, кто-то из друзей рассказал, а может быть, по запаху нашли. Нашему обонянию могли позавидовать волчата и другая живность из мультфильма «Маугли», а прожорливости - Великий Каа.

- Сейчас в «Шайбу», попьем газировочки, и, если деньги останутся, мороженого на Дзержинке. Ну а потом и домой в микраш можно, - определил программу действий младший партнер по гулянке.

Попить сладкой газировки в «Шайбе» было тоже одним из ритуалов наших набегов в центр города. «Шайба» была не просто зданием, где вкруговую стояло множество автоматов газ-воды с разными сиропами, стойка с соками и холодильники для мороженого с железными тяжелыми тубусами. Соки продавали в высоких стеклянных конусах, и чаще всего это был томатный, яблочный и виноградный.

Это была историческая достопримечательность архитектуры нашего города. Зданием можно было любоваться снаружи, обходя его вокруг и рассматривая лепнину и узоры. Вокруг павильона были фигурный гранитный бордюр и бассейн, наполненный водой, где на каменных подставках сидели лягушки. Бассейн был мелкий, и в жаркий летний день в нем всегда кто-нибудь возился из местной малышни. Внутри «Шайбы» всегда были люди, слышались смех и голоса.

Три копейки стоил стакан сладкой воды, но те, кто хотел пошиковать, как мы, иногда делали двойной. В стакан сначала попадал сироп, а потом уже вода с пузырьками. Дождавшись сиропа, мы убрали стакан и снова бросали трехкопеечную монетку.

Что будет, если родители узнают о том, что мы были в центре без разрешения, представлять просто не хотели. Однажды мы сорвались со всеми пацанами со своего кубрика в горы. Прошел слух, что в горах появились первые тюльпаны. Тюльпаны были пестренькие – желтые с красным, и всем хоте-

лось сделать приятное домашним. Проболтались в походе мы достаточно долго, вернулись без цветов и с огромным предчувствием беды.

Дома, как всегда, больше всех шумел отец. Он вообще не любил, когда вечером кто-либо из семьи отсутствовал. Став взрослыми, мы смеялись, вспоминая, когда младший брат, уже будучи степенным человеком, женатым и имевшим двух дочерей, позволил себе наглость появиться дома после положенного времени. Отец дождался его с палкой в руках во дворе нашего многоэтажного дома и гонял по микрорайону, пока не притомился. Наглядный урок домостроя получился весьма убедительным для всего молодого населения.

- Ты где был, мы тебя обыскались, - сходу начал он допрос.

- Мы с пацанами ходили в горы за цветами, - отвечал я, подыскивая пути к бегству. Загнал в ловушку он меня довольно быстро, а потому азарта охотника было еще довольно много. Если за легендарными панфиловцами стояла Москва, то за мной стоял большой платяной шкаф. Шкаф был невероятно тяжелый и сделан из настоящего дерева. Есть такие вещи, которые сразу вызывают ощущение незыблемости и вечности. Шкаф был из этого разряда. Он был настолько тяжелым, что за всю жизнь в нашей квартире его ни разу не передвигали с места, даже когда делали ремонт.

Чувства были обострены до предела. Надо было сдаться сразу, но я упустил момент. Папа решил завершить все одним ударом ноги. Склонности и любви к футболу я у него никогда не замечал. Нет, он любил смотреть футбол по телевизору, но не в реальности. Я увернулся, и папа впечатал ногой в шкаф. Папа и шкаф загудели одновременно, каждый просил о помощи.

В нашем противостоянии победила вечность, потому что я себя победителем считать не мог. Мне хотелось посоветовать папе поработать над ударом, особенно правой, но обстановка была не та, и мои советы могли посчитать как провокацию или насмешку. Рентген показал ушиб ноги, а врачи порекомендовали папе не увлекаться экспериментами со старыми шкафами. Папа совету внял и больше шкафы не трогал.

- Давай поедем домой. Скоро у меня день рождения, ты не забыл? И родителей теребить не будем, - обратился я к дружку.

* * *

Во дворе про день моего рождения помнили все. Мама всегда готовила большой стол и придумывала сюрпризы для детей и взрослых. Все ее кулинарные изыски хорошо отпечатались на наших с братом физиономиях и телах. Утром, отправляя нас, кого на работу, кого в школу или детский сад, она готовила горячий завтрак, а потом сама бежала на службу. Сосед дядя Дима, работающий корреспондентом в какой-то газете, всегда останавливался утром перед окном нашей кухни и вдыхал запахи. Мама обязательно выдавала ему кусочек чего-либо.

- В этом доме обязательно должен быть другой путь, проходящий в обход вашей квартиры, - всегда смущенно говорил он, проходя по подъезду, но кусочек брал и долго благодарил. Вскоре он сбежал от своей старой жены к молодой, была ли в этом доля маминой вины, приходилось только предполагать.

- Я не знаю, что делать со старшим сыном, - жаловалась мама одной своей молодой родительнице. Мама подрабатывала участковым детским врачом в нашем районе. - Мы его ограничиваем в еде, заставляем больше двигаться, плавать, ходить. Да он и сам парень живой и активный, а вес как был, так и не меняется.

- Вы говорите, что ограничиваете его в еде, но, извините, вчера я его видела с каким-то мальчишкой на углу, и они ели манты.

Мама недоверчиво посмотрела на родительницу своей маленькой пациентки.

- Мой Костя на углу ел манты? Может, вы ошиблись? Да и денег у него нет, - маме не хотелось расставаться с иллюзиями.

- Нет, я очень хорошо знаю вашего старшего, да его трудно спутать с кем-либо, он все-таки мальчик заметный. Они ели манты и были очень довольны. Можете у продавщицы спросить.

В начале микрорайона на углу стояли киоск с мороженым и небольшой павильон, где продавались кулинария, мясные полуфабрикаты и другая полезная снедь. Среди готовых блюд, действительно, продавали манты.

* * *

Надвигался день рождения, гости были приглашены, и мама предполагала, что, кроме ожидаемых людей, будет до-

статочно много непредвиденных, как со стороны детского, так и взрослого населения. А дел было еще непочатый край, и от мужчин подмоги не жди.

Убирая в квартире, мама наткнулась на игрушечную пластмассовую машинку «Волга». Машинка была очень удобная, потому что ее можно было использовать и как игрушку, и в качестве копилки. В багажнике делали прорезь, и в дни зарплат и пенсии родители и дед выдавали нам, детям, по железному рублю. Железный советский рубль, тяжелый, блестящий, и, если повезет, юбилейный, с вождем мирового пролетариата Лениным, первым космонавтом Гагариным, Неизвестным солдатом, это просто улет.

Деньги под контролем родителей пропихивали в щель. Когда копилка уже изнемогала от скопившихся рублей, ее опускали и покупали что-то полезное. И процесс накопления шел по новой. Копилки в доме было две - у брата и у меня.

Мама взвесила копилку на руке и не услышала привычного веселого перестука рубликов. С трудом заглянув в щель копилки, она ничего не увидела. Копилка была пуста.

- У него нет денег, - эту фразу она часто повторяла всем, кто говорил ей о сомнительных эпизодах моей жизни. Тут были и рассказы соседей, намеки мамаш детей, которых она лечила, откровенное доносительство деда и ее собственные подозрения.

Вечером семейный совет постановил: в наказание за крупную растрату средств, нанесение морального вреда здоровью граждан и психологических травм младшему поколению семьи отменить торжественное празднование моего дня рождения. Угол ждал меня с распростертыми объятиями. Объявлять об отмене торжественного мероприятия должен был я сам. Такое наказание, по мнению родителей, было показательней и имело жесткое воспитательное значение.

* * *

К моим достоинствам, проявившимся ранее, а именно поджигатель, хитрец, обжора, лгун, лентяй и проходимец, добавилась склонность к растрате общественного имущества и средств. По скромным подсчетам родителей, в копилке было немногим больше ста рублей. А это означало, что мы с моим другом хоть месяц нашего детства побыли богатыми людьми.

Александр КАМЫШЕВ

ТРАНЗИТ. ТРАНЗИТ?..

*Будьте осторожны со своими
желаниями –
они имеют свойство сбываться.*
Михаил Булгаков «Мастер и
Маргарита»

Под крыльями лайнера, идущего на посадку, проплывали городские пейзажи, заполненные игрушечными домиками с черепичными крышами. На высоком холме показалась гигантская мечеть с минаретами, словно застывшими на старте космическими кораблями, возможно, тот самый знаменитый константинопольский Собор Святой Софии, о котором я читал в детстве и который хотел увидеть, но внимание отвлекли два одиноких небоскреба, казавшиеся неуместными на фоне древнего города. Эти современные здания не вписывались в мое представление об архитектурном ансамбле бывшей столицы Византии. Зачем они здесь? Мысленное непринятие злосчастных высоток отозвалось мутной болью, зародившейся у левого виска и постепенно вытесняющей наслаждение от созерцания сказочной красоты. Давненько я не испытывал нападки мигрени, с чего бы это?

Часто летая на самолетах, я предпочитаю места у иллюминатора сразу за бизнес-классом. В первом ряду нет впереди сидящих, которые, откинув спинку своего кресла, сжимают твое и без того минимальное жизненное пространство. Это особенно важно при многочасовых перелетах, когда хочется поспать, вольготно вытянув ноги, или смотреть, ни о чем не думая, на проплывающие за иллюминатором виды. Но, как известно, у всякой медали есть обратная сторона, эти места, где на передней стенке можно установить люльку, выбирают семьи с малыми детками, а при таких обстоятельствах все преимущества уходят на второй план. Заняв свое кресло, я с прискорбием обнаружил, что соседний ряд оккупировала молодая мамаша с двумя младенцами, которые дружно ревели, стараясь перекричать друг друга. А может, орудие детишки и

не виноваты вовсе, а причиной головной боли стало общение с не в меру говорливой соседкой?

С далекой юности сохранились во мне романтические представления о судьбе, которая подбрасывает неожиданные встречи в долгих поездках. Случайные знакомства ни к чему не обязывают, и можно пообщаться всласть или послушать интересные истории, но в этот раз судьба ко мне не благоволила. Пожилая женщина, усевшаяся рядом, занесла в салон три пластиковых пакета, но не разместила их в багажном отсеке, а сгрудила перед собой. В череде безуспешных попыток заснуть я обратил внимание на манипуляции соседки, которая, перекладывая вещи из одного пакета в другой, тщательно обнюхивала каждую кофточку.

– Отдыхать летите? – спросил я.

– Нет, домой в Неаполь. Я пятнадцать лет назад к дочери с зятем перебралась, а в Кыргызстан прилетала на поминки дяди. По такому поводу родственники лошадь зарезали да пару баранов, целую неделю мясо ели, я уже отвыкла от жирной пищи и, кажется мне, вся бараниной провоняла. Вы не чувствуете запаха?

Я покачал головой.

– А вы из Бишкека или тоже в гости прилетали? – в свою очередь поинтересовалась она.

– К детям в Штаты лечу, Рождество отметить, а заодно отдохнуть и внуков потискать, – ответил я, надеясь, что соответствующий этикету разговор завершен и можно вздремнуть, наверстав упущенное, в связи с ночным вылетом. Но не тут-то было. Сам того не ведая, я приоткрыл ящик Пандоры.

– Не понимаю, как вы в этом Бишкеке живете? Грязь, пыль повсюду, дышать невозможно. Воздух пропитан гарью и выхлопными газами. Я как приехала, марлевую повязку надела, так почти ее и не снимала. Раньше Фрунзе считался самым зеленым городом в мире, однако сейчас деревья все спилили, а на месте скверов настроили башни, которые развалятся при первом землетрясении.

Негативная информация полилась на меня бурным потоком. Соседка возмущалась автомобильными пробками на городских улицах и грубостью водителей, купивших права. Высказав все, что она думает о своей родине и ее обитателях, соседка принялась рассказывать о Неаполе. Я узнал, какие небрежные, неопрятные и ленивые итальянские женщины с весьма ограниченными интересами.

– Вы представляете, они даже не знают ничего про Россию, не говоря уже про Кыргызстан, политикой совсем не интересуются, по субботам сидят в парикмахерской, а по воскресеньям ходят наряженные, как елки, в церковь. У нас в самом глухом ауле любой чабан более просвещен, чем эти наседки. Беседовать с ними совершенно не о чем... Вы еще работаете или уже на пенсии? – спросила она, втягивая меня в разговор.

– К детям переезжать не собираетесь?

– В советское время работал в геологии, а потом где придется, – не стал я вдаваться в подробности.

– А я работала в Академии наук, там такой серпентарий, все друг друга подсиживают и сожрать готовы.

Далее пошли детальные сведения с отрицательными характеристиками на ее бывших сослуживцев, среди которых встречались имена известных мне людей. Нелестная оценка досталась и безответственной родительнице, детки которой всю дорогу заглушали своим ором шум самолетных двигателей. Попутно соседка помянула недобрым словом распущенность и недостаток умственных способностей у всего современного молодого поколения с многочисленными примерами из жизни родных и знакомых.

Слушать пересуды про свой город и его обычаи, про козны местных ученых, с которыми она когда-то имела тесные связи, не хотелось. Допускаю, что «иностранка» говорила правду, намеренно сгущая краски. Во мне нарастала антипатия к снобизму и чванливости соседки, но я старался удержаться от возражений, поскольку спор с ней считал бесполезным. Зачем ей перечить или приводить в пример своих детей, с нуля сделавших успешную карьеру в Америке? Она просто этого не поймет. Неужели в ее жизни не нашлось светлых моментов, чтобы ими поделиться, или она специально, как вампир, высасывала мои радужные ожидания встречи с внуками, замещая их черными мыслями об отвратной бесперспективности нашего бытия? Неприятные ощущения от обывательского брюзжания вызывали протест и, вероятнее всего, стали причиной появления спазма.

Отправляя меня в дорогу, жена предусмотрительно положила таблетки от головной боли, и сейчас они лежали в кармане куртки, которая покоилась в самом низу багажной полки. Чтобы достать их, предстояло каким-то образом перебраться через пирамиду вещей, сложенных у ног говорливой соседки, и снять с полки большую часть чужой ручной клади. Ситуация

осложнялась тем, что на панели давно горело табло «пристегните ремни». Я решил дожидаться посадки, претерпевая боль.

У моего недуга есть странный побочный эффект. В мозгу начинает крутиться строчка какой-нибудь песни, монотонно повторяющаяся раз за разом. Этот неуправляемый процесс невозможно остановить, попытка выбить клин клином и начать прокручивать в голове слова других песен редко приводят к успеху. Навязчивый мотив застревает в сознании, хочется поскорее прервать звучащую в мозгу мелодию, отвлечься, но бороться с вызывающими раздражение повторами бесполезно. Угораздило меня за день до полета послушать проникновенный голос Елены Камбуровой, и вот теперь в голове из небытия возникли и закрутились в голове две строчки из романса Булата Окуджавы:

*Короток путь от весны до погоста,
Дождик осенний, поплачь обо мне.*

Самолет остановился на дальней стоянке, и пассажиры, поднявшись со своих мест, долго ждали автобуса, а потом начался неторопливый выход VIP-персон из бизнес-класса. Минуты тянулись, как вечность, зажатый у иллюминатора, я не мог добраться до спасительных таблеток, чувствуя головокружение и тошноту, грозящими неприятными последствиями. В автобусе, достав медикаменты, я сунул в пересохший рот таблетку, безуспешно пытаясь ее проглотить. Для выхода в зал ожиданий предстояла еще одна длительная процедура, когда транзитники нескольких рейсов проходят повторный осмотр ручной клади с раздеванием и переобуванием. Как протекал этот процесс, припоминаю с трудом, способность соображать стала возвращаться, когда в туалете я зажевал очередную партию таблеток, запив их теплой водой из-под крана.

Посадку на Сан-Франциско еще не объявляли. Заняв свободное место в зале ожидания, я с ужасом представил, что такое кошмарное состояние предстоит переживать еще тринадцать часов в полете. Лоб покрыла испарина, да и сам я неожиданно вспотел, хотя давно снял куртку и свитер. Некстати вспомнилось предсказание цыганки, услышанное еще в студенческие годы, что умру я вдали от родины, в одиночестве, и никто ко мне не подойдет.

«Умереть в одиночестве на чужбине» – как-то неожиданно пророчество приняло реальные очертания. Никто ведь не знает заранее, когда это произойдет и отчего зависит отведен-

ный нам срок: от правильного образа жизни или все-таки от генетики? Тогда плохи мои дела! Отец и дед не были долгожителями, а старший брат Николай в моем возрасте уже покинул этот свет. Сельский водитель, опора родителей, он всю жизнь крутил баранку, работая в совхозном гараже. Разница в возрасте у нас восемнадцать лет, неужели пришел и мой черед? «Дождик осенний, поплачь обо мне...» – продолжало крутиться в голове. Воспоминания о брате перенесли меня в далекое детство в сибирской деревне. Славное, безмятежное время, и самые неожиданные открытия и яркие впечатления связаны с Николаем, бравшим меня кататься на своем грузовике. Николай любил анекдоты, знал их массу и всегда рассказывал, когда, согласно деревенской традиции, приходил по субботам к родителям в баню. По такому поводу собиралась вся многочисленная родня, после баньки обязательно скручивали голову «Московской особой» и наступал звездный час для брата:

– Кому на Руси жить хорошо? Доярке Нюрке, Гагарину Юрке, Герману Титову, Никите Хрущеву да Леониду Брежневу, а для остальных все по-прежнему. – А вот еще один. Почему Никита решил свиней разводить? Потому что они всегда голосуют за Хрущева. Хру-хрю – Хрущев, значит, – и сам же первым заливался смехом над своей шуткой.

Отцу эти байки страшно не нравились:

– Посадят тебя, Коля, за твой длинный язык и дурную башку.

Мне становилось жалко своего веселого брата, и непонятно, как за смешные истории могут забрать в тюрьму, где сидят воры и убийцы.

К счастью, репрессии нашего семейства не коснулись. Смекнув крестьянским умом, что у новой власти богатые и предприимчивые не в чести, дед еще до коллективизации оставил свой добротный двор с амбарами, конюшней и сараями и, перебравшись в небольшую избушку, занялся на дому мелким ремонтом крестьянского инвентаря. Отец, следуя советам деда не выставляться без надобности, отказался поступать на курсы младшего командного состава, сославшись на слабую грамотность. Рядовым, пройдя военное лихолетье с первых месяцев до японской капитуляции, дважды тяжело раненный и контуженный, памятуя, что смерть может настичь в любой момент, он впитал на генетическом уровне азы выживания и часто их повторял:

– Не болтай лишнего и не высывайся.

Верный заветам родителей, я и не высовывался, тихой серой мышкой сидя на последней парте. Корь, которой я переболел в третьем классе, вызвала глубокую близорукость, я перестал видеть, что пишет учительница на школьной доске, но стеснялся кому-либо открыться. Когда причину моей неуспеваемости обнаружили, отца сильно расстроили не столько последствия болезни, сколько непредвиденные расходы. К окулисту пришлось ехать в город, а потом еще разыскивать по аптекам дефицитные по тем временам оправу и линзы. Чувство вины, что я стал причиной непомерных трат, укоренилось в душе. Носить очки стало еще большим испытанием, чувство неполноценности отравляло все мое существование. В пионерском лагере, когда сверстники резвились сами по себе или участвовали в спортивных состязаниях, я прятался в библиотеке с книгами. Помню, как самоустранился от соревнований по прыжкам в длину, а отстаивать честь отряда вызвался проходящий Володя Лужников. Прыгнул он слабо, заняв последнее место. Когда соревнования закончились и яма освободилась, я тоже решил испытать себя и превысил рекордный результат. Мой прыжок засекала вожатая и долго потом стыдила за нерешительность. Неуверенность в себе поддерживали и культивировали мои одноклассники, громко сетуя на уроках физкультуры, если я оказывался в их команде по футболу, волейболу или баскетболу, поскольку я снимал очки, опасаясь их разбить, а без них замечал мяч слишком поздно.

Не имея друзей, я развлекался чтением русской классики и мечтаниями. О, эти сладостные мальчишеские грезы о светлом будущем с прекрасной и веселой спутницей жизни. Будучи абитуриентом, я увидел в Томском краеведческом музее старинный портрет девицы в полный рост и год бегал к ней на свидания. Лаконичная табличка сообщала – картина первой половины XIX века, неизвестного художника. Школьная программа по литературе формировала представление о противоположном поле как созданиях возвышенных, романтических и загадочных. И модель на старинном полотне, являясь воплощением всех этих качеств, завораживала меня своей тайной. Кто она? Красавица молча смотрела на меня сверху вниз, перебирая тонкими прозрачными пальчиками веер из перьев экзотических птиц. Но порой казалось, что на безучастном личике, обрамленном каскадом локонов, пробежал свет улыбки. Стоять подолгу рядом с предметом своей страсти, задрвав голову, было неудобно, к тому же вскоре смотрительницы стали

узнавать меня и становились рядом, от чего близость с незнакомкой теряла свою прелесть. Разминувшись с объектом своей влюбленности на полтора столетия, я безуспешно пытался узнать судьбу незнакомки. План представлялся мне простым, как три копейки, – отыскать семейство, у которого реку визировали фамильное полотно, проследить до наших дней разветвленное древо его родословной, найти и познакомиться с подходящей по возрасту пра-пра-правнучкой моего предмета воздыхания. Я просиживал в городской библиотеке долгие зимние вечера, листая старые журналы, в надежде найти упоминание о художнике, нарисовавшем великолепный портрет дочери купца или крупного золотопромышленника. На старших курсах меня стали больше интересовать современницы, но и о своей первой любви я не забывал, хотя приходил к ней реже, и почему-то расстроился, когда картину перенесли в зал зарубежной живописи, а на обновленной табличке поместили фамилию неизвестного мне французского художника. Обидно было узнать, что прекрасная незнакомка морочила мне голову, идеал русской красоты оказался ветреной француженкой.

В институте к комплексу физической ущербности добавилось осознание материальной несостоятельности. Отец на момент моего поступления ушел на пенсию, а мама, занятая домашним хозяйством и воспитанием шестерых детей, пособие не получала. Стипендия как единственный источник существования диктовала прилежание в учебном процессе и не позволяла расслабиться, оставляя житейские соблазны до лучших времен. В это время у меня – а может, это болезнь целого поколения – появился комплекс ожидания. Благо обещанный коммунизм маячил не за горами. Вот тогда будет все: интересная работа с достойной зарплатой, а вместе с ней и исполнение всех житейских планов. Надежды на лучшие времена и отчужденность от происходящих вокруг событий сопровождали студенческие годы. На третьем курсе к нам приезжал представитель нефтеразведочной экспедиции, агитируя перейти на специализацию по бурению глубоких скважин. Согласившимся автоматически добавлялся червонец к стипендии, но взамен требовалось подписать договор и по окончании института отработать на Ямале два года. Деньги мне ой как были нужны, но пугала перспектива всю жизнь провести в болотах, а главное – связать себя какими-то обязательствами. Из нашей группы на нефтянку перешел лишь шустрый и недалекий Витька Белоногов. Позднее те же романтические

представления о геологии как о возможности путешествовать по необъятным советским просторам повлияли на выбор при распределении дальневосточной разведочной партии стройматериалов. Хотя пользующийся авторитетом Александр Новоселов, комсорг группы буровиков, просвещал меня, что нужно устраиваться в солидную организацию. Сам он отправился в геологическую экспедицию по разведке алмазов.

Вроде совсем недавно, впервые за сорок лет, летал в Томск на встречу с однокурсниками. Так уж вышло, что после всесоюзного распределения и частой смены адресов я растерял своих друзей и узнавал об их судьбе через третьи руки. И вот они, ставшие такими близкими и родными за пять лет проживания в одной комнате студенческого общежития, собрались снова. Потоком лились воспоминания из ненадолго вернувшейся молодости, будто не расставались вовсе. А потом стали приходить печальные известия.

Первым ушел лучший друг Юра Каширин, или просто Юрчик, директор геологоразведочного треста, заводной сангвиник, самый разгильдяистый в группе буровиков, напомнивший мне о судьбоносном эпизоде, который как-то выветрился из памяти.

Преддипломную практику нам предстояло проходить в краевом геологическом управлении Красноярска, где жили родители Юрчика. Он предложил на несколько дней остановиться у них, прежде чем нас направят по поисково-разведочным партиям, и настойчиво советовал взять с собой девушку, с которой я недавно познакомился:

– Захвати свою подругу, покажем ей город, сводим в заповедник «Столбы», прокатимся на Красноярскую ГЭС.

– Не сможет она, у нее защита диплома на носу, да и неудобно, – испугался я таких решительных действий.

– А ты попытайся, может, получится, – настаивал Юрчик.

Староста нашей студенческой группы, бабник и донжуан, назвал как-то меня дефективным. Где-то в душе я с ним соглашался: длинноносый очкарик, с щелью для принятия пищи вместо губ, а главное – нищий, как я могу понравиться девушкам, и потому влюблялся в писаных прелестниц на расстоянии и тихонько страдал, встречая их с другими. Очередная симпатия входила в их число, и свои шансы на успех я оценивал невысоко, но, на удивление, поехать с нами она согласилась. Это была незабываемая поездка, шумная и веселая. Экономя на такси, мы прошли от железнодорожного вокзала пешком по

ночному городу, хохотали всю дорогу и лишь ранним утром добрались до элитной многоэтажки. Юрчик попросил меня немного отстать, а прямо на пороге ляпнул своей маме, открывшей дверь:

– Знакомьтесь, моя невеста.

Дверь закрылась, и я остался один на темной площадке. Из квартиры доносилась какая-то суета, видимо, поздравления, и тут пришло осознание – меня опередили. Юрчик всегда заглядывался на мою девушку. Каков гусь, так ловко все подстроил. Он привел невесту знакомить с родителями, а я тут с какого бока? Ком подступил к горлу, до чего обидно, лучший друг, и так низко поступил. Она тоже хороша, ни словом не обмолвилась, хотя всегда повторяла: «Твой друг такой забавный».

Когда меня наконец пустили, стала ясна причина затянувшейся паузы. От неожиданного известия мама, ойкнув, тихонько свалилась в обморок. Пока родительницу приводили в чувства, оправдываясь, что это розыгрыш, про меня не сразу вспомнили. А когда все же предъявили, вот, мол, жених, голос мой дрожал и не мог произнести что-либо вразумительное.

До пятого курса я и не догадывался, что этот непутевый сын – отпрыск интеллигентной семьи. Папа – полковник, а мама – актриса драматического театра. Впервые я увидел шикарную квартиру: стены, завешанные старинными картинами, фарфоровые статуэтки и хрусталь в серванте. А что, если красавица в самом деле остановит свой выбор на состоятельном друге или увлечется кем-то другим? Надо спешить! И уже на следующий день, когда мы взобрались на вершину красноярского столба, я попросил ее стать моей женой. Сомневаюсь, что решился бы на такое, если бы ни Юрчик.

Ранее до меня доходили сведения, что однокурсник Сашка Новоселов стал мэром якутского города Мирного, а Витька Белоногов вообще заделался олигархом, но вслед за Юрчиком не стало и его, а за неделю перед моим отлетом на электронной почте появилось короткое сообщение: «Саши больше нет. Инсульт». Видимо, подошла и моя очередь. «Короток путь от весны до погоста», – звучал в голове назойливый мотив.

Зал ожиданий заполнили паломники в белых простынях и сандалиями на босу ногу, в основном мужчины пожилого возраста, словно вышедшие на свежий воздух после парной. Посетив Мекку и очистившись от земных грехов, они могут

спокойно умирать, где-то я слышал, что смерть во время хаджа делает мусульманина святым, а мне это не светит, если я протяну ноги в этом перелете. Сколько непредвиденных беспокойств доставлю жене и детям! Сразу представилось, что лежу я на лавочке, а вокруг пробегают тысячи пассажиров, спешащих на свой рейс, не замечая уснувшего навеки. А потом, через день-другой, уборщик мусора случайно прикоснется к застывшему в неудобной позе холодному трупу...

Бывалые люди говорят, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами. Видимо, неспроста на меня нахлынули воспоминания. Если так заведено, не будем нарушать традиций. Пора подводить итоги. «Зачем я жил? Для какой цели я родился?» – всплыл в памяти заученный в школе отрывок из дневника Печорина, перебивая звучавшие в голове строки романса. Вдоволь хлебнув романтики в геологоразведочных экспедициях Дальнего Востока и Камчатки, перебрался в Киргизию, где занимал суетную должность начальника буровой партии в институте инженерных изысканий. Денег платили мало, но их хватало, жена-красавица, детки-умницы, чего еще надо? Может, так спокойно и незаметно прожил бы до пенсии, но с распадом Советского Союза и началом жесткой инфляции, съевшей все наши сбережения, я вдобавок потерял работу. Потерял работу после одного случая, когда мне и задали вопрос: да кто ты такой?

Та автоавария произошла на моих глазах. Загорелся зеленый свет, и я шагнул на проезжую часть, вдруг заметив, что на приличной скорости перекресток пытается проскочить черная «Волга». Пришлось отступить назад, а автомобиль, не снижая скорости, врезался в начавшее движение в поперечном направлении такси. Дальнейшие события разворачивались по установившемуся сценарию, вместо извинений водитель бросился на таксиста с кулаками.

– Куда выперся на желтый свет? Пострадавшая от столкновения пассажирка «Волги» в дорогой шубе вытирала платком разбитое лицо и тоже присоединилась к нападкам на бедного таксиста:

– Надо вызвать ГАИ, я подтверждаю, что это он нарушил правила.

Молодой человек опешил от такой наглости и робко пытался оправдаться. Мне стало его жаль, и я, вопреки заветам родителей, выставился:

– Не переживай, буду свидетелем, что виноват водитель ГАЗ-24, он и меня чуть не сбил, когда я собирался переходить дорогу на зеленый свет.

– А ты не суйся не в свое дело, – набросилась на меня женщина, – проваливай подобру-поздорову, видали мы таких правдолюбков.

Милиция приехала быстро, сняв с меня свидетельства под протокол. Но самое неприятное случилось через пару дней, когда меня вызвал директор, сообщив, что ему позвонили «сверху» и настойчиво попросили, чтобы я переписал показания. Я заупрямился.

– Да кто ты такой? Она депутат городского совета. А ты кто? Кого ты из себя возомнил? – горячился директор. Вот так я узнал оценку своей почти двадцатилетней работы в институте.

Признаться, до того момента, когда я стал простым безработным, мысль, кто я такой, меня не посещала, более того, я собой гордился. Еще бы, имею высшее образование, не большой, но начальник. Для пацана из сибирского поселка пределом мечтаний было пожить в городе в благоустроенной квартире, где не надо бегать за водой в колодец на соседнюю улицу, нет необходимости заготавливать на зиму дрова, а по утрам не нужно пробивать траншею в сугробе до туалета. А потом начались ожидания лучшей жизни, откладывания всего на потом. Вот выучусь, стану работать, стараться изо всех сил, и меня заметят, оценят, продвинут. Тогда-то и закипит настоящая интересная жизнь. Надо признаться, как я был наивным деревенским мальчишкой, так и оставался деревенщиной, а ведь мог сделать карьеру, как однокурсники. Не захотел или поленился, или не хватило способностей или уверенности в себе и решимости. Тихо, в постоянной суете и заботах, без взлетов и падений, без страстей с маленькими радостями в роли стороннего наблюдателя созерцал проходящую мимо жизнь.

До посадки на Сан-Франциско осталось два часа, на бло появился номер гейта. А что, если бдительные американцы, которые, не доверяя турецким секьюрити, сами проводят регистрацию пассажиров, обратят внимание на мой болезненный вид и не допустят на посадку? Усилием воли я поднялся и осторожно, не делая лишних движений, чтобы ненароком не свалиться, отправился в туалет. Тяжелая голова напоминала сосуд, наполненный жидкостью, который надо переносить

очень осторожно, чтобы не расплескать содержимое. Умывшись холодной водой и стерев покрывшую лоб испарину, сразу почувствовал некоторое облегчение, голова перестала кружиться, а боль немного ослабла.

Если полчаса назад я покрывался потом, то вдруг стал мерзнуть, пришлось снова надевать свитер и теплую куртку, хотя передо мной дефилировали девушки со всех континентов в открытых маечках.

Ее появление сложно было не заметить. По телевизору и в журналах постоянно мелькают многочисленные фото красавиц и супермоделей, но они не производили на меня особого впечатления, не вызывая никаких эмоций. Здесь же разыграли все чувства ушедшей молодости. Нечто, заложенное в мужской особи, сладостной истомой сдавило сердечную мышцу, оценив по достоинству рельефную фигуру женщины, достигшей к тридцати пяти годам своего расцвета. Привлекала взгляд даже не гордая величественная осанка, а исходящее от длинноволосой блондинки ощущение собственной неотражимости. Одухотворенное интеллектуальное лицо напоминало образ Нефертити, но не тот алебастровый раскрашенный бюст, а другой, менее публикуемый, высеченный из гранита, где мастерски выделены очертания губ. С классическим ростом под метр восемьдесят, в облегающих джинсах и коротком белом топе с полуоткрытой высокой грудью и плоским животом под струящейся бахромой, она села напротив, достала белоснежные наушники и, наткнувшись на мой взгляд, слегка улыбнулась.

Мысли о неминуемой смерти в аэропорту удалились на задний план, а в памяти ярко вспыхнули давно забытые юношеские душевные томления. После женитьбы грезы о красавицах ушли в небытие, хотя, отправляясь в Томск на встречу с однокурсниками, я планировал посетить музей и еще раз ощутить буйство чувств, вызываемых образом незнакомки, но не сложилось. Вот и эта девушка, сидящая напротив, — несбыточная мечта, такая же недосыгаемая, как та на старинном полотне, упорхнет, растает, как сон, и больше мы никогда не пересечемся. Интересно, если бы мне снова стало тридцать, мог бы я познакомиться с такой богиней? Вряд ли, я бы, как всегда, струсил. Ведь главное — не тупо грезить, но и осуществлять свои желания, правда, все, о чем я мечтал, сбылось, вот только цели ставились скромные.

Мое место у иллюминатора занял пожилой араб в белой одежде. На показанный ему посадочный талон он не отреагировал и остался сидеть, лишь кивнув на соседнее кресло. Если бы я стал настаивать, всего дальнейшего могло и не произойти. Я занял его место в центре, а через несколько минут рядом остановилась блондинка из зала ожидания.

– Хай, – поздоровалась она.

– Guten Tag, – случайно вылетело у меня приветствие, засевшее со школьной скамьи.

– Sprechen Sie Deutsch? Siesindaus Deutschland? – спросила она.

– No, I'm from Kyrgyzstan, – выдал я заученную фразу.

– А почему на иностранном, в Киргизии, что, уже по-русски не говорят? – девушка широко улыбнулась.

– О! – еще больше обрадовался я приятному соседству.

– Так вы русская?

– Не совсем, я из Белоруссии.

– Вы тоже летите этим самолетом?

– Нет, – рассмеялась она, приняв мой глупый вопрос за банальную шутку незадачливого ловеласа. – Мне совершенно в другую сторону, но, заметив, как вы смотрели на меня в зале ожидания, решила вас немного проводить.

– Извините, я действительно любовался вами, вспоминая юношеские представления о прекрасных дамах. С такими потрясающими внешними данными вы, наверное, актриса?

– Ошибаетесь, я художник. У дальней родственницы в Кармеле собственная картинная галерея, там она и устраивает выставку моих работ. А вы зачем летите в Америку? Дайте угадаю, в гости к внукам?

Свободное раскованное общение создавало ощущение, что знакомы мы давно и собеседнице очень интересно, что же со мной произошло за последние годы, пока мы не виделись.

– Совершенно верно, дочь с зятем пригласили на курорт в Тахо покататься на лыжах. Кстати, я отдыхал в Кармеле, там отличный пляж и десятки картинных галерей, его еще называют городом художников и поэтов. Вы в первый раз летите в Штаты?

– Уже приходилось, но в составе делегации, нас неделю водили по музеям и выставкам. А вы любите живопись? Кстати, меня Светлана зовут, а ваше имя, отчество, кто вы по профессии?

Я представился. И добавил:

– Живопись я люблю, но, к сожалению, слабо в ней разбираюсь. В студенчестве я часами простаивал возле старинного портрета кисти какого-то француза Кура. Огромное полотно почти от пола до потолка, а на нем девушка с веером лет семнадцати. Всю жизнь я пытался узнать имя и судьбу этой модели.

– Полагаю, это картина Джозефа Кура, известного портретиста, которого еще сравнивают по мастерству с Карлом Брюлловым. В художественном училище я писала реферат по европейской живописи XIX века. А потом в Эрмитаже любовалась его работой. А где вы видели его картину?

– В Томском краеведческом музее. Черты лица я не помню, из-за близорукости они представлялись мне слегка размытыми, но от того не менее прекрасными. Кстати, в зале ожиданий мне вдруг пришла в голову мысль, что вы на нее очень похожи. В вашей родословной не сохранилось упоминания о портрете какой-нибудь пра-пра-бабушки? – мне вдруг захотелось услышать положительный ответ, раскрывающий загадку, терзавшую меня с юности.

Светлана рассмеялась:

– Должна вас разочаровать, у меня рабоче-крестьянское происхождение, хотя по маминой линии в нашем роду имелись польские шляхтичи. Мне интересно другое, как полотно Кура могло оказаться в Сибири? Я сейчас подумала, возможно, на картине одна из дочерей князя Щербатова. Путешествуя с семьей по Европе, генерал-губернатор Москвы заказал портреты жены и княжон у знаменитого и модного тогда художника, – предположила Светлана, поражая своей эрудицией.

– Щербатовы – знакомая фамилия, – начал я вспоминать школьные уроки литературы. – Лермонтов княжну Мери написал по образу своей возлюбленной Щербатовой, у него есть несколько стихотворений, посвященных ей. Одно из них заканчивается парадоксально – «мне грустно потому, что весело тебе». Выходит, что я влюбился в пассию Михаила Юрьевича? Родись я двести лет назад, поэт застрелил бы меня на дуэли.

– Ну что вы, он бы промахнулся! – рассмеялась художница. – Хотя что-то у нас с вами не сходится, если это портрет княжны, то он написан в 1840 году, а девушке, как вы говорите, лет семнадцать. Не мог у нее быть бурный роман с поэтом. Вы меня заинтриговали, я считала, что хорошо знаю творчество Джозефа Кура и истории его картин, а слышу о не-

известном мне портрете в Томске и связи княжны Щербатовой с Лермонтовым. Обязательно постараюсь все выяснить и сообщить, если это вам так интересно. Запишите мой электронный адрес, а если сможете, приезжайте в Кармел посмотреть мою выставку.

Самолет выехал на взлетную полосу и замер перед стартом.

– Взлетаем! – выдохнула Светлана.

– Счастливого нам полета, – прошептал я, погружаясь в сладостные грезы о прекрасном будущем, которое, если очень захотеть, исполняет задуманное.

ЛЕНА И LEXUS

история паркетника

Коротко о себе

Я серебристый Lexus RX 330, почти новенький, плод американско-японской любви. В смысле производственной. Однако классно, когда дитя удачное во всех смыслах, начиная с окраски, придающей мне стильно-футуристический вид (на момент выхода с конвейера), и заканчивая правильно приспособленным подстаканником у руля. Созданный на заре перерождения гендерного равенства в диктатуру правильности неправильных (с точки зрения почти всех религий) сексуальных отношений, я все-таки ощущаю себя мальчиком. Не грубым фермером, а слегка подкаченным в фитнес-центре Нарциссом. Гламурная внешность позволяет косить под избранного на дорогах: с таким шильдиком на капоте у нас в Америке это прокатывается. Особенно, если за рулем женщина, как в моем случае. Я создан для бездорожья, вернее, почти для бездорожья, но люблю гладкие хайвэй. Где мой в меру мощный мотор позволяет перегонять многих.

Я не из автострадных выскочек с хозяевами типа «по случаю разбогатевших жлобов» или «зажравшихся богатеев в третьем поколении». Мы, «Лексусы», для трудяг, но только тех, которые не утратили чувство вкуса в погоне за местом под солнцем. Именно на нас держится самое прогрессивное общество на планете, и не только держится, но и жирует, позволяя отдельным особям покупать «Феррари» и «Корветы». Короче, я — почти баловень трафика, от того тоже позволяю себе смотреть на других свысока. Я не люблю большие американские машины и не понимаю тех, кто находит их краси-

выми. Угловатость - скорее признак уродства, чем изящества. Монументальность, она скорее от страха, чем от свободы. В остальном я вполне адекватен. Хотя нет, обожаю, когда мою шампунем, полируют бока, заливают бензин. В общем, живу полнокровной жизнью, исполненной американской мечты. Почти счастливо.

Покупка

Моя хозяйка Элен у меня первая, а я у нее нет. Она преуспевающий лойер. Законник, умеющий находить дырки в законодательстве (в дискуссии зачастую дырка от бублика много значительнее самого бублика), отчего ее правильнее называть беззаконником. Впрочем, меня купила она на свои законные (или беззаконные). Как-то зашла в салон, увидела и влюбилась. Я тоже ничего не имел против, тем более что от меня в этой истории ничего не зависело. Мой дилер, опостылевший своей неумной энергией сбегать хоть кого-нибудь из нас, был просто счастлив, как бывает счастлива мать семерых бесприданниц, которой удалось пристроить замуж одну из дочерей. Хотя про бесприданниц это я некорректно, мое приданое внутри меня в виде полного набора опций - для всех случаев дорожной жизни. И Элен вместе с блестящим фантиком получила конфетку с полной начинкой. Так начался наш роман.

Поначалу Элен мне очень понравилась, такая гордая, независимая и с хорошим вкусом. Не зря же выбрала меня. Она появилась в салоне с таким чувством собственного достоинства, что мне сразу захотелось принадлежать ей. Наш дилер, престарелый мексиканский, слегка облезлый мачо (более похожий на чмо, если снять форму и выветрить недорогой одеколон), просто растаял перед покупательницей. Обычно он лебезил перед всеми, а здесь конкретно растаял. Душонка недавнего эмигранта впала в робость перед преуспевающей коренной американкой, а мужское самолюбие, ни разу не удовлетворенное женщиной такого класса, завершило процесс впадения в ступор. Но даже в ступоре он остался торгашом, что и помогло совершить удачную сделку. И тупая лезть в виде комплемента, как мой цвет подходит к ее деловому костюму, возымела действие, итогом которого оказался подписанный чек.

Типичная американка

Это потом я понял, что в 45 женщины бывают либо устроенными семьянинками, чаще всего с фастфудовыми фигурами, либо нарочито высушенными воблами с костлявой попкой. Кстати, попа ее мне очень не понравилась сразу, не с точки зрения эстетики, а потому, что просто костлявая. До такой степени, что кажется может проткнуть нежную кожу водительского сиденья. Во всем остальном я был просто в восторге от своей хозяйки. Куда хуже было бы, если меня бы купил негр (простите афроамериканец) с генетической предрасположенностью к баскетболу, насилию и рэпу. Впрочем, баскетбол мне до фары. А вот хозяин с перманентной озабоченностью к разборкам по любому поводу - не самый лучший. Дождаться такого на стоянке с постоянной опаской получить битой по фарам или стеклам от его очередного визави по конфликту мне как-то не улыбалось. Да и от рэпа динамики быстро утомляются. А адвокат в юбке в такой ситуации всегда предпочтительнее. Один – ноль в борьбе гендера с апартеидом.

Так у нас сразу и случилась если не любовь, то симпатия. Я оказался в роли любимой игрушки. Представьте взрослую девочку, не наигравшуюся в детстве с Барби со всеми причудами. Хорошая работа позволяла ей содержать дом с прислугой. Дети, заведенные до меня, - под присмотром, руки развязаны. Карьера несется вперед, как «Феррари» по хайвэю. И не успеваешь заметить, как из рядового помощника престарелого лойера превращаешься в младшего партнера адвокатской конторы. И обязанность побывать в постелях старших (старых) партнеров кажется почти забавной. Если бы не дряблые тела и искусственно оживленные «Виагрой» чресла. Мелочи. Зато статус, деньги, дом и перспектива обеспеченной жизни... Но как-то вдруг все меняется. На работе никто уже не приглашает в постель, предпочитая более молодых помощниц, и дело даже не в возрасте и не во внешнем виде, хотя спортзал и диеты сделали свое дело. Она не по-американски худа, и своей засушенной стройностью стала напоминать плохо обструганный черенок от метлы. В удачливом адвокате как-то вдруг пропало женское начало, картину завершала перманентная пластика, утянувшая все что можно, за исключением перекаченного силиконом бюста. Идеальный внешний вид для стареющей американской стервы. Плюс появилась еще один пунктик. Она без остатка, как Ганди в Ганг, погрузилась

в особую американскую религию, названную гендерным равенством (скорее в замаскированное скрытое превосходство над мужчинами). Воинствующее равноправие женщин стало ее жизненным кредо, которое распространилось не только на суды и хайвэй, но и на быт и постель. Элен даже пыталась защищать молодых помощниц в своей конторе (попавших под особое внимание старших партнеров), но с удивлением наткнулась на их нежелание воспользоваться ее помощью. После такого поворота презрение к женщинам моложе ее стало еще одним пунктиком ее жизненной философии. Но все это было в глубине души Элен, а снаружи она оставалась преуспевающим юристом, всего в этой жизни добившейся собственными силами. Ее любовь к себе обернулась своеобразными фетишами. В разряд таких фетишей как раз и попал я, Lexus RX 330.

Удачи и неудачные

Ко мне Элен относилась как к мужчине. Вернее, как к голо, с которым можно не только потанцевать, но и провести ночь. Эдакий Бандерос, взятый напрокат. Накормленный, напоенный, но обделенный ответной нежностью. Так как гендерный подход предполагает только получение порции обязательных ласк от нанятого мужчины, Элен никогда не опускалась до мытья моих боков, предпочитая, чтобы это делали профессиональные мойщики. Соответственно, чинили меня или меняли масло только в фирменных мастерских. Но в этом я не одинок, и у большинства моих четырехколесных американских собратьев судьба аналогичная. Воплощение местечковой мечты в великой стране – это принцип, когда ничего можно не уметь, кроме своей профессии. Здесь даже для замены лампочки принято вызывать электрика. И не стоит мечтать о губке с шампунем в нежных руках ездящей на тебе женщины. Поэтому у нас интим только на дороге. Каждый день. Мной гордились, как новым платьем для рождественского приема. И гордость эта, в отличие от платьев, не одноразовая. Я целый год удовлетворял тщеславие хозяйки. Особенно это почувствовалось, когда ее школьная подруга Кэт, тоже пересела на «Лексус». Мой младший брат (или старший по возрасту) Lexus RX 300 похож на меня, но классом ниже. И это справедливо, потому, что Кэт не столь успешна, как Элен. Она была не бизнес-леди, а простая американская домохозяйка при состоя-

тельном муже. Уютно-толстая потребительница гамбургеров и подчеркнуто диетической колы, Кэт на выпускном в школе (где очень в почете экстерьер) еще конкурировала с подругой за звание королевы вечера, потом быстро выскочила замуж за обеспеченного клерка и с головой ушла в семейные проблемы. Они с мужем почти десять лет ждали первенца. Теперь у них было трое сыновей, награда для матери, пожертвовавшей ради семьи собственной карьерой. Кэт раздобрела, заплыв фастфудовым жиром, как весомым показателем холестерина нового благополучия. Остаточная после молодости сексуальность иногда удовлетворялась раз в месяц супружеским долгом. В остальное время муж, видимо, ходил налево, но жена предпочитала не лезть в такие подробности, чтобы не портить отношения с семейным кормильцем. Откуда я это знаю? Из разговоров подружек, которые иногда случались в моем салоне. Впрочем, дружба у них была тоже чисто американская. Скорее соперничество по параметру «кто в этой жизни успешнее». Соревнованию этому уже лет двадцать пять, с того момента, когда на выпускном королевой признали именно Кэт, а не Элен, которая до сих пор простить этого не может. Хотя по жизни женщины оставались самыми близкими подругами. Что лучше: наличие мужа, ходящего налево, или отсутствие такового? Что привлекательнее: здоровая самодостаточная тучность или желчно-тренажерная искусственная худоба? А вот 330-й «Лексус» точно круче 300-го! Это в плюсе, но есть и минусы. И пусть я буду в ваших глазах выглядеть не патриотом, но моя хозяйка при всей своей независимости тайно и практически подсознательно завидовала подруге. Это я чувствовал кожей. Водительского сиденья. У соперницы, по крайней мере, был мужчина, хоть и раз в месяц. У Элен с мужчинами теперь в 45 стало совсем плохо. Вернее, никак. Ну перестали на нее обращать внимание мужчины ее ранга, а на меньшее она не соглашалась по социальному статусу и гендерным принципам. Правда, была как-то попытка соблазнить юного пуэрториканца, наемного чистильщика ее бассейна, на моем заднем сиденье. Ничего не вышло, и молодой нелегал сделал вид, что не понял, чего от него хотели. С тех пор нашим бассейном занимаются люди из другой фирмы. А хозяйка моя стала еще более окончательной стервой. Мужененавистницей. Но самое главное, у нее изменилось отношение ко мне. Я для нее стал символом отношения к противоположному полу. И еще ровней подружьиному 300-му. Меня просто перестали жалеть, отчего

на бамперах и боках с ужасающим постоянством стали появляться вмятины и царапины от общения с бордюрами и другими четырехколесными собратьями. От упадка своего рейтинга в хозяйских глазах я даже начал болеть. То сальник потечет, то амортизатор застучит. Прошла любовь, завяли ананасы, высохли сальники и подсдулись шины. И все закончилось тем, что, проезжая мимо очередного автосалона, хозяйка положила глаз на новенький Infinity FX 35, который, как и я, был представителем американским японцем.

На панели

Как поступают с бывшими, всем известно, их просто выкидывают из своей жизни. Меня грубо поменяли. Заплатив 5 тысяч и даже не попрощавшись, Элен укатила на новеньком внедорожнике. Впрочем, мне жаль 35-го, его судьба понятная наперед. Меня же больше интересовала судьба собственная. На стекло прикрепили бумажку Sale, так я фактически оказался на панели. То бишь был отправлен на аукцион подержанных авто. Я не зря сравнил аукцион с панелью. На аукционе тебя выбирают так же, как на дешевом пяточке продажной любви. Только все обставлено красиво и света больше, а контингент покупателей - русские и хохлы. Хоть люди эти из другого полушария, но больше всего похожие на наших бандюков, говорящие на непонятном грубом языке и на высоких тонах.

Меня купили сразу и не очень задорого. Причем не в Россию и не на Украину, а куда-то еще дальше, в южную страну, которая теперь от России отделилась. Я с удивлением узнал, что, кроме Мексики и Канады, где-то далеко есть еще и другие страны. Любопытно, что Элен об этом никогда и ни с кем не говорила. А узнал я из бумаги, приклеенной к лобовому стеклу. И еще из разговоров понял, что придется плыть через океан. Раньше я видел большую воду, но только с прибрежной автострады и портовой стоянки. Как плыть, я не знал, так как умение плавать отсутствует даже в моих самых навороченных опциях. Но с бандюками не поспоришь, теперь они мои хозяева. Так, наверное, чувствует себя купленная проститутка, когда везут ее в грязном автомобиле непонятно в какую сторону и неизвестность мерзким холодом заползает в душу.

В порту, куда меня перегнали своим ходом, я оказался на площадке с такими же авто, готовыми плыть через океан. Здесь выяснилось, что мы все поплывем на большом корабле,

который стоит неподалеку от нашей площадки. Лайнер мне сразу понравился. На таком же моя бывшая хозяйка плавала в круиз. Тогда я остался ожидать ее на берегу, мечтая хоть одной фарой взглянуть на безбрежный океан. Теперь моя мечта стала реальностью, я уже представлял, как въеду на палубу океанского судна и буду смотреть, как солнце садится за горизонт прямо в воду. Мне вдруг показалось, будто я вытаскивал счастливый билет, тем более что на высоком борту было написано St. Elena, и я вдруг загрустил по старой хозяйке.

Душная темнота со свежестью за бортом

Но меня предали еще раз. Оказалось, что плывем мы не в качестве пассажиров, а как груз. А каждому грузу полагается тара. Таков закон современной торговли. Я испугался, когда нас построили колонной и стали по три-четыре загонять в громадные металлические ящики. При этом слили весь бензин и заковали в деревянные колодки. Слава Богу, включили фары, а то я бы просто умер от страха, когда за мной с отвратительным скрежетом закрылись металлические двери. Так нас стало трое. Брат моего соперника по прошлой жизни Infinity FX 35, весь в хrome и с отполированными боками, а также потрепанный временем паркетник для девочек Toyota RAV4. Неплохое соседство, причем я был в выигрышном положении. Первым загнали 35-й, и перед его фарами оказалась глухая стена. RAV4 уютно устроился посередине и тускло светит уставшими фарами. Я вижу все вокруг. Потом мы поплыли по воздуху, это огромный портовый кран перенес наш ящик на палубу «Святой Елены», контейнеровоза под флагом какого-то Белиза. Непривычно оказаться в полете, даже немного страшно. Но все закончилось быстро, а высоты я не испугался, потому, что ничего не видел, кроме полоски света. Так началось наше морское путешествие. Корабль наш был весьма немаленьким, и мы по достоинству оценили то, что нас заковали в кандалы. Качающаяся палуба не самое неприятное ощущение. Мы все стояли в режиме «паркинг», но без деревянных клиньев точно бы ободрали борта и нацеловались бы друг с другом бамперами. А так, дорогу со всеми перегрузками провели на расстоянии друг от друга. И тем не менее долгий путь нас достаточно сблизил в духовном плане. Ведь не будешь в течение долгой дороги делать вид, что мы друг друга не знаем. Пришлось зна-

комиться. Хотя 35-й сначала нас просто не замечал, ну ладно на 4-го смотрел свысока, но я-то с ним из одной дорожной весовой категории. С младшим братом мы как-то сразу нашли общий язык, после аукциона во мне как-то сразу поубавилось снобизма, да и о каком превосходстве может идти речь в темном контейнере. Как известно, в тюремной камере все одинаковы. А роли определяет пахан. 35-й как пахан себя не вел, он нас просто игнорировал, повернувшись задом. Бойкоты, как накладываемые на соседние страны санкции, объединяют, и мы потихонечку начали общаться. Именно RAV мне поведал, что в России страшные холода, а нас продали еще дальше, в южную республику. Не Калифорния, конечно, но ездить можно. Именно от него я узнал, что теперь у меня все время будут болеть амортизаторы и замучает изжога от некачественного бензина. У людей это называется мениском и гастритом. Но жить можно, смотря какой хозяин попадет. Зато жизнь нам предстоит долгая, не то что на родине, где к десяти годам есть все шансы оказаться на свалке. На новом месте живут и по двадцать, и по тридцать лет. Но живут хуже. Откуда он знал про все это, я так и не успел спросить. Погасли фары. Сначала у 4-го, потом у меня. И только 35-й продержался еще некоторое время. Потом его аккумулятор тоже умер и мы все погрузились во влажную темноту стального ящика. А за бортом плескался океан, иногда обдавая нас солеными брызгами. Темнота давила, особенно по ночам, когда черными становились даже щели в дверях. 35-й не выдержал и тоже присоединился к нашему общению, причем не свысока, а как побитая хозяином собака, покусавшая не того, кого надо. Он оказался не таким крутым, особенно когда проговорился, что хоть и внешне он внедорожник, но на самом деле даже не полноприводный. Вот тебе и на! И стоило неделю светить понтами в глухую стенку железного ящика до полного изнеможения фар... Но мы с 4-м уже стали другими, и хайвэйный рейтинг остался далеко в прошлой жизни на американских автострадах. И только море плавно качало нас на скрипучих, от морской соли, амортизаторах.

Аромат океана и смрад болот

Наше безмятежное плавание по океану скрашивалось общением на одном, понятном нам, языке. Смерть аккумуляторов не стала смертью в окончательном ее физическом про-

явлении. Отсутствие света и только. Наше состояние скорее можно было бы назвать анабиозом, ибо мозг каждого из нас оставался ясным ввиду наличия автономных батареек в бортовых компьютерах, так что соображать и общаться мы все-таки могли.

А между тем становилось все холоднее, дни укорачивались, а ночи, наоборот, становились длиннее. Наш корабль плыл уже не по океану, а по морю, отчего запах вокруг, даже оставаясь свежим, потерял свой объем и легкость. На деталях стала осаждаться совершенно другая соль, с каким-то болотным привкусом. Так пахли крокодиловые болота Флориды, где мне удалось побывать в мою прошлую американскую жизнь. Только во Флориде было не так промозгло и не так холодно. Я долго размышлял, что комфортнее: теплая липкая духота Флориды или промозглая свежесть здешних мест? По мере того как становилось холоднее, Флорида набирала все больше запоздалых бонусов в моей душе. И грусть прошлого медленно трансформировалась в опаску по будущему. Успокаивало только то, что 4-й был уверен, что мы приближаемся к какому-то промежуточному пункту нашего долгого путешествия. Действительно, мы уже плыли по грязной речке, среди необычных старых домов. И через время наша St.Elena с ощутимым грохотом прижалась своим бортом к бетонному причалу порта. Отчего мы пережили маленькое землетрясение, которое, впрочем, осталось без последствий. По крайней мере, для нас: оковы надежно удержали от неприятных столкновений с бортами нашего железного ящика. С берега понеслась непривычно гортанная речь, в которой, видимо, выражалось недовольство неvirtуозностью капитана, шандарахнувшего кораблем не только по причалу, но и по самолюбию встречающих. Вдруг я вспомнил, где слышал подобную речь, правда, в несколько менее эмоциональном тоне.

Аукцион по продаже подержанных машин, где на подобном языке общались две полубандитские группировки, оскорбительно называющие друг друга «москалями» и «хохлами». Тогда все кончилось мирно, ненависть постепенно угомонилась и перешла в совершенно мирное русло, когда внезапно появившаяся бутылка виски пошла по рукам. Причем без стаканов и закуски... Я уже понял, чем закончатся эти крики на берегу. Позднее я узнал, что такая речь называется русским матом. Действительно, береговая команда как-то просочилась на St.Elena, и там тоже появилась бутылка, с новым для нас

названием - «водка». Много позже я узнал вкус этого напитка, когда на новом месте моей прописки водку стали заливать в мой бочок стеклоочистителя.

Город, в который мы приплыли, назывался Санкт-Петербургом, правда, иногда проскакивало еще одно название – Ленинград. Все приходящие с берега в каюту капитана «Святой Елены» для распития водки в один голос расхваливали свой город как один из самых красивых на планете. Только нам этого видно не было, а вот болотами и нечистотами воняло не очень-то приятно. И все время было неуютно от соленой сырости морского ветра. Нас опять переместили краном на берег, поставив на крышу еще пять таких контейнеров, соорудив такие же контейнерные инсталляции по бокам. Теперь наше заточение ограничивалось не только стенками контейнера, но и другими железными ящиками со всех сторон. Успокаивало одно, что все это заточение временно, а временная клаустрофобия переносится легче гробовой безысходности.

Прямые рельсы холоднее океанских волн

Однако клаустрофобия затягивалась. Дни шли за днями, и свет, проникающий через щели двери с единственной незагороженной стороны нашего железного ящика, становился все тусклее. От промозглого холода сыростью покрылись не только наши детали, но и еле теплящиеся «мозги» компьютеров, живые только благодаря умирающим батарейкам. Мы практически перестали общаться, войдя в состояние не то ступора, не то анабиоза. Как лягушки, притаившиеся в куче тряпок в углу нашего контейнера. В какой-то момент мы все своим камерным коллективом уже поверили в близкую смерть, но тут лучиком к нам вернулась надежда. Сначала стало гроыхать где-то наверху, и только когда с нашей крыши убрали верхний контейнер, стало понятно, что о нас не забыли. И вот мы наконец опять плывем по небу под стропами крана, как под куполом парашюта. И только заснувшие в углу припорошенные снегом лягушки так и не узнали, что заточение наше закончилось, или, вернее сказать, перешло в новую фазу. Это был радостный день, и даже обычные в это время свинцовые облака растянулись к краям горизонта, показав последнюю в этом году синеву питерского неба. То, что заканчивается год, мы поняли из разговоров стропальщиков с обычным гортанным

говором, прикреплявших наш стальной ящик к звенящим на холоде стропам. Только разговоры их были не про привычное для нас Рождество, а про Новый год, после которого следуют длительные каникулы, на которых почему-то очень важно не подорвать здоровье. Но это только разговор, ...майна, вира, вашу мать!

В итоге наш стальной ящик оказывается на открытой платформе, стоящей на рельсах, в очереди таких же контейнеров. И если раньше все эти ящики стояли у нас на голове, то теперь жизнь нас всех уравнила, от чего на душе становилось тепло даже в таком неприятном климате.

На удивление, мы почти сразу после погрузки тронулись в путь. Грохот трогającychся вагонов возвестил начало нового приключения. Постукивание рельсов сначала раздражало, потом просто стало убаюкивать. Темнота погребенного в самом низу контейнера сменилась полутьмой открытого пространства вокруг. И выглянувшее солнце слегка разогрело сырой воздух. Появилось щемящее предчувствие, что впереди все будет хорошо, а мерно раскачивающийся в такт вагону перед моими потухшими фарами задок 4-го наводил на какие-то романтические мысли. Как все-таки здорово двигаться, пусть даже не на собственных колесах, а не стоять. Я еще раз вспомнил кладбище новых автомобилей в Неваде и понял, что с моей гидроизоляцией и климат-контролем лучше двигаться в мягком холодном снегу, чем быть заживо засыпанный жарким песком пустыни. Даже проснувшийся 35-й вдруг вспомнил свои американские понты, подчеркнув, что он опять едет впереди нас. Сглазил... Наш поезд развернули и загнали в тупик, отчего 35-й поник вследствие утраты лидирующей позиции.

Прошло много времени, прежде чем мы опять тронулись в путь. Рельсы постукивали с высоким морозным звоном, и кажется, даже дни стали длиннее. Но холод не отступал, промораживая нас до костей. За щелями нашего контейнера было все меньше леса и больше открытых пространств, по которым свободно гулял холодный ветер, к свисту которого иногда по ночам добавлялся голодный вой волчьих, а может быть, собачьих стай. На станциях уже меньше матерились дорожные рабочие и все больше звучала другая незнакомая речь. Оказывается, мы уже едем по другой стране, которую называют южной республикой, однако холодно здесь было так же, как в России. Путь наш был дискретно монотонным. Два дня стоим

в тупике на Богом забытой станции, потом полдня плетемся со скоростью 25 миль в час, вернее 40 километров, как считают скорость в этих краях. Тут мы открыли интересный нюанс, который оказался в наличии у всех троих заточенцев: на наших спидометрах маленькими цифрами были нанесены эти самые километры, о которых на нашей родине никто никогда не упоминал. Это надо же быть с такими куриными мозгами, чтобы скорость мерить в километрах в час, а как же быть с дорожными знаками ограничения скорости... Но это проблема наших будущих хозяев. А у нас продолжалась борьба с холодом. Разногласие внутри стального контейнера ограничивалось только тем, что нам с 35-м холоднее при стоянии, а 4-му – при движении. Мы так завидовали пассажирским поездам, время от времени попадающим на встречных курсах. Там в окнах горел свет и удивительно пахло дымком от титанов. Даже по запаху чувствовалось, что там тепло. А нам становилось все холоднее и холоднее, хотя компас на 35-м показывал, что мы постоянно движемся на юг.

Тепло надежды

Даже собаки в заполярной тундре перестают собачиться, когда наступают трудные времена. И хоть свои американские разборки мы закончили давным-давно, время шло, а ситуация не менялась. Мороз, ветер, вой волков в ночной степи, и такой мерно убаюкивающий стук колес на стыках рельсов. Мы уже давно не стоим неделями в станционных тупиках, упорно продираемся через жуткую непогоду. Правда, стало намного больше света. Ночи короче, дни длиннее, холод холоднее и безнадега безнадежнее. Это по какой огромной стране (или странам) мы столько продвигаемся? И пройденный путь уже намного больше, чем расстояние между Восточным и Западным побережьем нашей бывшей родины Америки. А ведь тогда, в прошлой жизни, все, кому довелось посидеть на моих сиденьях, были точно уверены, что Америка не только самая великая, прекрасная, богатая, но и самая огромная страна, главная на этой планете. Возможно, так оно и есть, только вот континент, по которому наш поезд стучит колесами на стыках, кажется намного больше нашей великой Америки. Я вспомнил один разговор, который произошел между моей прошлой хозяйкой и очередным ее клиентом – импозантным пожилым мужчиной, от которого веяло не только молодостью и здоро-

вьем, но и каким-то авантюризмом, который случается только в юности и то далеко не у всех. Этот клиент работал в Корпусе Мира, отчего его можно было спокойно называть путешественником, ибо удалось ему побывать практически во всех уголках планеты. Хозяйка защищала его интересы в суде против какого-то работодателя. Так вот, мужчина этот с упоением рассказывал Элен, сколько на свете интересных стран и континентов, Америка не одна на этом белом свете. Элен не спорила, но точно была уверена в том, что лично ей вполне достаточно находиться в США, ибо на ее родине есть все, что только может пожелать леди ее уровня. В итоге они сильно разошлись в видении современного мира и проиграли процесс против ЦРУ, сотрудником которого был этот приключенец. И, как повелось в последнее время, адвокатше так и не удалось затащить своего подзащитного в постель. Отчего я еще с неделю выслушивал переживание по поводу мужчин-козлов, которые, даже не имея семьи, не польстились на ее прелести. Видимо, у них там, в ЦРУ, все такие на голову больные импотенты...

Потом мы опять застряли в тупике, и стало понятно, что мы наконец доехали до той страны, для которой предназначались. Проверяющие даже вскрывали наш контейнер, что по всем правилам делать нельзя в дороге, но для местных краев, как я понял, вполне допустимо отходить от международных норм. Новая родина понравилась с первых минут пребывания, все потому, что вдруг резко стало тепло. Нет, морозы не ослабели, они просто остались где-то за границей, в продуваемых ветрами степях другой страны, название которой мы так и не запомнили. Такое чувство, что после путешествия по канадской тундре тебя закатали в теплый гараж, где так приятно пахнет качественным бензином и почти физически ощущается обволакивающая мягкость свежего масла. Отчего сначала весь кузов покрывается испариной, которая, высыхая, оставляет ощущение приятной теплоты. Наверное, такое же чувство испытывают уставшие за день на морозе лыжники, когда вечером греются у камина с бокалом глинтвейна в руке.

У всех троих заточенцев стального контейнера одновременно вышли из анабиоза батарейки компьютеров, и наше общение опять возобновилось. Мы все пришли к одному выводу, что нам повезло и где-то рядом новый дом, хотя у каждого из нас оставалась опаска относительно наших будущих хозяев.

Новая страна и новая хозяйка

Мою новую хозяйку звали Елена. И она была преуспевающей женщиной в своем городе, как длинный свадебный лимужин на одной дороге с остальными. Вернее, даже в стране, потому как та страна была настолько мелкой, что состояла из столицы и еще двух-трех городов сельского типа с бытовыми удобствами из прошлого века. Все остальное пространство занимали горы. Горы такой красоты, которую я видел только один раз в жизни, когда моя прежняя хозяйка как-то отправилась в Колорадо покататься на лыжах. Аспен. Голубое небо, белый снег и синие вершины с белыми шапками... Люди в ярких одеждах... Но там все закончилось не очень хорошо. Загорелый инструктор, нанятый на уикэнд для персонального обучения, так и не был совращен стареющей лойершей. Обратная дорога превратилась в монолог-самокопание чокнутого психоаналитика. И доктором, и пациентом была сама Элен, я в этой ситуации оказался кабинетом с ушами и страдал всю дорогу от синдрома отвергнутой самки. Наверное, из-за этого происшествия ландшафт моей новой страны зародил смутные ощущения предстоящих неприятностей в моем стальном сердце. Подозрения мои усилились, когда в бардачок попали документы моего нового хозяина. Вернее, о ужас! — хозяйки. И по страшной иронии судьбы оказавшейся юристом (адвокатшей, как ее все обычно называли), что в этой стране полностью соответствовало статусу прежней американской лойерши. А еще ей было 45 лет. Я вдруг вспомнил, скорее даже остро ощутил костлявую задницу на водительском сиденье, отчего мне стало и страшно, и приятно одновременно, как будто накатившая на погоду боль в когда-то поломанных ребрах внезапно стала отпускать. Но даже когда заканчивается дорога, жизнь продолжается, ибо начинается другая дорога, которая, может быть, приведет к храму.

Адвокатша моя в этой стране личностью была однозначно знаковой. Ее побаивались и уважали в профессиональной среде и в других областях жизни, близких к ее профессии (как боятся танка на дороге общего пользования). То есть от криминала до политиков хорошо знали, кто такая Елена Вадимовна. В отличие от моноименной в обращении американцев (или Билл, или мистер Смит), здесь почему-то принято было использовать в обращении два имени. Почти как у некоторых американских племен, где тоже использовались два имени

(Чингачгук сын Инчучуна). Елена Вадимовна предпочитала, чтобы за глаза ее назвали Евой, видимо, по аналогии с первой библейской героиней. Если первая женщина была похожей на Елену Вадимовну, то мир с тех библейских времен сильно изменился. Даже в фастфудово жирной Америке моя новая хозяйка была бы точно толстушкой. В новой было столько же килограммов личного веса, сколько фунтов было в предыдущей. Для визуализации нужно представить модельный стандарт 90-60-90 и умножить его на три, по всем размерам, кроме роста. И вот она могла решить практически любые проблемы и на любом уровне, включая президента страны и охранника самой гнусной тюрьмы.

Голосистый юрист и олигарх-возвращенец

Моя новая хозяйка была действительно неординарным профессионалом, пользующимся заслуженной ненавистью близких и окружающих. Для юриста лучшей рекламы, чем со скандалом выигранное дело по защите какого-нибудь одиозного подонка, не существует. Елена Вадимовна в начале своей карьеры ухитрилась попасть в струю борьбы криминала с обществом. Это были те «благодатные» годы на сломе эпох, когда криминал не только доминировал в обществе, но и оказался в почете у Мельпомены. И хотя сама она была из очень интеллигентной семьи, с бандюками сразу нашла правильный, общий язык юридического общения. Здесь, кроме удачного попадания в струю, она сделала свою карьеру своим голосом. Еще с детства думала, что именно голос станет ее визитной карточкой по жизни. Конечно, во младенчестве так свое будущее никто не формулирует, но оперной певицей она мечтала стать с момента пения на стульчике в детсадовском возрасте. С годами даже пыталась поступить в консерваторию, но приемная комиссия увидела в ней потенциал Монсеррат Кабалье, исключительно, в перспективах фигуры. Зычность голоса в совокупе со скудным тембром не очень подходила даже провинциальному хору, а профессиональной опере такие голоса точно были без интереса. В итоге консерватория была переориентирована в юрфак университета, который Елена окончила с красным дипломом.

Несостоявшаяся певица каждый раз верила в последнюю любовь и после очередного разрыва прибавляла в телесном весе и в профессиональной злости экстремального

адвоката. Шли годы, а бриг с алыми парусами так и не появился из-за горизонта, зато с другой стороны нагло приполз нахальный бульдозер в пыли и с запахом некачественной солярки. Потом пришло время, когда бывшие партийно-комсомольские активисты и бандитско-рэкетерские беспредельщики стремительно стали мимикрировать в добропорядочный бизнес. Это как две параллельные дороги вдруг сливаются в одну, причем идущую совершенно в иную сторону. И Елена Вадимовна стала защищать легальный бизнес от теперь уже государственного беспредела. Именно в этот период ее познакомили с приезжим американцем из бывших наших.

Олигарх Адам Григорьевич – дважды еврей Советского Союза – был редкостным возвращенцем, сменивший СССР на землю обетованную, в дальнейшем использованную для переезда в США. Не то чтобы после совка ему Израиль не понравился, просто там он оказался «русским», постигшим всю глубину разницы между евреями и израильянами. Поменяв ударение в имени, он достаточно быстро адаптировался в стране иммигрантов. Приподнявшись в Штатах благодаря своему престарелому родственнику, он как-то застрял в своем бизнес-продвижении после планово-неожиданной кончины благодетеля. Тут в аккурат его первоначальная родина развалилась на отдельные государства, и Адам увидел возможности делать деньги в Средней Азии (бывшей своей малой родине), где пять новых государств предполагали неплохие дивиденды для капитала с американским паспортом, который достаточно свободно мог пересекать границы. Как междугородние автобусы отличаются от рейсовых тем, что обычно передвигаются в формате челнока туда-сюда. И это нормальная практика и на общих автострадах, поэтому им почет и уважение. Вернув ударение на второй слог в имени и вспомнив отчество, бывший американский бизнесмен здесь быстро превратился в крупного олигарха. Построив несколько предприятий, он не только производил, но и успешно торговал между тремя бывшими советскими республиками, пересекая границы с достоинством междугороднего автобуса. Адам Григорьевич имел офис в каждой из республик-стран, в двух было по «семье», не считая основной, оставленной в Америке. Многоженство в этих краях было делом юридически незаконным, но фактически весьма уважаемым в кулуарах. В моей новой стране пребывания семьи у олигарха не было. А Адам Григорьевич уж очень сильно любил это дело, в смысле — женский

пол. Настоящий половой гигант последнего пика сексуального периода. Сорок пять, спортивного вида красавец с деньгами и манерами. С таким мужчиной даже валютные проститутки всегда готовы «отдохнуть» бесплатно. Это как хозяина умершего на обочине «Гольфа II» предлагает подвезти ослепительная блондинка из проезжающего «Мазерати».

Еще более мощным был вес Адама Григорьевича в бизнесе и политике. Цементный завод, снабжавший серым строительным порошком практически весь регион, неоднократно был в рейдерских планах правящих кланов, которые менялись раз в пятилетку в результате так называемых народных революций. Однако никому так и не удавалось отжать этот завод. И когда очередной правитель заслал парламентариев на предмет смены собственника, соседняя страна просто отключила подачу газа, а своего у новых правителей не было. Как Адам договорился с соседним президентом, история умалчивает... Потом к жадной власти пришли (совершенно по-другому бытовому вопросу) представители US AirForce, расквартированной в 30 километрах от местного «Белого дома», и пояснили, на какой хайвэй не стоит поворачивать раздолбанной колыхаге местной власти... И газ появился в домах, и цемент продолжил изготавливаться на отвоеванном предприятии Адама Григорьевича.

Вот для решения таких серьезных вопросов заезжему американцу посоветовали взять на работу крутого юриста-аборигена. Так Елена Вадимовна оказалась в кругу первом местно-американского олигарха.

Ева и Адам

Елена Вадимовна в этот период находилась в облике Джекила и Хайда - перманентном раздвоении личности без промежуточного среднего состояния. Это был либо восторг от побед в судах и других инстанциях, либо депресняк от полного краха семейной и даже хуже того сексуальной жизни. Семью построить не удалось, хотя претендентов на ее пышные телеса было немало, особенно в оптимальный период предполагаемого выхода замуж. После тридцати, когда ее критерии для мужчины «который рядом» сильно выросли ввиду других жизненных успехов, стало еще хуже.

Местный американец произвел на Елену Вадимовну неизгладимое впечатление. Адам Григорьевич при харизме

«сантехника из немецких фильмов» имел внешность гламурного олимпийца и лоск мачо, достойного быть в главной ложе на Гран-при Монако «Формулы 1». Она давно уже так близко не приближалась к мужчинам такого класса, хотя среди ее знакомых были и президенты, и послы, и даже более богатые олигархи. Глубинно-нутренними фибрами души, проснувшись после, казалось бы, вечной дремы, Елена Вадимовна почувствовала, что здесь может что-то получиться. На уровне подсознания сработал колокольчик, вернее клаксон, возвестивший о том, что нужно срочно заняться внешним тюнингом. Это как в заброшенном гараже вдруг внуки находят «Мустанг» 1963 года, оставшийся от вредного деда. Полувековая рухлядь, но после возрождающих процедур превращается в алмаз, и стоимость этого ретроавто исчисляется цифрой с пятью-шестью нулями. А Елене Вадимовне лет всего то 45..., значит, можно еще и бриллиантом стать! Если бы кто-нибудь, включая самого олигарха, хоть на миг представил романтические грезы суровой адвокатши, то все, не сговариваясь, назвали бы ее душой. Как блондинку, поворачивающую направо из левого ряда. Но по жизни направо из левого ряда поворачивают не только блондинки и маршрутки, причем даже в странах с самым дисциплинированным трафиком...

Деловое сотрудничество Елены и олигарха развивалось успешно-стремительно благодаря связям первой и деньгам второго. Вернее, наоборот, первыми были все-таки деньги, которые так любят все, кто на должностях в государствах третьего мира (только ли третьего?). Приолигарховая адвокатша как сыр в масле каталась теперь все больше на престижных авто фирмы патрона. Правда, тут был и отрицательный момент, ибо штатных шоферов (по совместительству и охранников перевозимого тела) практически невозможно было затащить ни в постель, ни на заднее сиденье. Но Елена Вадимовна, вынашивающая свой коварный план, готова была «попоститься за ванильный кулич», который брезжил на финальном отрезке ее мечты. Ради этой цели она пошла на огромные жертвы повышения собственной внешней привлекательности. Нет, ни диеты, ни фитнес в перечень неудобств не вошли. Действительно, зачем портить фигуру, на которую не налезает хулахуп. А вот пройти косметическое обновление — это самое то, что нужно. Это как с автомобилями, когда предпродажная подготовка ограничивается только косметикой. Став постоянным клиентом

самых дорогих салонов, она тратила массу времени, сил и денег на создание внешнего лоска. Такой клиент – находка для салона. Особенно в восторге были массажисты: ибо большое тело — повышенный тариф, да и трясущийся жир массировать много легче упругих мышц. Парикмахерши, делающие ежедневную укладку, тоже радовались, в тряпочку храня, как государственный секрет, тайну про локоны вокруг ушей, делающие одутловатое лицо еще более круглым, да и для визажистов дополнительный заработок за работу по уменьшению ощущения лица «как по циркулю». Короче, в стремлениях своих Елена Владимовна смогла дойти до полного абсурда. И не было никого рядом, кто бы смог пояснить, что не в меру удлиненный ноготь и кольцо со стеклом в качестве бриллианта никак не скрывают сосисочность пальца с отеками суставов.

Олигарх ценил и уважал своего юриста, позволяя участвовать во всевозможных встречах не только делового, но и политического характера. Отчего у юриста еще больше затеплилась надежда на неделовые отношения. Причем информация о семье и любовницах в других странах в расчет не бралась. Разве могут они конкурировать с такой душевно-телесной красотой... И Адам Григорьевич сдался. Вернее, сдулся, как шина, проколотая гвоздем. В один из приездов в страну пришлось проводить очередные политические (по поддержке местной коррупции) переговоры, для чего была выбрана закрытая частная территория в горах, в окрестностях столицы. Поговорили тяжело, но договорились, после чего началась пьянка. Олигарх не рассчитал силы. Пришлось отправить его в комнату отдыха на расслабляющую ночевку, при этом сопровождать его туда взялся верный юрист, грамотно просчитавший шанс осуществления своей мечты. Что там было ночью, никто из посторонних так и не узнал. Адам Григорьевич ничего не помнил (точно не помнил), ибо еще два дня тяжело и с капельницами отходил от этих переговоров. Зато Елена Владимовна светилась от счастья, как неоновая фара на лимузине, всем вокруг непрозрачно намекая на волшебную ночь с любимым человеком. Именно после этого случая она всячески стала рекламировать свой новый ник-погоняло «Ева». Слухи о «волшебной ночи» стали доходить до олигарха, да и адвокатша начала вести себя хоть и аккуратно, но много смелее, с некоторыми претензиями на собственничество. Адам Григорьевич предпочел устраниваться от нарастающей назойливости, для чего умчал в Америку под каким-то очень важным

надуманным предложением. Для себя решил поменьше бывать в этой южной республике, да и в услугах такого адвоката он уже практически не нуждался. Дела шли не очень успешно по причине все нарастающей жадности у часто сменяемых кланов, управляющих этой гордой страной. Цементный завод, годами работавший стабильно и относительно независимо, все больше раздражал тех, у кого его не было...

Тут и пришла в голову мысль откупиться от «сотрудника с мечтами» красивым подарком. Поэтому и было решено купить Елене Вадимовне (Еве) Lexus. Просто так взять и уволить болтливую женщину он боялся ввиду ее крайней осведомленности в нюансах не всегда законного бизнеса. Он, конечно же, мог купить машину и в салоне, но для убедительности показательного акта (не стоит ни болтать, ни придумывать) решил взять авто на аукционе подержанных американских машин. Тем более что 99 процентов всех машин в этой стране были именно такого происхождения. Так в жизни Евы появился я, серебристый Lexus RX 330, и узнал я эту предысторию из разговоров в моем салоне, которые стали важной частью моего дальнейшего существования.

Саша и Lexus: эксплуатационные трудности

Начались мои трудовые будни после тяжелой дороги. Первоначально испортилась атмосфера в салоне. Запах тяжелого пота от лишнего Евиных килограммов сквозь нестойкие дезодоранты создавал атмосферу скорее для токсикомана, чем для тонких на нос гламуриков типа меня. Однако от всей этой бабьей естественности веяло каким-то добрым уютом в те моменты, когда носительница этого шикарного тела была в благодушии, не в состоянии борьбы. Уютно толстая, она поначалу казалась лучше костлявой предыдущей. Вспоминается подружка моей лойерши – многодетная клуха Кэт. Толстота (не путать с полнотой) – залог здоровья, и прежде всего психического. Плюс, точно, тазовыми костями не проткнет нежную кожу моего сиденья. И эта истина, понятная даже железякам (мягкий надувной баллон лучше костлявого велосипеда). Я ей теперь принадлежу, и придется с этим жить. Вернее, принадлежу уже давно, с момента еще заокеанского аукциона. Хотя она моя хозяйка, ее удел только командовать, а управлял мной другой, нанятый «и не только для управления». Несмотря на всю лиричность ситуации, то есть нахождения хо-

зайки в роли Ассоль, периода ожидания капитана Грэя, Ева вернулась в состояние «вызова немецких сантехников», пусть даже на фоне призрачных алых парусов.

Моя хозяйка нашла шофера в среде своих бывших сантехников (именно в среде, а не по предыдущему личному знакомству). Саша был тридцатилетний бычок, не в смысле упрямства, а как раз наоборот, сильный и красивый, как Red Bull. Молодой отставник, снявший погоны по причине полной нерентабельности служения стране в военной форме. Он не только прекрасно водил машину, но и любил ее (то есть меня), как свою. Это была большая удача. Хотя инициативы шофера я поначалу понял не все. Только меня выкатили из контейнера на белый свет, специально нанятый Саша (Алекс в американской интерпретации, или Саня для своих) сразу после навешивания номера госрегистрации поехал на мне к своим армейским друзьям, которые по соседству от таможни имели автомастерскую, провели диспансеризацию, или, правильнее, техосмотр. Мне было приятно, что новая жизнь начиналась со свежего масла и тормозной жидкости, фреон и фильтры тоже новые, воск на кузове и антикоррозийка на днище... А вот зачем мне сменили еще отличные амортизаторы и перенастроили компьютер, я поначалу так и не понял. Но уровень сервиса просто поразил. Здесь, на краю света (в понимании среднестатистического американца), за автомобилем умеют ухаживать ничуть не хуже, чем в Аризоне или Калифорнии. Вот так-то! И вперед - на дорогу. Первые же километры убили эйфорию от обслуживания и прояснили необходимость новых, более мощных амортизаторов. Да, и в Америке не все направления хайвэй и автобаны, есть там и убитые проселки, и ямы на приличных дорогах. Но то, что творилось тут... Наверное, хозяева этой страны не изучали в школе историю, которая повествует о том, что «танки появляются именно там, где нет дорог, для того, чтобы дороги стали лучше». Я пожалел, что я Lexus, а не Hummer. Саня очень часто вспоминал эту танковую аналогию, из чего я понял, что в предыдущей военной жизни он был именно танкистом. Отчасти это было именно так, ибо в армейке служил он начальником подразделения гражданских автомобилей для персонального развоза высших чинов танковых частей. Было это в одной соседней стране с огромным пиететом к военным с увесистыми погонями. И, соответственно, драйвером мой шофер был отменным, натасканным как на нежное, так и на экстремальное вождение транспортного

средства самой широкой гаммы от БелАЗа до карта. При этом весь идиоматический лексикон нового для себя языка я быстро изучил из Сашкиных уст, прекрасно понимая, что «козел» - это не животное, а «сука» - это не женская особь собаки. Про более крепкие выражения помолчим. Хотя хочется выговориться. Я становлюсь старым ворчливым дедом. А все потому, что у меня теперь не только хрустят новые амортизаторы, как немолодые суставы, но и появилась изжога. Бензин, которым заправляли мой бак, напоминал тайский суп Том Ян с куском бараньего жира вместо креветок, поданный к столу ортодоксального вегана со стажем. И если с маслом и другими технологическими жидкостями в этой стране было все нормально, то с бензином ситуация оказалась просто аховая. Бензиновый рынок всегда был самым лакомым куском для периодически сменяемых политических элит. Страна, переполненная ввезенными старыми автомобилями (чему способствовали минимальные пошлины и максимальная коррупция), с каждым годом требовала все больше и больше бензина. И тот, кто сидел на бензиновых эшелонах, становился миллионером и даже мультими. Прибыль давали не только поставки, но и махинации, которые успешно не замечали одновременно все фискалы, будучи карманным инструментом правящего клана. Теперь понятно, для чего Сашкины друзья меняли настройки моего компьютера. Это как сода при больном желудке — помочь не поможет, но дискомфорт устранил.

Другой проблемой было дорожное движение по городу и окрестностям. И дело не в том, что местные так и не определились, сколько букв «ф» должно быть в слове «трафик», ибо в местном государственном языке звук на эту букву просто отсутствовал. Проблема в беспределе, который творился (проверочное слово - «тварь», как отношение автомобилистов друг к другу) на дороге. Конечно, безумство на перекрестках в Лагосе или Катманду известны всему миру. Но там безумствуют, а у нас беспределят. Разница в том, что у нас абсолютно отсутствует такое понятие, как «уважение». «Блондинка за рулем» или «обезьяна с гранатой» в наших условиях отдыхают, а диктатором поведения на дороге становится «маргинальный идиот с апломбом». Это такой собирательный образ «главного на дороге». Плюс менты (которых по-другому называть и руль не поворачивается) — в прошлом главные борцы за безопасность на дорогах, теперь оставившие себе единственную функцию — сбора средства на государственные и личные

нужды. Здесь мне повезло, я собственность юриста олигарха, которого кланы пока не трогают, поэтому у Саши проблем с ментами было немного за время нашего сотрудничества, да и разговаривать он с ними умел так, что всем было понятно — лучше его не трогать.

Естественно, местные университеты и лингвистические курсы от своего шофера я проходил без присутствия хозяйки. Ибо, когда она была в салоне, у транспортного средства и водителя появлялась еще одна очень (вернее очень-очень) важная функция — уши, которые должны были быть в полном распоряжении хозяйки...

Любовь с аудиоухищрениями

Бабами считаются особи женского пола, потерявшие ощущения девичества или женственности. Процесс перерождения, вполне очевидный окружающим, зачастую остается вне понимания этих самых женских особей. Впрочем, многие (скорее очень многие) прекрасно себя чувствуют в этой роли, оставаясь довольными сами собой. У таких баб бывают достаточно перманентные бзики, которые определяют доминанту отношения к окружающим. Ева после ночи с Адамом убедила себя в двух очевидных, на ее взгляд, вещах. Во-первых, она любит Адама, во-вторых, что более важно, Адам любит Еву! И если с первым заключением было пусть с натяжкой, но понятно, то второй тезис был исключительно плодом ее бабского воображения. Поэтому инстинктивно и удивительно очень топорно Елена Вадимовна начала продвигать в жизнь тезис об олигарховой страсти (ну вы поняли, к кому). Сначала робко, потом смелее, потом параноидально навязчиво любой разговор с любым человеком по любому поводу обязательно имел отсылку к Адаму Григорьевичу и его большой и светлой любви. Так продолжалось несколько месяцев отсутствия бизнесмена в стране. Уже весь город был в курсе таких отношений приезжающего иногда бизнесмена и знакового адвоката. При чем слух этот имел 50-процентный успех. Кто-то поверил в такой симбиоз. Другая половина понимала, что это бредни скандальной бабы, косящей под Ассоль в ожидании алых парусов. Резонатором информационного давления был салон Lexusa, в который приглашался очередной кто-нибудь для прослушивания оратории про любовь. Саша и я были не только в курсе,

но и в афиге от той лавины информации с подробностями, которая обрушивалась на всех нас. Женская параноя — шоссе под уклон с односторонним движением...

Мы с Сашей уже давно догадались, что Lexus (в смысле я) не «подарок любимой женщине», а отступная от «надоедливой мухи, которую жаль прибить свернутой газетой». Аналогия газеты с текстом здесь оказалась кстати, ибо множество секретов на бумажных и иных носителях были известны личному юристу воротилы местного бизнеса. Меня лично статус «отступника» нисколько не задевал. Саша тоже все наивно понимал, поначалу не чувствуя опасности в таком развитии событий. За первый месяц эксплуатации мы узнали все подробности интимной жизни олигарха, включая какой длины и формы родинка на попе. Такие подробности, по версии модератора, должны были добавить правдивости в изложении истории. При этом на секреты бизнеса был наложен жесточайший мораторий. Чего-чего, а профессионалом Елена Вадимовна была серьезным, со всеми предостерегающими атрибутами поведения. А вот при прогнозировании личной судьбы в Еве засыпал юрист и просыпалась (по ее мнению) юная дева в кристальной чистоте своих помыслов. На самом деле включался режим охоты с наивными чаяниями о создании семьи.

Рассказывать в подробностях ежедневные «байки от Евы» не стоит... А вот два самых крайних (с точки зрения проявления любви) случая все-таки воспроизведу. Первый случился в тот момент, когда от любовных историй у Саши мозг был на грани кипения, а у меня начинал дымиться тосол в расширительном бачке (чего физически по закону Бойля-Мариотта просто произойти не могло). Ева озвучила слух о том, что после нескольких месяцев отсутствия наконец в республику должен приехать Адам Григорьевич. Началась усиленная подготовка к визиту «любимого». Салоны те же, но с утроенной интенсивностью. Косметолог, прическа, массаж, маникюр-педикюр, визажист, прическа (ибо предыдущая уже не то)... И вот в назначенный час «Ч» Ева осталась ждать олигарха в своей незлитной квартире, отослав нас с Саней отдыхать на весь уикэнд. Я получил полное удовлетворение от всего комплекса процедур в исполнении шофера, любящего свое авто. Наш интим испортил звонок из офиса олигарха, из которого мы узнали, что Адам Григорьевич в этот раз не почтит нашу республику своим присутствием. Тревога, выходные могут быть испорчены заданиями от хозяйки. Однако Елена Вадимовна

мовна вызвала нас только в понедельник утром. Она ввалилась в салон своего Lexusa, как куча навоза сваливается из кузова большегрузного самосвала. О, бедные мои пружины пассажирского сиденья и амортизаторы с правой стороны! Так плохо она никогда не выглядела на моей памяти. Гламурный стиль «салон минус». А наша хозяйка, оказывается, бухает. И тут Саня допустил роковую ошибку. От своей простоты он задал, казалось бы, совершенно невинный вопрос: «А чего это Адам Григорьевич не приехал?» Даже я, японо-американская железяка, скукожился до уменьшения на один сантиметр всех габаритов от страха того, что сейчас начнется. А Саня, получив ответ, так крутанул руль, что я чудом объехал бетонный столб, плюс ни с того ни с сего заскрипел АБС и температура скакнула на десять градусов на климат-контроле. Ева сказала только одну фразу: «Ты, что, не видишь, какая я затраханная...»

Порулим на брудершафт

Это точно был финал-апофеоз сказки, которая так навязчиво сочинялась все последнее время. Больше Елена Вадимовна не сказала ни слова за всю поездку. Страшно. Только, выходя из машины, заявила, что хочет научиться водить автомобиль и завтра Саша должен будет дать первый урок. Не зря у меня от испуга сжалась выхлопная труба. Мой шофер тоже как-то приуныл... Отдаться в руки такому новичку — перспектива намного более страшная, чем мучиться пружинами сидений и слушать бредни о любви. Это как стать объектом садо-мазо-группы извращенцев. Но от судьбы не уйдешь, и на следующее утро мы были на летном поле заброшенного аэродрома, коих в этой стране осталось несколько от прежней жизни.

Когда Евины телеса впервые взгромозились в водительское кресло, мне с умилением вспомнилась прежняя хозяйка. Я хоть и чувствовал себя мальчиком, но насильовали меня, как юную деву, по дурости оказавшуюся в компании только что освободившихся рецидивистов. При этом лихая новошоферка умудрялась раскручивать на плотские утехи своего инструктора. Я понял, что моему другу грозит намного более жесткое насилие. Но Саша держался молодцом, чисто интуитивно защищаясь от предостражающих нападков, удивительно тактично переводя разговор на олигарха, с которым у Евы то ли любовь,

толь он просто ее трахает. После двух часов экстремальных экзерсисов Саня был вымотан морально, а я покалечен физически. Оторванный бампер, вмятая дверь, ушатанная коробка, и еще пяток царапин по периметру. Как так можно покататься по взлетной полосе аэродрома, представить трудно, но курантка умудрилась собрать и валяющийся ящик из-под помидоров, кровать с панцирной сеткой и десяток булжников из дюжины разбросанных на площади ста гектаров бетонки. После этого Елена Вадимовна громко заявила, что она выучилась и завтра закажет себе права, которые ей принесут на блюде с голубой каемочкой. И еще, Елена Вадимовна, осознав мои ранения и понимая, что придется их ликвидировать, дала указания переокрасить меня в белый цвет, ибо крутому юристу не пристало ездить на серебристой машине. На возражения Сани, что у машины очень хороший цвет и качественная покраска и переокрашивать ее не стоит, Ева почти не стесняясь предложила постель с белыми простынями... И мой друг меня предал. А я после пережитого насилия готов сменить окрас ради того, чтоб Саня остался целым. Хотя и я, и он понимали, что переокраска не станет индульгенцией на будущее. И мой шофер стал все чаще говорить о том, что он покинет меня, ибо нет таких сил человеческих терпеть приставания этой женщины. И тут я его понимал, хотя от перспективы остаться без друга, да еще с Еленой Вадимовной, уже решившей, что она сама может на мне ездить, меня корбило и трясло одновременно.

Всю следующую неделю я как бы лежал в больнице. Друга Александра из местного автосервиса лечили меня на совесть, в итоге я стал выглядеть, как новый Lexus RX 330 ослепительно белого цвета. Все потихонечку устаканилось после «ночи с олигархом» и уроков вождения. Я даже поверил, что жизнь налаживается. Но, как говорит народная мудрость, климакс подкрался незаметно... Через неделю разговоры о любви возобновились с прежней силой, периодически прерываясь на гнусные намеки на обязанность «ее шофера» исполнять ее маленькие прихоти. Саня был на грани, я тоже.

Потом случился еще один финал-апофеоз сказочки про любовь. Самый последний. Наша хозяйка, переутомившись в последнее время от отсутствия реальных дел, решила провести день на местном лыжном курорте, так сказать, сопоставить свои высокие мечты со снежными пиками, к которым можно было даже летом подняться по канатной дороге. Красота там, конечно, первозданная, хотя основательно замусоренная

в районе стоянки для автомобилей. Но не Аспен, не Колорадо, все помельче и более убого. А горы красивые. Последние километры пыльной дороги с обязательной пропастью с одной стороны ознаменовались сакраментальным признанием Евы в том, что она беременна. Понятно, от кого все это случилось именно в «ту ночь». Ну, в которую олигарх так и не приехал. На последних метрах подъема я окончательно понял, что сегодня решится моя судьба. Ева от такого «декларированного счастья» сегодня точно пойдет на штурм несговорчивого шофера. Как Суворов на Измаил или Жуков на Берлин. Тут либо она его..., либо уволит. Последняя перспектива меня точно не устраивала, Саню жалко, хороший он друг.

Они со снедью уехали на грохочущей канатке к самым вершинам, таким ослепительно белым даже летом. Ну хоть на природе все случится... А я подумал о своей судьбе. Не стоит жить воспоминаниями, лучше воспринимать действительность, отыскивая в ней положительные моменты. Познал ли я любовь? Для Элен я был атрибутом престижа и крючком для ловли мужиков, вдруг проигравшим более крутому сопернику. Для Елены Вадимовны я стал отступным подарком для затыкания рта и охлаждения грез, от которых она так еще и не избавилась. Были у меня братья по контейнеру в долгой дороге через океан. Интересно, как они чувствуют себя на новой родине... Я переживал за Саню. Как он там?

Через час они вернулись. Саня был таким хмурым, что безоблачный день показался пасмурным. Елена Вадимовна была в образе пьяной хабалки, не стеснявшейся в выражениях. Из ее тирады я понял, что «это ничтожество так и не подписалось на близость» и «шофер-подонок смел усомниться в приезде олигарха, сделавшего всего за одну ночь ей ребенка». Я понял, что Саня уже уволен с работы, изгнан из салона и в город может возвращаться пешком. Саша молчал, предприняв попытку не дать сесть за руль пьяной Еве. Тщетно. В ауре нецензурной брани мне пришлось направить колеса вниз по горной дороге. И тогда я решил.

Через сто метров машина с пьяной женщиной за рулем и двухчасовым опытом вождения была уже неуправляемой. Финал на ставшей после дождя скользкой дороге был очевиден. И от понимания безысходности мой тормозной шланг просто лопнул, как лопается при стрессе утомленная жизнью аорта. И в момент, когда мои колеса уже были над пропастью, в зеркалах заднего вида было лицо Сани, провожающего меня в пер-

вый и последний полет. Ева уже в этот момент была мертва. Ее аорта лопнула на несколько секунд раньше моего шланга. Не знаю, от злости или от любви...

Послесловие The race is over...

После катастрофы виновников не нашли, да и не искали. Всем было и так понятно, что взбешенная после увольнения Саши Ева просто не справилась с управлением на горной дороге. Похоронили ее на городском кладбище. Скромный обелиск укутали несколько венков «От родителей», от братвы с надписью «От благодарных клиентов», «От коллег». Скорбное мероприятие оплатил Адам Григорьевич. Он сам, сославшись на свою занятость, не приехал проводить Елену Вадимовну в последний путь.

Бывший внедорожник Lexus RX 330, который восстановлению уже не подлежал, ободрали до металлического скелета и уже в спрессованном виде отправили в соседний Китай. Там его переплавили в стальные листы для местного автопрома, чтобы потом превратить в китайский внедорожник BYD S6, практически ничем конструктивно не отличающийся от своего прародителя Lexus RX 330... В тот день, когда в далеком Китае из ворот автозавода выкатили свежий BYD S6, в Финиксе к неухоженной мексиканской мастерской подъехал побитый жизнью и обстоятельствами Infinity FX 35, из которого вышла лойерша Элен, за время повествования окончательно превратившаяся в сушеную воблу, местами накачанную силиконом. Она бросила ключи новому хозяину, села в подъехавший следом Mercedes SLK (свежий, купленный на очередной кредит) и, газанув аризонской пылью, понеслась по широкому хайвэю на крутом кабриолете к своей американской мечте (обеспеченной старости)...

ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ПРИНЦЕССЫ

Готический рассказ

В течение нескольких часов подряд вперемешку с обычными каплями шел дождь из лягушек и жаб. Несчастные создания обильно сыпались с грозового неба, с шелестом падали в кусты и кроны деревьев, шлепались о землю. Если при этом везло не разбиться насмерть, лягушки довольно резво пытались отпрыгнуть в сторону придорожной травы. И все же их было так много, что от копошения зеленых тел, казалось, шевелится дорога.

Канцлер Маврикий выглянул из окошка возка и бросил неодобрительный взгляд на затянутое тучами небо, откуда и низвергались земноводные. Порывы ветра рвали и клонили ветви лесных елей.

– А это все ее пакости, – укоризненно произнес кучер, увидев хозяина. При этом пара лягушек отскочила от его плеч. – Ведьма она!

– Не забывайся, – оборвал его строго Маврикий. – Не ведьма, а принцесса Аурика!

Возница недовольно что-то пробурчал себе под нос, натянул поля островерхой войлочной шляпы так, чтобы лягушки, летевшие с порывами ветра, как гигантские градины, не прикасались своей отвратительной холодной, пупырчатой кожей к его лицу. Он сердито прикрикнул на четверку попарно запряженных лошадей, везших добротный канцлерский воз. Животные, напуганные таким явлением, пятились, перебирали ногами, мотали головами и тревожно хрипели. Под воздействием хлыста они неохотно двинулись вперед, давя копытами лягушачью массу, устилавшую путь. Следом подстегнули своих коней четыре кольчужных стражника, взятые в это путе-

шествие для охраны канцлера короля Карла Великого. Сейчас даже эти выдавшие многое на своем веку рубаки выглядели смущенными.

Канцлер задернул окошечко воза занавеской и откинулся на удобный диванчик, набитый козьей шерстью.

«Повозка покачивается на колее заброшенной лесной дороги, лягушки шлепаются о крышу, и более ничего в этом нет волнительного», – успокаивал себя Маврикий. Он глубже завернулся в плащ, отороченный шкурами горноста и, стараясь подстроиться под раскачивание экипажа, попытался задремать. Но мысли и сомнения мешали этому благоразумному решению. Неприятности, даже можно сказать, беда, заставили первого министра Карла Великого пренебречь другими государственными делами и отправиться тайно в путь. Сложившееся положение требовало скорейшего вмешательства. Народ, доведенный до отчаяния, мог взбунтоваться в любой момент. Но дело оказалось настолько щекотливым, что предполагало особого подхода. А во всем были виноваты они – принцессы. Их оказалось чересчур много. Бесчисленная родня короля, все эти герцоги и графы удивительно быстро плодились. И если в раннем возрасте число дочерей и сынов было почти одинаково (Маврикий даже вел этому специальный счет), то со временем у сиятельных родителей отпрысков мужского пола становилось все меньше и меньше. Опасные охоты, рыцарские турниры и, наконец, войны косили принцев и кавалеров беспощадно. Так что на всех принцесс женихов не хватало. Их бы пожалеть, бедняжек, но, говоря по совести, принцессы вели себя гнусно. Им выписывали из Рима учителей танцев, из Константинополя, самой блистательной столицы мира, – лучших преподавателей манер и хорошего обращения. От получаемых знаний знатные девицы слыли весьма манерными, капризными, требовали от принцев поэм, галантных ухаживаний. Простоватым и непритязательным сынам баронов, не всегда обученным даже прилично читать, было сложно понять такие претензии. А с чего с них взять-то?! Вечно поцарапанные, с ссадинами и ожогами, с траурными полосками грязи под ногтями – они то штурмовали замки своих соседей, то сами отбивали ответные нападения. То, объединившись, общими силами шли закованной в броню конницей на алеманов или готов. Поэтому те из знатных сынов, кто выживал, старались брать в жены девушек из простых сословий. И ухаживать проще, и спеси никакой.

А что же принцессы? Становясь старыми девами – превращались в ведьм. Злобные, вздорные, они повально начинали изучать магию – от их колдовства во франкском королевстве почти не стало житья. Правда, Карл Великий приказал следить за хронистами, дабы те не вносили в хроники государства этот конфуз. Не для чего потомкам знать о славных предках такие неприглядные вещи.

Ведьмы, то бишь принцессы, призывали бури или, наоборот, засухи, насылали на поля саранчу, дожди из змей и лягушек, травили воду в колодцах или молниям приказывали бить по любому, кто выйдет в грозу из дому. От таких безобразий с погодой крестьяне оказались доведены до крайней нужды из-за неурожая, им нечем было платить налоги баронам и в королевскую казну.

Священники и прислушавшиеся к ним даже предлагали создать инквизицию. «Вот еще новомодное словечко», – хмыкнул канцлер. Что это такое, толком не представлял никто, а святые отцы убеждали, что если применить инквизицию, то дело выгорит. «Вот что только они имели в виду под словом «выгорит»?» – размышлял Маврикий.

Но с принцессами, пошедшими по кривой дорожке доморощенного колдовства, что-то нужно делать. Наказывать! Но как? Ведь они особы королевских кровей! И тут не должен пострадать принцип неприкосновенности власти и ее представителей. Разрешить эту неразрешимую задачу и должна была тайная поездка канцлера. Положенный для таких случаев Маврикий отряд из пятидесяти латников он оставил в столице, дабы не привлекать к себе лишнего внимания в пути. Только четверо преданных воинов сопровождали Маврикия, при этом они не имели ни на щитах, ни на одежде гербов и знаков принадлежности к канцлерской страже. Возок для путешествия тоже имел вид неброский. На таких обычно передвигались по стране купцы и аббаты мелких монастырей. Добротно сработанный из прочных досок. Дверь закрывалась на крепкий засов, и окошки, шедшие поверху, были зарешечены. Внутри стены и пол мастера обили коврами, устроили удобный диван, имелись и переносная жаровня на случай непогоды, и сундук с провизией.

Впрочем, остаться незамеченным не удалось, крестьяне удивительным образом прознавали, что мимо проезжает сам королевский канцлер и, бросая нивы, со всех полей спешили с женами и малыми детьми к дороге. Они валились на колени

прямо под ноги лошадям, несмотря на окрики возницы и воинов, просили, чтобы сам канцлер вышел к ним и выслушал их жалобы на козни принцесс.

А когда Маврикий проезжал мимо Тура, пристал к нему аббат местного монастыря. Пав на колени, целовал руки так рьяно, что Маврикию пришлось заложить их за спину. Аббат рыдал, валялся в дорожной пыли и молил защитить его от местной ведьмы. Выглядел он престранно, если бы Маврикий ранее не знал его лично, то сейчас решил бы, что это просто умалишенный. Черные одеяния обильно испачканы желто-белыми пятнами, волосы в склизкой жиже и скорлупе. При этом от несчастного исходил стойкий зловонный запах.

– Что с вами, любезный? Отчего пребываете в таком странном виде? – не удержался от жалости Маврикий.

– Изведет она меня! – застонал аббат. – Ополчилась ведьма проклятая! От нее все крепостные ушли, челядь бросила за злобный и несносный характер. Сколько она бед принесла: колдовство, наваждения, засухи! Как служитель церкви, я более не мог терпеть ее богомерзких дел и пригрозил с амвона карой. Вот после этого она за меня и взялась...

– Да кто же она такая?! – изумился Маврикий. Кого-кого, а рыцарей и священников ведьмы не трогали – побаивались последствий. В основном их чернокнижие распространялось на простолюдинов.

– Принцесса здешняя, из рода Меровингов, нареченная Аурикой.

– Аурика?! – воскликнул изумленный канцлер. – Что же с вами сотворила эта женщина?

– Мучениям моим нет достойного описания. Два раза в день: до обеда и на закате на меня обрушивается, словно из пустоты, дождь из гнилых куриных яиц...

– Из гнилых яиц?! – губы Маврикия дернулись, но он смог подавить улыбку. Это не укрылось от аббата.

– И вы считаете это смешным?! – оскорбленно воскликнул несчастный. – У меня одежды не успевают сушиться после стирки, я хожу постоянно в сыром, и жуткая вонь преследует меня. От меня паства шарахается, монахи косятся.

– Повлияйте на нее, вы же все-таки королевский канцлер, нижайше вас прошу. Из Ватикана в ответ на мои жалобы пришлось уже шесть булл папы римского. Но слово пастыря бес- сильно против ведьмы! Заступитесь, иначе не выдержать мне, – размазывая слезы по пухлым щекам, молил аббат.

Маврикий, видя, что несчастный из-за своего страха находится на грани умопомешательства, согласился заехать в замок к принцессе и замолвить словечко за аббата. Хотя не только милосердие и человеколюбие заставили его это сделать. Очень давно, лет двадцать назад, когда канцлер еще служил капитаном королевских стражников во дворце, он встречал принцессу Аурику. Ее нежное, с тонкими чертами лицо казалось ангельски прекрасным. Его обрамляли золотистые длинные волосы, завивавшиеся на концах милыми колечками. Она была юна, очаровательна, немного взбалмошна и своенравна. В принцессу тайно были влюблены все воины, конюшие, ловчие королевского дворца, где она гостила со своим папенькой-герцогом. В рядах этих безнадежных вздыхателей числился и Маврикий. Но что для нее любовь смердов, когда руки Аурики добивались принцы. Поэтому канцлеру по прошествии стольких лет хотелось посмотреть на ту удивительную девушку и узнать, как сложилась ее судьба. Впрочем, из слов аббата входило, что ничего хорошего с ней не произошло, крестьяне разбежались, слуги тоже.

Еще на подъезде к замку стало видно, что он находится не в лучшем состоянии. Черепица кое-где провалилась или слетела под воздействием ветров, поэтому темные провалы зияли в остроконечных крышах сторожевых башен. На вершине крепостных стен, в швах между камнями, откуда дожди вымыли раствор, буйно зеленела сорная трава. К удивлению канцлера, створы ворот оказались открыты, подвесной мост опущен через ров. Прогрохотав копытами по расшатанным доскам моста, лошади вкатили канцлерский воз на широкий двор замка. Когда Маврикий вышел наружу, одного взгляда хватило, чтобы подтвердились первые впечатления о запущенности здешних дел. Мощенный булыжником двор щербат, по углам зарос все той же вездесущей травой, ползучие растения вились по каменным стенам, создавая ощущение заброшенности и унылости.

— А ведь я вас сегодня ждала, Маврикий, — раздался над его головой женский голос. Канцлер вздрогнул: во-первых, от неожиданности, во-вторых, от того, что узнал тембр и интонацию принцессы Аурики! Пытаясь справиться с волнением, он быстро поднял глаза и увидел на галерее второго этажа женскую фигуру в нарядном белом платье.

Лишь по отдельным чертам ее лица он догадался, что перед ним та юная девушка, виденная много лет назад. Но куда делись нежность овала, блеск голубых глаз! А волосы! Некогда шелковистые, волнистые – волосы теперь лежали вокруг головы, как пакля. Внутренне Маврикий усмехнулся про себя: «Глупец! Ведь, вопреки всякому благоразумию, по дороге сюда он надеялся встретить всю ту же Аурику, какой восхищался двадцать лет назад».

Канцлер поклонился, приветствуя принцессу.

– Вариний, прими у гостей лошадей, – распорядилась сверху хозяйка замка. С массивного каменного крыльца спустился хромоногий слуга. Маврикия поразил его взгляд: отрешенный, равнодушный, словно тот совершенно не осознавал, что с ним происходит на самом деле.

Канцлер вошел в большой зал, где в течение нескольких веков пиршествовали предки Аурики, потомки легендарного короля Меровинга. Здесь тоже лежали следы запустения. В высоких витражных окнах местами вывалились стекла. Спускавшиеся по стенам с потолка гобелены и знамена выглядели выцветшими от времени и пыли. Но каменные плиты пола были тщательно выметены, а в очаге гостеприимно пылал огонь. Больше всего удивил накрытый празднично стол с белой накрахмаленной скатертью, высокими хрустальными бокалами и серебряной посудой. Рядом со столом стояли высокие напольные подсвечники с зажженными свечами, ярко освещавшими место трапезы. «Неужели она и впрямь предвидела мой визит? – мелькнула удивленная мысль в голове у канцлера. – Но каким образом?»

Все тот же хромой слуга подвинул стул с высокой стрельчатой спинкой, и принцесса Аурика села за стол. Рядом опустился на стул Маврикий. Принцесса взглянула на канцлера. Тот посмотрел на нее.

«Да, в ней многое изменилось, – признал еще раз Маврикий. – Лицо как будто удлинилось, и в глазах что-то стало другим». При этом канцлеру почему-то вспомнилось древнее поверье, что колдовство высасывает из человека жизнь.

– Итак, мой скромный дом посетил сам королевский канцлер. Почему же вы без толстой золотой цепи с печатью и где ваш канцлерский перстень? Вы от кого-то скрываетесь? – в голосе хозяйки замка слышалась насмешка. При этом она говорила так, словно они были хорошими знакомыми и расстались только вчера.

Маврикий смутился от такого тона, но не подал вида.

– Я отправился в путь по частному делу, потому посчитал лишним брать с собой знаки государственной власти, – сухо ответил он. А затем сменил тему.

– Что же у вас деревни по дороге стоят пустые, без крестьян и замок, – он помедлил, подбирая слово, – сиротлив? Что за беда приключилась?

– Разбежались все. Одинокая я, нет твердой мужской руки, чтобы землями управлять, – бесстрастно заметила Аурика и подняла хрустальный бокал, чтобы слуга подлил в него красного, густого, похожего на кровь, вина. Принцесса кивнула головой, и одноногий наполнил и бокал Маврикию.

– Ведь вы же посватаны были за принца Гвидо, если мне не изменяет память? – уточнил гость.

– Да, это как раз происходило в те времена, когда вы служили начальником небольшого отряда при короле и никто и не мог подумать, что из вас выйдет что-то более толковое, – уколола канцлера низким происхождением принцесса. Она сделала глоток вина и добавила: – А что до принца Гвидо, то вы правы, помолвка состоялась, но он погиб на турнире от копья герцога Суассона. Ах, эти ристалища! Скольких славных дев они лишили семейного счастья. Почему вы не запретите их?

– Не в моей воле, я лишь служу по мере своих возможностей королю и баронам. А они находят в этом развлечении много пользы, – развел руками Маврикий.

– Плохо вы служите, глупый канцлер, – грустно сказала Аурика, осушила бокал и знаком потребовала слугу налить вина еще.

– А что же после смерти принца Гвидо? Вам более не представлялось хорошей партии для брака? – пропустив ее обидные слова, возобновил прежний разговор Маврикий.

– Почему? Через моих родителей посватался барон Хлотарь. Он был красив, дерзок, неукротим. Но незадолго до свадьбы восстали его вассалы, и при штурме замка голову барона с его мужественным профилем размозжил камень, сброшенный вниз, – принцесса Аурика сдобрила эти слова еще одним глотком вина. – Какая жалость! Моя судьба зависела от какого-то камня, который я никогда в жизни и не видела и вообще не имела представления о его существовании. И ведь лежит же эта дрянь сейчас где-нибудь на площадке башни и ждет своей очередной жертвы, чтобы еще одна принцесса оказалась одинокой.

Хозяйка замка снова осушила бокал и продолжила:

– А потом моя молодость прошла и появились новые достойные девицы из знатных родов, к которым стали свататься принцы. И я осталась доживать век с престарелыми родителями в этом замке. Пока не оказалась одна.

– Но ведь есть еще вдовцы, – заметил канцлер.

– Вдовцы! – усмехнулась Аурика. – Если таковой и найдется, знаете, сколько на него слетится старых дев. Да и потом, наше положение обязывает, что рядом должен находиться достойный мужчина. Наша гордость и происхождение тяжелее вериг, тверже стали.

Маврикию стало стыдно. Стыдно за свое разочарование перед увядшей красотой принцессы Аурики, увы, время никого не красит, и в этом нет ничего предосудительного. И все же деликатное дело, с которым он сюда прибыл, требовало своего завершения.

– Говорят, вы замечены в колдовстве, – произнес тихо канцлер, переходя к щекотливой теме.

– Кто говорит? – губы принцессы сжались в узкую ниточку. – Аббат Фелоний про меня гадостей наговорил?

– Отчего же вы такое подумали? – попытался уйти от вопроса Маврикий.

– Вы канцлер, и вряд ли станете слушать простолюдина, а в округе лишь аббат имеет вес.

«С ней непросто вести разговор», – признал Маврикий.

– Ну, так что же об обвинениях в колдовстве? – напомнил канцлер. И тут почему-то не выдержал эмоций. Нервно, по старой привычке, забарабанил пальцами по столу и сердито произнес:

– Что же это за наваждение такое? Как ни принцесса, так ведьмачит! Наговоры, напасти наводит! Сейчас вот этим и девчонки сопливые уже грешат!

– А вы по своей столичной напыщенности ведь думаете, что мы к магии прибегаем от склочности характера? – наклонившись вперед, к лицу Маврикия, тихо произнесла Аурика. В ее глазах почудилось что-то завораживающее, притягивающее против воли, словно сознание затягивает в черную воронку. Сердце мужчины гулко забилось в груди. Усилием воли канцлер отвел взгляд в другую сторону.

– Так зачем же тогда? – с трудом произнес Маврикий.

– Вернуть утраченное в горячей надежде прожить то, что не прожито. Прочувствовать то, что оказалось недоступно.

Недоступно по насмешке судьбы, случайности или злой воле рока, – в голосе хозяйки дворца прозвучала затаенная, загнанная в самые глубины души тоска.

– Так ради чего все-таки? – попытался допытаться до понятного для себя ответа канцлер.

– Это попытка вернуть утерянную молодость, – с печальной улыбкой ответила принцесса.

– Кому-нибудь это уже удалось? – с сомнением спросил Маврикий.

– Прикасаясь к колдовству, мы всегда что-то получаем, а что-то отдаем, – туманно объяснила Аурика. Неожиданно она засмеялась. Чересчур сильно, чересчур звонко, так, что Маврикий совсем не поверил, что ей весело.

– Ну же, поухаживайте же за мной, – с вызовом воскликнула она. – Хоть вы и канцлер, но не забывайте, что я королевских кровей.

Маврикий, не дожидаясь ушедшего слуги, сам налил из серебряного кувшина вино.

– Вот и вы туда же – ведьмой меня признали. Наговорят на одинокую женщину. И так во всем одни огорчения. Недавно сватался ко мне заезжий маркиз из Италии Альварес де Пьяченцо. Обольстительный брюнет. Галантен, одежда пошита у самых дорогих итальянских портных. А у самого бриллианты фальшивые, цепь – позолоченная и звание маркиза поддельное. Обмануть хотел одинокую девушку, пожить решил за мой счет. Ведь в подвалах этого замка хранятся немалые богатства. Вот после этого и будешь ведьмой, – теперь ее голос дрожал.

Просидели они еще недолго. Первой поднялась Аурика, сославшись на начавшуюся головную боль, она пожелала гостю доброй ночи. Хозяйка предложила канцлеру переночевать в одной из приготовленных для него комнат, но Маврикий отказался. Каменные стены замка подавляли его, рождали ощущение тоски и необъяснимой тревоги. Несмотря на уговоры принцессы, канцлер провел ночь внутри возка, стоявшего во дворе. Здесь он по привычке удобно расположился и проспал всю ночь.

«Да какая она ведьма, – рассуждал на следующее утро, выезжая со двора замка принцессы Аурики, канцлер. – Просто одинокая баба, которой не повезло в жизни. А аббат по темноте своей все напридумывал». И все же Маврикию было неудобно за проявленное им разочарование внешностью прин-

цессы и больше всего за то, что он смог скрыть свои чувства в общении с ней. Аурика, конечно же, все поняла и, кажется, очень разозлилась. Этим утром она не вышла проводить канцлера в дорогу, как следовало гостеприимной хозяйке.

Где-то перед обедом, когда от замка отъехали на достаточное расстояние, небольшой отряд настигли порывы ветра. Небо покрылось низкими грозowymi тучами, вокруг все потемнело, и стал накрапывать мелкий нудный дождик. А потом произошло это. Сверху вдруг повалил град из жаб и лягушек, и так несколько часов подряд. Тут-то Маврикию и вспомнился аббат. Правда, на канцлера у принцессы протухших яиц не хватило. И то хорошо. Особого волнения по этому сверхъестественному явлению он пытался не допустить ни в мыслях, ни в чувствах. Былая воинская закалка научила канцлера сохранять холодность рассудка при любых обстоятельствах. Лишь одно печалило Маврикия: осознание того, что женщина, которая когда-то воспринималась им как идеал красоты, превратилась в ведьму. Впрочем, оценивая других, мы относимся к ним намного строже, чем к самим себе.

От печальных размышлений его оторвал сильный стук в стенку со стороны возницы. Канцлер подобрался к окошку и отодвинул занавеску. Снаружи вместо света дня царил сумрак, достойный ночи, и выл ветер.

– Беда, господин, – прокричал ему сквозь шум разбушевавшейся стихии возница. – Потерялись мы, лошади ни в какую не хотят с места двигаться.

– Как потерялись? – удивился Маврикий. – По лесу проходит лишь одна дорога.

– Лес, видимо, уже кончился, вокруг нас туман, сквозь него ничего не видать и на два шага, – по голосу было слышно, что возница не на шутку напуган.

Маврикию произошедшее очень не понравилось. Он быстро вышел наружу и окунулся в плотную, клубящуюся туманную завесу. Сильный порыв ветра ударил в спину так, что он еле удержался на ногах. Держась за стенку воза, Маврикий дошел до возницы.

Неожиданно из белесой пелены выросла лошадиная морда. Канцлер отшатнулся в сторону. Оказалось, что это один из стражников вернулся после того, как отъезжал от воза разведать дорогу.

– Вперед такая же белая мгла. Но различается свет, – доложил он.

– Костер? – спросил Маврикий.

– Нет, не похоже. Что-то другое, – воин не смог объяснить точнее.

– А что это может еще быть, чурбан?! Для чего ты ездил вперед?! – разозлился возничий.

– Я заткну твою глотку... – зарычал воин.

– Замолчите оба! – рявкнул Маврикий. Он только теперь сообразил, что ему не нравилось в происходящем: липкое ощущение страха, который полз по взмокшей спине. Страх мешал думать, подчинял себе разум, вползал туманом в сознание, он заставлял злиться на все вокруг. И если только поддаться ему... Маврикий усилием мысли разорвал паутину панического ужаса, опутывавшего мозг.

– У нас нет выбора, поедем на этот свет, – решил твердо канцлер и уже мягче добавил: – Приготовьте оружие и молитесь.

Всегда есть выбор, но случается в жизни, когда подступает неизбежное. От него не уклониться, его не отсрочить, и канцлер понял, что сейчас и выпал такой миг. Он приказал вознице взять под уздцы лошадей, тянувших воз, и самому выбирать дорогу в тумане. Сам же сел на козлы и взял вожжи. В помощь вознице он отправил одного воина. Другим стражникам тоже пришлось спешиться и вести за собой напуганных коней.

Они направились вперед, в ту сторону, откуда вернулся дозорный. Шли, наугад выбирая дорогу, лошади упирались, колеса воза все время натывались на корневища деревьев или пни. Под напорами ветра шелестела павшая листва, скрипели и ныли ветви. Казалось, в белой пелене, глумясь над заблудившимися людьми, носились легионы ревущих, вопящих, воющих и гогочущих демонов. Звуки, порывы ветра и клубящийся туман все плотнее и плотнее затягивались вокруг Маврикия и его спутников, как смертоносная петля на горле приговоренного к смерти.

Вдруг через шум и хохот ветра канцлер отчетливо ощутил в своем сознании шепот, так, словно его кто-то звал, манил к себе. Нежные, терпкие губы произносили его имя, и этот тихий голос скользил по всей поверхности тумана, обволакивал все: предметы и фигуры людей. Противостоять таинственной силе казалось выше человеческих возможностей. Шепот подчинял, лишал воли, зачаровывал. Это было необъяснимо и невероятно, но так же явно, как и явственно ощущалось прикосновение ветра к лицу.

Туман стал реже, прозрачнее, уже различалось странное сияние впереди, отчетливо вырисовывались силуэты деревьев и кустарника. Ветер же, напротив, ревел все неистовее, яростнее, кружась так, что лошади и люди с трудом могли удержаться на ногах. А потом неожиданно стало светло. Столб синеватого холодного света падал сверху, и в центре его Маврикий увидел женскую фигуру в белом платье невесты. Она висела высоко в воздухе, а под ней извивался, клубился и стлался по земле туман, расплываясь затем по лесу. Вокруг нее на высоте роста двух мужчин ветер с бешеной скоростью крутил водоворот из веток, листьев и вырванной травы. Все это мешало разглядеть внешность женщины. Хотя нет, Маврикий знал, кто она и что именно она звала его через лес и туман. Но ему хотелось взглянуть в ее лицо, чтобы подтвердить свою страшную догадку.

Канцлер даже не осознал, что соскочил с козел и, шатаясь под напором ветра, пошел вперед, прикрывая глаза руками от летящего сора. Он прошел мимо возникшего, пытавшегося его остановить своим криком. Запинался и спотыкался о корневища, но упрямо шел, пока наконец смог увидеть ее лицо. Это была принцесса Аурика! Та Аурика, которую он знал двадцать лет назад! Прекрасная своей юностью, свежестью губ, золотистыми волнами волос. Она вернула свою молодость!

Их взоры встретились, и все очарование исчезло. Тьма, безграничная и леденящая, лежала в глазах ведьмы. Алые губы Аурики исказила злая усмешка, принцесса протянула в сторону Маврикия руку, и канцлер почувствовал, как что-то холодное вошло в него, легко подняло тело вверх. И вот уже ветер вращал его вокруг принцессы. Его глаза не видели ничего, кроме ее глаз, их взоры сплелись между собой, открывая друг для друга сознание. И то, что обитало в ней: морщинистое, гниущее и сладострастное демоническое существо – сразу жадно потянуло тонкие паучьи пальцы к душе Маврикия. Оно было голодно. Безгранично и вечно голодно. Оно обречено на эту муку, и только поглощение энергии очередной души давало секундное, всего лишь секундное экзальтическое освобождение от бесконечного проклятья.

Маврикий инстинктивно рванулся, но тело его не слушало, оно оставалось бездвижным. Ледяные тиски только сильнее сдавливали ребра, мешали дышать, мертвенный холод подбирался к горячо бьющемуся сердцу. Гайтан, на котором висело распяты, с неистовой силой разорвало, и крестик,

единственное, что стояло между канцлером и душою ведьмы слетел вниз. Пронзительный хохот вырвался из глотки Аурики, и вихрем пронесся по лесу.

– Что ты хочешь от меня?! – канцлер не мог понять, этот крик он произвел в своем разуме или произнес непослушными омертвевшими губами.

– Ты думал, я не заметила, как исказилось разочарованием твое лицо, когда ты увидел меня во дворе замка? С какой жалостью ты всматривался в мои черты, – голос ведьмы шептал у него в голове, обволакивал мысли сладко-зеленой приторностью. – Ты ведь желал меня увидеть юной? Так насладись моей красотой! Я заплатила высокую цену ради того, чтобы быть вечно желанной.

Облик Аурики, прекрасной, нежной, обольстительной, завладевал им. Когда-то затаенное восхищение этой недоступной для Маврикия женщиной под воздействием сладкого яда, втекавшего в мысли, превращалось в неуправляемое, горячее желание обладать Аурикой. Обладать ее телом, запускать пальцы в ее шелковистые волосы, прикасаться губами к ее нежной шее и скользить вниз по телу.

– Я буду твоей невестой, твоей вечной невестой, останься во мне навсегда, – соблазняли ее губы. Маврикий уже не видел ни леса, ни тумана, не осознавал, что тело его, зависшее в воздухе, ведьма медленно притягивает к себе. Ее безупречное лицо, манящие глаза приближались к нему, он чувствовал аромат ее тела. Аурика предстала пред ним обнаженной. В ее наготе было что-то одновременно желанное и бесстыдное. Маврикий с жадностью смотрел на белизну ее плеч, на круглые маленькие груди, увенчанные острыми темными сосками, плоский девичий живот. Она была открыта для его глаз вся, лишь только туман продолжал клубиться у самого ее лона, скрывая низ живота и ноги. Они сближались друг с другом. Ее губы уже почти касались его вздрагивающих губ.

– Я заплатила за вечность великую цену, раздели теперь ее со мной и ты, – вдруг заклокотал утробный рык демона, обитавшего в ведьме. Он уже не мог ждать, он дрожал от нестерпимого голода. И тут же словно тысячи змей впились в тело Маврикия, причиняя невероятную боль, разрушая сладостно-тягучее видение. Канцлер издал вопль, его руки, ноги и голова дергались в воздухе, как у паралитика. Тысячи змей ползли по его внутренностям, сплетались клубком в утробе, обвивались вокруг костей, их холодные гладкие тела скользили по горлу,

касались неба, плоские змеиные головы выскальзывали из его рта. Они жгли все на своем пути огненно-горьким ядом. Демон проникал повсюду, он словно дразнил себя предстоящим неизмеримо желанному удовольствию. Но главным для него было сердце: пульсирующее, живое, наполненное горячей алой кровью. В нем таился источник жизненной силы.

И тут, на грани погружения в ужас, корчась от страха и безысходности, собрав последние силы, душа Маврикия возопила к Создателю. И память, почти уже опутанную паутиной безволия, разорвали слова заученной святой молитвы. Демон, готовившийся поглотить свою жертву, взревел от ярости и боли. Его корчило и корежило от святой молитвы, а прекрасное лицо Аурики на какой-то миг исказил уродливый лик.

Маврикий молил Создателя горячо, страстно. Сознание его обретало силу, пыталось вытеснить зло из себя. В этом противостоянии он ощутил, что в Аурике еще сохранилось что-то прежнее, человеческое. И эта тлеющая искорка почти угасшей души молила спасти, избавить ее от того неведомого и страшного существа, с которым она когда-то слилась, отдав ему во власть свое тело.

Неожиданно с диким визгом ведьма швырнула Маврикия прочь. Удар был болезнен, хотя падение и смягчили мягкий дерн и трава. Тут же тело Маврикия, все еще неподвластное ему, вновь взлетело в воздух, и Аурика движением руки заставила ветер раскрутить и снова бросить канцлера вниз. Демон, живший в ней, требовал завершения подготовленного жертвоприношения. Ведьма любыми способами старалась заставить Маврикия потерять сознание, чтобы он перестал возносить молитву.

Вихрь поднял избитого канцлера в третий раз, голова его, в кровавых синяках, уже безвольно свисала, разум затуманивался, но разбитые губы продолжали шептать молитву. В этот момент, с трудом разлепив веки, он увидел, как его воины, оправившись от первого ужаса и растерянности, бросились ему на помощь. Три всадника с копьями наперевес неслись на Аурику. Она их заметила. Одной рукой ведьма на расстоянии продолжала удерживать в воздухе канцлера, а другой метнула молнию. Сине-голубая вспышка с шипением ударила в одного из нападавших. Конь перекувыркнулся через голову, а пораженный всадник вылетел из седла. Когда он оказался на земле, голубоватые змейки с треском пробегали по его кольчуге. Ведьма направила руку, чтобы поразить второго воина.

Тот, понимая, что ему не избежать смерти, метнул в нее копьё. Аурике пришлось отшвырнуть от себя Маврикия, чтобы отклонить летящее в нее копьё, так другая ее рука выбрасывала в этот момент молнию. Этот разряд убил стражника.

Отброшенное тело Маврикия отлетело к возу, с шумом прокатившись по павшей листве. Внутри все было обожжено демоническим огнем, голова раскалывалась и пылала, вспухшие веки застилали глаза. Канцлеру очень хотелось остаться на траве и дать на какое-то время отдохновение избитым мышцам и суставам. «Лежать нельзя. Нужно вставать, вставать!» – приказывал он сам себе. Скрипя зубами, Маврикий встал на четвереньки, а потом, цепляясь за колеса и стенки воза, с трудом поднялся на ноги. Его шатало. Он обернулся назад. В живых из пятерых человек остались возница и два стражника. Они, окружая ведьму, пытались напасть на нее одновременно с разных сторон.

Один из воинов, увернувшись от молнии, соскочил с коня и с обнаженным мечом вбежал в туман, стлавшийся из-под зависшей в воздухе Аурики. Меч уже готов был пронзить ведьму снизу вверх, как пелена вдруг спала. И от увиденного ужаса у людей волосы зашевелились на голове. Под платьем ведьмы извивался, шевелился и шипел клубок блестящих, иссиня-черных змеиных тел. Каждый из отростков заканчивался плоской головой с пастью, усеянной острыми зубами и раздвоенным змеиным жалом.

Увидев это, воин от ужаса закричал, попятился, попробовал взмахнуть мечом. Но с десяток змей молниеносно набросились на человека, плотно обвиваясь вокруг рук, тела и шеи. Их ненасытные пасти, прорывая зубами железные кольца кольчуги, с жадностью впились в плоть. Аурика исторгла из глубины своего чудовищного тела победный вой. Демон получил свою долгожданную жертву. Тело несчастного беспомощно повисло в паутине страшного спрута, а меч бесполезно валялся рядом в траве.

Последний из воинов попытался прийти на помощь товарищу, но Аурика метнула в него молнию. А в это время ее змеиные щупальца, неожиданно удлинившись, обвили ноги пытавшегося сбежать возницу. Он опрокинулся на землю и почувствовал, как его начинает медленно волочить по траве к клубку из змей. Возница вопил от ужаса, упирался, цеплялся руками за встречавшиеся корни, но это оказалось бесполезно.

Все новые и новые змеиные головы, со сводящим с ума шипением, тянулись к нему.

И в этот момент демон внутри Аурики, готовившийся к очередному поглощению жизненной энергии, вдруг беспокойно зашевелился. Ведьма завертела головой, ища опасность. Ее обезумевшие от кровавого пиршества глаза встретились с решительным взглядом Маврикия. Он стоял на крыше воза и целился из арбалета. Лязгнув замок, и болт с бешеной скоростью сорвался с тетивы.

Ведьма, предчувствуя неизбежное, дико завизжала, подняла руки, чтобы отклонить смертоносный выстрел. Но оказалось поздно, болт пробил ее грудь. Рев демона исторгнулся из груди Аурики, дикий страшный, как будто небо раскололось на части. Она рухнула на землю, так что пошла дрожь и колебание почвы. Ветер, завывавший и круживший на месте схватки, вдруг собрался в черную вихревую воронку над ее телом, а потом, словно сорвавшись, ушел ввысь, унося демона, не имевшего больше права пребывать в этом мире.

Тишина, которая наступила после всего происходившего безумия, казалась ошеломляющей. Шатаясь и чувствуя боль во всех членах, Маврикий подошел к месту, где лежало тело Аурики. Тонкая, желтая старческая кожа обтягивала кости черепа женщины, провал губ, седые ломкие волосы, тонкие костлявые руки – все это напоминало ссохшуюся мумию. Еще недавно казавшееся великолепным подвенечное платье при близком рассмотрении оказалось давно изношенным, на пожелтевшей ткани виднелись серо-зеленые пятна гнили и тления. Это и был настоящий облик принцессы Аурики.

Канцлер вырвал из тела ведьмы болт с серебряным наколочником, освященным пред выездом у священника.

«Взять с собой колчан с такими болтами оказалось хорошей идеей», – похвалил сам себя при этом канцлер. Он опустился на колени и вознес молитву Господу, благодаря за спасение. Пока он молился, донесся стон. Канцлер резко обернулся, пытаясь определить, какая еще опасность ожидает его.

Возничий, которого он считал мертвым, сидел на траве с ошарашенным взглядом и дрожащими пальцами ощупывал свое лицо, плечи и тело.

– Я жив?! – сам не веря в это, воскликнул он. – Я жив! Эта тварь не успела меня сожрать! Боже, я жив!!!

Возница вскочил на ноги и начал приплясывать и кружиться, пока не запнулся и с хохотом покатился в траве.

Тела погибших воинов канцлер и возница захоронили тут же на поляне. Останки ведьмы сожгли на костре, а прах развеяли по ветру...

Канцлерский воз двигался по старым заброшенным дорогам древней Галлии. Маврикий намеренно избегал больших многолюдных трактов. Путь он сверял по древней, ветхой карте, нанесенной на куске сухого пергамента. Его он не показывал даже вознице. После столкновения с ведьмой возница полностью поседел, он все время бормотал молитвы и держал при себе арбалет, заряженный болтом с серебряным наконечником. Он замкнулся в себе и более не досаждал канцлеру своим обычным ворчанием и пустыми разговорами.

Маврикий не знал, поможет ли избранный им способ, но одно решил для себя твердо – с ведьмами в королевстве нужно кончать как можно скорее. Канцлер искал встречи с одним человеком. Кто-то называл его колдуном, кто-то на манер восточных чародеев – магом, кто-то по-древнекельтски продолжал величать друидом. Канцлеру короля Карла представили его как алхимика. Впрочем, в последнее время появилось множество новомодных словечек, и Маврикий не очень то доверял новшествам. Но в среде фальшивомонетчиков, палачей и лекарей об алхимике Борсе ходили положительные отзывы.

Наконец в один из пасмурных дней давно неезженная дорога вывела лошадей, тянущих канцлерский возок, к невысокому пологому холму. Его вершину опоясывали частокол и сложенное из потемневших от времени бревен жилое строение. Узкая, протоптанная в высокой траве тропка вела к распахнутым воротам.

Маврикий, приказав вознице ждать его у подножия холма, решил войти в старинную усадьбу один. Когда он вошел во двор, застроенный хозяйственными строениями, увидел, как стоявший спиной к нему седоволосый старец в длиннополой льняной рубашке и безрукавке из заячьего меха безуспешно тянул на веревке козу. Он бормотал ругательства и безуспешно пытался сдвинуть с места упрямое животное.

– Почтенный, я ищу мудреца по имени Борс, – окликнул хозяина канцлер. Но тот продолжал возиться с козой. Маврикий повторил свою фразу, сказав более громко. Но результат остался таким же.

Тогда он подошел к старику и слегка дотронулся до его плеча.

Старец подскочил на месте, как ужаленный, и резко обернулся. Лицо его было испуганным.

Маврикий отступил на шаг, поклонился по древнегальскому обычаю и произнес, догадываясь, что собеседник имеет проблемы со слухом:

– Я ищу алхимика по имени Борс!

– Что? Я не слышу! Говори громче, чужеземец! – придя в себя, раздражительно воскликнул старик. Почтение в движениях чужестранца успокоило его.

– Ты почтенный алхимик Борс? – прокричал канцлер.

– Пойдем, пойдем за мной, – старец повышал голос так, как будто глухим был Маврикий. Он бросил козу и засеменял вперед. Гость последовал за ним.

«Неужели это и есть алхимик? И как с ним теперь говорить о деле?!» – Маврикия разозлила эта ситуация. Он проехал полстраны, оставил все государственные дела, чуть не погиб в пути и в итоге Борс, на которого он возлагал все надежды, оказался безбожно глух! Маврикий не слыл человеком мстительным, но сейчас пообещал себе, что, вернувшись в столицу, жестоко накажет своих осведомителей, что не сообщили ему об особенностях ученого мужа.

Между тем они поднялись по широкой каменной лестнице и вошли в главное строение. Маврикий оказался в просторном зале, освещенном множеством масляных ламп и свечей. Пол устлан шкурами. Стены отделаны мореными дубовыми досками. Вдоль них шли шкафы с фолиантами, свитками, папирусами. Рядом располагались столы, загроможденные камнями, колбами и ретортами, вились медные змеевики. Часть помещения заполнили клетки со всяким лесным зверьем: зайцы, хорьки, бурундуки, птицы. В самой просторной клетки находился матерый волк. Большое место у противоположной от входа стены занимал камин, величиной не уступавший камину в замке самого Карла Великого. В каменном прокопченном чреве пылал огонь.

К радости Маврикия, в зале находился еще один человек. Он стоял спиной ко входу у одного из столов и, видимо, читал какой-то манускрипт.

– Учитель, у нас гость, – все так же громко произнес провозжатый Маврикия.

Тот, к кому обратились, обернулся. И по наряду, и по облику он мало отличался от первого старца, одежда такого же

галльского покроя из домотканой ткани, седые волосы и белая борода. Только осанкой он оказался прямее, телом крепче и взором острее.

– Я канцлер короля франков Карла Великого, – с достоинством произнес Маврикий. – Ищу алхимика по имени Борс.

– Борс – это я, – коротко произнес хозяин зала.

– Вы алхимик? – уточнил Маврикий.

– Алхимик? – переспросил Борс. – Сейчас это словцо входит в обиход, так что можно и так. Хотя каждый по-разному понимает, что кроется под этим понятием. В этом и опасность всяких новых слов.

– Вы сведущи в колдовстве? – попытался уточнить Маврикий, совсем неудовлетворенный речью старика.

– Смотря что подразумевается под колдовством, – пожал плечами Борс. – Колдовством в селениях порой называют то, что неподвластно пониманию обычных людей. Если так, то я знаю немало вещей, кажущихся непонятными и странными.

Маврикий мрачно посмотрел на собеседника. Канцлеру хотелось простых и доступных ответов, а не пространной многоречивости. Он тяжело вздохнул: глухота первого старца сменилась болтливостью другого, и что из двух этих пороков хуже – Маврикий не мог понять.

– Что же вас привело сюда, в глубь лесов? – поинтересовался Борс.

– Беда, – признался канцлер. – Я все расскажу по порядку.

– Садитесь к камину, – пригласил Борс. Алхимик подвел гостя к очагу, усадил за небольшой стол, видимо, предназначенный для приема пищи, так как он единственный оказался не завален алхимическим бараклом. С каминной полки Борс принес два древних кубка из потемневшего серебра.

– У меня где-то хранился запечатанный кувшин с отличным старинным вином. Я его держал для таких случаев, – воскликнул гостеприимный хозяин. Он спешно подошел к одному из шкафов, полки которого были заставлены кувшинами, бутылочками из толстого зеленого или фиолетового стекла и различного размера штофами.

– Это зелье от забвения, это, кажется, магический напиток, это от превращений, это для превращений, – быстро перебирая сосуды и склянки, бормотал алхимик. – Где-то здесь, на этой полке я его видел. По крайней мере, лет десять назад вино стояло тут.

– Ах, вот же этот кувшин! – воскликнул Борс, бережно снимая с высокой полки искомое. – Это удивительное вино, отпробуйте.

Старик налил канцлеру в кубок из глиняного кувшина густой темно-вишневой жидкости, по виду и запаху похожей на ликер. Маврикий с подозрением взглянул на предложенный напиток и внутренне про себя сотворил молитву. От забывчивого алхимика можно ожидать всякого: может, перепутал по забывчивости древний старец и вместо вина зелье свое колдовское плеснул.

– Эй, Грум, принеси нам копченой оленины! – крикнул Борс. – Где ты там запропастился?

– Это ваш ученик? – уточнил на всякий случай Маврикий.

– Да, – махнул безнадежно рукой алхимик. – Пришел когда-то ко мне еще молодцом, упросил стать его наставником. Только наука не по его крепкой голове. Уж сколько лет пробыл у меня, а научился всего-то тому, чем можно в деревнях простаков удивлять. Прогнать его нужно было бы, да я за эти годы привязался к нему. А он еще и оглох недавно, теперь совсем беда с ним. Так что оленины нам не дожидаться, лучше перейдем сразу к делу.

Это предложение более всего пришлось Маврикию по душе, и он подробно поведал Борсу о том безобразии, что устроили принцессы в королевстве, и о столкновении с демоническим чудовищем, случившемся по пути сюда.

– Чего же, ваша светлость, вы ко мне решили приехать, а не в университет, который создал великий наш государь Карл Магнус? Говорят, там науку преподают. Может, вам туда стоило обратиться, чем к нам в глухомань по кочкам трястись? – ехидно заметил старец и лукаво посмотрел из-под густых седых бровей на гостя.

Маврикий поерзал под взглядом алхимика. Канцлер понял: от того, как он поведет разговор, зависит, поможет ли ему Борс.

– Наука – понятие еще неясное, новое, – осторожно начал канцлер. – А профессора – народ уже заносчивый, в мистику не верят, рациум, говорят, нужно развивать. Обратись к ним с просьбой о магии – засмеют. Школяры и того хуже – буйны, к вину пристрастны, потасовки на улицах устраивают. С наукой пока одни хлопоты, – неожиданно для себя пожаловался на ситуацию Маврикий.

– Да-а, – понимающе протянул Борс и почесал кадык под длинной белой бородой. – Наука – дело темное. Тут недавно ко мне приезжал магистр философии из Сорбонны по прозвищу Феамотор. Грозился: «Выведу тебя, шарлатана, на чистую воду!» Я его, невежу, сначала молнией хотел поразить, а потом передумал. Чего это человеку зря пропадать, может, и от него, бесцельного, польза будет. Вот и превратил.

Борс указал на одну из клеток, что висела под потолком. Маврикий пригляделся повнимательней и увидел там средних размеров ящерицу. Сунув узкую чешуйчатую мордочку между прутьев клетки, она словно услышала, что говорят о ней, а потом забегала беспокойно, как бы просила о помощи.

Борс встал с кресла и слегка стукнул пальцем по клетке и строго, как профессор в аудитории, произнес:

– Ну-ка, Феамотор, не шуми!

Маврикий попытался улыбнуться, но улыбка вышла неестественной. «Врет, скорее всего, алхимик, чтобы свою репутацию поддержать», – подумалось канцлеру.

Между тем сам Борс заходил широкими шагами по залу, тербел бороду и что-то шептал себе под нос. «Дело-то не простое», – доносилось иногда до Маврикия. Такой скорый подход к делу канцлера порадовал. А старец продолжал еще долго мерить пространство зала широкими шагами, что-то бормоча, вскрикивая или опровергая себя в споре со своими же мыслями.

Вскоре от вынужденного ожидания Маврикий стал клевать носом, голова стала тяжелой, а веки предательски сомкнулись для сна. Сколько канцлер продремал, он и не знал, но крик алхимика привел его в себя.

– Я понял, понял, что нам нужно!

Маврикий быстро согнал с лица сонное выражение, поднялся с кресла в надежде, что старец поделится с ним своим решением. Но Борс его словно не замечал, глаза его горели лихорадочным огнем, от нетерпения он потирал сухие ладони. На этот раз на голос учителя наконец-то явился его престарелый ученик.

– Запоминай, глупая ты голова, – кричал ему в ухо Борс. – Нам нужна ящерица. Для этого возьмешь магистра философских наук Феамотора. Найди мне пару летучих мышей, камень опал, магний и стружки стали. И самое главное – волосы процессы. Их я возьму сам, ты не знаешь, где я их держу.

Старики-алхимики метались от одного шкафа к другому, собирая все перечисленное, не обращая внимания на гостя. Маврикий удалось поймать за локоть Борса и привлечь внимание к себе.

– Что вы надумали, почтенный? Что вы собираетесь делать? – задал вопрос канцлер.

– Ах, вы еще здесь?! – удивленно воскликнул Борс. – А я думал, что вы уже уехали. Простите, я иногда погружаюсь в размышления так сильно, что не замечаю ничего вокруг.

– Вы знаете, как отвратить принцесс от колдовства? – не мог поверить Маврикий.

– Да, я придумал, – гордо воскликнул алхимик. – А теперь нам нужно срочно браться за дело, пока мне это интересно. Если я к этому охладею, увы, Франкскому королевству придется туго. И помогите мне донести клеть с ящерицей.

Нагрузив в руки все необходимое, алхимики и канцлер вышли во двор, обогнули бревенчатый амбар и через калитку в частомоле вышли из усадьбы. С той стороны холма, на которой они оказались, располагалась открытая местность с древней мегалитической постройкой. Три громадных каменных столба возвышались над землей, а вокруг на значительном расстоянии из валунов в половину человеческого роста древние строители выложили меньшего размера несколько кругов.

– Что это такое? – осматривая подозрительно местность, спросил Маврикий. По христианским верованиям считалось, что в подобных местах приносились языческие жертвоприношения и проводили колдовские ритуалы.

– Это моя обсерватория, лаборатория, устройство для перемещений во времени, и так для хозяйственных нужд и по всякой мелочи, – буркнул непонятно для Маврикия Борс. Он сложил все принесенное между тремя каменными столбами. – Камень накапливает энергии, идущие из Земли и космоса, а они мне очень понадобятся. И еще, я тут останусь на всю ночь, а вы не смейте приближаться, иначе чего доброго вас поразит энергиями стихий, которые я начну вызывать.

Маврикий вернулся к возку. Возница готовил в котелке, подвешенном над костром, ужин. Арбалет лежал подле него. Ели они в молчании, каждый обдумывая что-то свое. Между тем в наступающих сумерках над тем местом, где

свершал свои тайнодействия алхимик Борс, начали скапливаться темные густые тучи, небо приняло свинцово-черный цвет и грянули первые раскаты грома. Раскаты становились все сильнее, все неистовее, так что в грохоте дрожали и деревья, и почва. При этом не пролилось ни одной дождемки. Все вокруг налилось напряжением, сухой душный воздух был наэлектризован. И тогда темный полог неба с треском вспороли первые молнии. Они вспыхивали и вились змейками между туч, а потом их стало больше, и одна за другой светящиеся грозовые разряды стали ударять туда, за холм, где возвышались каменные мегалиты.

Канцлер и возница сидели у затухшего костра и мрачно наблюдали за всем происходящим. Маврикий корил себя за то, что для борьбы с ведьмами обратился к магу. А к каким силам может прибегнуть алхимик Борс, показавшийся канцлеру весьма сомнительным, это еще неизвестно.

Гром и молнии сотрясали небо и землю всю ночь, так что вскоре это зрелище наскучило канцлеру и его спутнику и оба отправились спать в возок.

Маврикий проснулся рано. Стояло свежее, прохладное утро. Умывшись водой в ближайшем роднике, он поспешил за холм. То, что увидел канцлер, заставило его содрогнуться от ужаса. Между каменных глыб стоял громадный ДРАКОН! Такой, каким его воспевали в балладах бродячие певцы: с блестящей, отдававшей сталью чешуей, с длинным хвостом, громадными кожаными крыльями, грозно дышащий.

Первым желанием канцлера было броситься назад к возку, чтобы мчаться в столицу и собирать войско для битвы с чудовищем. Но невдалеке Маврикий увидел двух старцев, они находились вблизи дракона, и тот не причинял им вреда. Собрав все свое мужество, Маврикий подошел к Борсу. Алхимик выглядел уставшим и невыспавшимся, но очень довольным. Он сидел на шкуре, брошенной на склон холма, ел хлеб, запивая его молоком из глиняного кувшина.

– Ну как вам мое творение? – тщеславно воскликнул старик и добавил: – Вот и магистр философии Феамотар, превращенный в ящерицу, послужил для славного дела.

Ужас и страх сменились в канцлере бешенством.

– Да вы что натворили?! Разве об этом я просил? – Маврикий еле сдерживал себя, чтобы не схватить старца за грудки и не вытрясти из него душу.

– Это то, что вам нужно, – весело воскликнул Борс, словно не замечая ярости канцлера. – Стальная стружка придала неуязвимость чешуе ящерицы, как раз пришлись и крылья летучих мышей, а магний в зобе преобразуется в пламень! Разве же это не замечательно? Волосы же принцесс вызывают в драконе непреодолимую, непонятную для него самого тягу к девицам знатного рода.

– Это же все опять колдовство! – заорал Маврикий. – Проклятое колдовство!

– Перестаньте, какое это колдовство?! – тщеславно усмехнулся Борс. – Элементарная трансмутация, гигантизм и шепотка моей фантазии.

Маврикий не понял смысла произнесенных терминов, но ясно, что старец хвастал своим чародейством.

– Мне теперь целое войско баронов потребуется, чтобы победить вашего дракона! – рявкнул Маврикий.

Щуплый Борс смирил недоуменным взглядом дородного канцлера с пылавшим от гнева лицом.

– Ах, да, да, вам же все надо разложить по полочкам, – вздохнул алхимик. – Живя в одиночестве, я совсем забываю про эту особенность людей. На самом деле задумка моя проста. Вы рассказали мне о демоне, поглотившем душу принцессы. И тогда я решил создать чудовище. Между Добром и Злом проходит грань, и эта грань – душа человека. Тьма увлекает, манит соблазнами, добро останавливает и предостерегает. Добро требует от нас праведности, тьма обещает вседозволенность. И при всем осознании, что добро – хорошо, а зло – приносит горе, люди, как правило, предаются слабостям. В начале – небольшим, и, на первый взгляд, вполне безобидным. Лень, страх, жадность, обман. Одна слабость прибавляется к другой, и их становится все больше. И внутри человек растет демон, искушающий его, склоняющий все к большим отступлениям от праведного пути. Он поглощает душу, заставляя человека страдать, болеть, ввергает в неудачи.

– Но многие поверят в это, многие ли задумаются об этом? – печально вздохнув, продолжил Борс. – Так и принцессу Аурику пожрало порождение тьмы, которому она с легкостью отдала свою душу. Поэтому я и решил создать дракона. Это наглядный образ чудовища. Его облик должен заставить задуматься, что зло страшно и прикосновение к нему губительно.

– Но чем это поможет той беде, с которой я к вам прибежал?! – вырвалось у Маврикия.

– Выслушайте, и я все вам объясню, – видя нетерпение в глазах канцлера, напомнил Борс. – Драконы, созданные мной, будут похищать принцесс, утаскивать в заброшенные замки или пещеры в горах и удерживать их в неволе, а скверных и гадких ведьм они просто станут пожирать. И тогда баронам, чтобы доказать свое мужество и отвагу, предстоит освобождать девиц, сражаться с крылатыми огнедышащими ящерами. Им это придется по нраву!

Рассказывая, алхимик сам увлекся своей идеей, глаза его блистали, от нетерпения он размахивал в воздухе руками:

– Ну а после того как славный рыцарь приложит столько усилий к освобождению девицы, разве он ее отпустит? Нет, он непременно женится на ней, да еще и закажет менестрелям сочинить про свой подвиг красивую песню. И те будут распевать такие баллады на пирах в замках, в трактирах и на ярмарках. А люди во все времена ничего так не любят, как красивые истории о любви. Ну, каково?

Маврикий не знал, что сказать. Со слов алхимика, все получалось весьма удачно, но вот как все сложится в жизни?

– Я за ночь создал уже пять драконов. Феамотар – последний из них, – похвастал алхимик.

– Как пять?! – подпрыгнул от услышанной вести Маврикий. – А каково, если бароны не справятся с драконами? Что тогда нас всех ждет? Это же погибель не только Франкского королевства, но и всего христианского мира!

– Не кричите так! Я все предусмотрел на такой случай, – снисходительно заметил Борс. – Перед началом опытов я записал особое заклинание. Если его произнести в присутствии дракона, резонансные колебания, производимые им в воздушном эфире, разнесут ящера на куски.

Алхимик стал искать в карманах своих просторных одежд клочок самодельной бумаги, на котором нацарапал еще ночью слово на древнегальском наречии, ныне уже давно не употреблявшемся. Дракон, все это время смиренно покоившийся на своем сизо-зеленом брюхе, вдруг привел в движение громоздкое тело. Он наклонил уродливую чешуйчатую морду вниз, к алхимику и канцлеру, словно услышав их разговор. Маврикий с опаской посмотрел на чудовище. Но старый алхимик даже не заметил произошедшего.

– Сейчас, сейчас, – бормотал рассеянный кудесник, перебирая всякую мелочь в карманах. – Ах, вот же оно, это чудесное заклинание...

В этот момент в глотке дракона что-то заклокотало, словно в громадном, кипящем котле. На длинной шее под плоской головой раздулся трепещущий зоб, а из широких ноздрей пошел густой пар. Узкие желтые глаза глядели недобро.

Маврикий, не смея отрывать взгляд от чудовища, невольно попятился назад.

– Старик, беги! Беги! – закричал он алхимику. Тот, не предчувствуя опасности, по-птичьи завертел головой. И в этот момент из широкой, усеянной множеством клыков пасти дракон исторг шипящий на воздухе огненный плевок.

Пламя ударило в Борса, и он тут же вспыхнул, как факел. Занялся огнем, мгновенно превращаясь в прах, и лоскут самодельной бумаги в его руках. Алхимик кричал от безумной боли. И Маврикий пожалел, что у него с собой не было арбалета, чтобы прекратить мучения несчастного.

Поняв, что Борса уже не спасти, Маврикий обернулся ко второму старцу. Тот все это время стоял спиной, собирал вещи в корзины. Из-за глухоты он ничего слышал. Маврикий бросился к нему, чтобы успеть спасти. Тот участвовал в опыте и мог знать слово, гибельное для дракона.

Канцлеру оставалось сделать два или три прыжка до старца, когда дракон отрыгнул новую порцию пламени. И снова все повторилось. Престарелый ученик алхимика вопя покатился по земле, объятый огнем.

Тогда Маврикий бросился со всех ног назад к возку. Он не знал, успеет он избежать участи двух старцев или нет. И только одна беспокойная мысль билась в его голове:

– Злом не истребить зла, колдовством не свершить победы добра, не приходит Свет от Тьмы....

ПОЭЗИЯ

Анэс ЗАРИФЬЯН

ИРОНИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

* * *

Собрав последние гроши,
В такси усевшись триумфально,
На карнавал своей Души
Я прибыл гордо и нахально.

За грубой дверью кабака
Наяривали вальс игриво
Надежда, Влюбчивость, Тоска –
Прекрасно сыгранное трио.

У стойки, отыскав объект,
Весьма изысканно и едко
Вёл искушённый Интеллект
Свой тайный флирт с Мечтой-кокеткой.

В священном праведном пылу,
Припомнив прошлые беспутства,
Благоразумие в углу
Снимало стружку с Безрассудства.

Вспотевший Страх к столу припал,
И, наполняя два бокала,
Бесстыдство Скромности овал
Усами страсти щекотало.

Под эту шумную возню,
Презрев наскучившие сцены,

Ушла Расчётливость в меню,
Молчком прикидывая цены.

И в туре вальсовом спеша
За карнавальной маской белой,
Печаль от Счастья – ни на шаг,
Как тень, прикованная к телу.

НОВЫЙ ДОН ЖУАН

Хоть Пушкина мы славим неустанно,
Но кое-что и Гений проглядел...
...Все женщины влюблялись в Дон Жуана,
А он того, поверьте, не хотел.

Он, между прочим, робким был парнишкой,
Молился на небесный Идеал
И о коварствах страсти знал по книжкам,
Пока в одну интрижку не попал.

...Глаза её сияли так желанно,
А губы щебетали сладкий вздор!
Как звали искустельницу? – Анна,
Чьим мужем и являлся Командор.

Что дома? – только быт один и ссоры,
Муж с головой ушёл в телеэкран.
Тошнит её уже от Командора!
Куда завидней славный Дон Жуан!

И Анна, став неверною женою,
Сумела Дон Жуана охмурить.
Какие были ночи под луною!..
Так нет же, глупый мальчик стал дурить!

«Я на тебе хочу жениться, Анна!» –
Приспичило ему средь бела дня.
Но Анна осадила Дон Жуана:
«От Командора дети у меня!

Мне очень хорошо с тобой, однако
Мне в чём-то и с супругом хорошо.
Ведь есть ещё святые узы брака!»
И Дон Жуан, разгневанный, ушёл...

Она кричала вслед ему: «Измена!
О негодяй! О низкий Дон Жуан!»
А в Дон Жуане зрела перемена:
Он понял, что на свете есть Обман.

И в этот миг явилась Доротея –
Божественно наивна и чиста!
Казалось бы, всех ангелов святее! –
Распутной Анне вовсе не чета.

Она была и пажем, и прислугой,
И шила, и готовила еду...
Но так стремилась стать его супругой,
Что Дон Жуан почувствовал беду.

«Э, нет! – сказал себе он очень скоро
В предсвадебной унылой тишине. –
С такой женой я стану Командором.
А эта роль уж вовсе не по мне!»

И с бедной Доротеюшкой расстался,
И вновь обрёл свой юношеский дух!
Да кто-то из минувших постарался,
Чтоб загулял по перекрёсткам слух:

«Коварный соблазнитель!.. Искуситель!..»
И сразу же, не зная почему,
Все женщины, крича в душе: «Спасите!»,
Тянуться стали толпами к нему.

Он уходить пытался в отдаленье,
От их вранья испытывая боль,
Ан вскоре стал, себе на удивленье,
Играть ему предписанную роль.

То Мила приходила, то Камилла...
(Поди запомни перечень имён!)
И все они ему шептали: «Милый...»,
Пока от них не отдалялся он.

А так как данный миг был неминуем
Да плюс к тому ещё довольно скор,
То за прощальным, грустным поцелуем
Вливался новый голос в дамский хор:

«О странный! О коварный! О неверный!
Подружки, будьте бдительны весьма!
Сначала – очень сладко! Дальше – скверно...
Я убедилась, девочки, сама».

Об этом вспоминали то и дело,
Как об одной из самых горьких вех,
Камилла, Клара, Анна, Изабелла...
А Доротея, дура, чаще всех.

Для сплетен в мире много есть простора.
Но все его любви между тем
Нашли себе удобных командоров,
Живут – храни их, Боже! – без проблем.

А он, былых подруг не попрекая,
Не ставя им злопамятность в вину,
Бродяжит, как и прежде, неприкаян,
Всё ищет Ту, Желанную, Одну...

...О женщины, которых мы любили,
Но так, чтоб командорами не стать!
Вы нас уже, наверно, позабыли,
А вспомните – спешите осуждать.

И все же, дорогие, как ни странно,
Вы, чувствуя в душе своей раздор,
Кидаетесь на шею донжуанам,
Когда наскучит честный Командор.

* * *

Она была
божественно красивой!
Красиво встретилась,
красиво пригласила,
Красиво подавала
терпкий чай,
Красиво мне
поведала печаль.

Она была
божественно красивой! –
Красивой в робости
и в дерзости спесивой,
Красивым именем
красиво называлась,
Красиво щурилась,
красиво отдавалась,
Красиво ластилась,
и млела, и курила,
Слова красивые
красиво говорила,
Красиво вкралась,
нежностью ожгла,
Красиво распрощалась –
и ушла.

Такая, брат,
развязка приключилась.
А счастья
потому не получилось
(Позволь догадку
выделить курсивом),
Что это было б
слишком уж красиво!

ЖИЗНЬ ПОЭТА

...Пахло в комнате весной,
Свежей зеленью лесною,
Коммунальное пространство
Заливал нездешний свет!
Звёздный час! Души паренье!
Колдовство стихотворенья! –
О любовном постоянстве
Пел взволнованный поэт:

«Я люблю тебя! – ты слышишь?!
Вьёшь ли нить, болтаешь, дышишь... –
Каждым жестом восхищаюсь,
По следам твоим хожу;
Отношусь к любым капризам,
Словно к праздничным сюрпризам!
Нежных пальчиков касаюсь
И от ревности дрожу!

Сам себя не понимаю! –
Злой и глупой принимаю,
Необузданной и робкой,
Оголённой и в шелках.
Жизнь моя, мои свершенья,
Торжество иль поражение –
Всё внезапно очутилось
В женских слабеньких руках!

Будь всегда со мною рядом,
Одаряй волшебным взглядом,
Раем стань и даже адом,
Но, молю, не исчезай!..» –
Оставалось восемь строчек...
Тут раздался вдруг звоночек
И прелестный голосочек
Прошептал ему: «Прощай!..»

Боже правый! Гром небесный!
Что случилось?! – неизвестно.

Голосочек тот прелестный
Ничего не объяснил.
Только знаю: живы оба,
Не рыдал никто у гроба.
За окном росли сугробы,
И январь ворон казнил.

Пахло в комнате угаром –
Вот где истинная кара! –
На плите-чертовке старой
Убежало молоко.
Он по комнате пошлялся,
На диване поваялся,
Над собой поухмылялся –
Стало пусто и легко.

А потом, сверкнув очками,
Вновь склонился над листками,
Над стихов черновиками
И, с досады скомкав их,
Проворчал: «Одно лишь скверно:
Из-за этой стервы нервной,
Бессердечной и неверной,
Оборвался лучший стих!!!»

...Съел котлету, выпил чай
И, к себе почуяв жалость,
Сел и начал стих:
«Прощай!..»
Жизнь поэта продолжалась...

* * *

Да, у поэтов есть
такие склонности,
Что схожи
с сумасшествием немножко:
Когда нам очень хочется
влюблённости,

Весь мир готовы бросить
к милым ножкам.
Ан не мешало б помнить
непреложное
Той женщине,
кого избрали Музой:
Когда
всё принимается как должное,
То долг для нас
становится обузой,
А Муза –
ядовитую медузой.

* * *

О, скольких женщин
я встречал –
И вспыхивал
от нежных чар,
И обмирал не раз, не два,
Рождая нежные слова!

О, скольких женщин
я воспел,
И не роптал,
и не скорбел,
Когда за миф платил сполна,
Не вопрошая: чья вина?

О, скольких женщин
я любил,
Души растрачивая
пыл,
Что предназначен был
одной,
Прошедшей
где-то
стороной.

ЗА БОЛЬШИНСТВО!

Любил блондинок и брюнеток,
Шатенок, рыжих – да любых!..
И никогда в кругу кокеток
Не понимал я «голубых»!

Скупая розы подороже,
Гадал: какой преподнести?..
И всё же с «розовыми» тоже
Мне было, брат, не по пути.

Культ большинства –
большое свинство,
Тоталитарная фигня!
Но сексуальные
меньшинства,
Наверное, – не для меня.

Возможно, стиль оригинальный
Не чужд мне в чём-то до седин,
А в «ентом смысле» – я банальный,
Вполне стандартный гражданин.

Хоть слабый пол цепями брака
Нас ухищряется пленять,
Ориентацию, однако,
Не собираюсь я менять.

Пока мозги не оскудели,
Намерен жить своим умом.
И лишь в одном приятном деле
Готов быть вместе с большинством!

Татьяна УШАКОВА

СТИХИ

Осенняя камасутра

Звещающая свежесть утра
С горчинкой тревожных мыслей,
Вселенская камасутра
Сезонов и падших листьев.

То страстно целует в губы
Пожар разбитного полдня,
То месяц серпом латунным
Кромсает сырую полночь.

Исходит грехом и влагой
Распутная тетка Осень,
Раздетая листопадом
Под сенью колючих сосен.

Багрянец утех безумных
Горит, рассыпая искры,
В кострах молодых и думах
Безудержно, ярко, чисто.

Пионы

Весенний баламут - пионовый салют
В стеклянной вазе.

Он взрывом красоты сметает все мосты,
Зовет и дразнит.
Вот рдеющий костер, в нем яростный задор,
Восторга пламя.
Но к вечеру угас... И только угли фраз
Мне душу ранят.
Тут розовой мечтой упали на ладонь
Осколки счастья.
Вдыхаю аромат, а сердце бьет набат,
Делясь на части.
И белую фатой, метелью колдовской
Стекает на пол
Невинная краса, а следом в небеса -
Лишь тонкий запах.
Ожоги, синяки покрыли лепестки,
Утешив раны.
За выдохом цветов мой дух уплыть готов
В поток нирваны.

Мокко

Осень швыряет листья,
Льет понапрасну слезы,
Клены стоят в охристом,
Золотом лгут березы.

Вдруг защемило в сердце,
Клин журавлей высоко...
Дай-ка добавлю специй
В утренний горький мокко.

Выдох: горячий Йемен,
Тур по кенийским паркам,
Средь африканских прерий
В паре с ручным гепардом.

Вдох: и зима у кресла,
На пол стекает шуба.
В памяти вновь воскресли
Руки твои и губы.

Жарко дровам в камине,
В сторону плед отброшен,
Теплый фантом коленей...
Не утонуть бы в прошлом.

Зев полынью глубокой
Скрыла шутя пороша.
Пеной вскипает мокко.
Думаю о хорошем!
Главное, о хорошем.
Только б...бы о хорошем...

Вдохновение

Засилье привычных, обыденных дел,
Приветствую солнце, встречая рассветы.
Но что-то тревожное в душу поэта
Стучится, желая, чтоб я посмотрел.

Закинула сети красавица ночь:
Пытается выловить звезд отраженья.
Я дверь приоткрыл, и вошло вдохновенье,
Прогнав лень души и сомнения прочь.

Вокруг вьются музы, как бабочек рой,
Из пены морской Афродита шагнула...
Бросая на лист вдохновенья посулы,
С очами разверстыми грезит герой,

Загадочной вязью ложатся слова,
Украшив листы белоснежной бумаги.
Полна бесшабашной, хмельною отвагой
Кружится от счастья моя голова.

Олег АСТРАЛЬНЫЙ

СТИХИ

Падший Ангел

Я трансформирован искрой
С далёкой звезды.
Мои мустанги фантазий
Не знали узды.
Я разделил неделимых
На этих и тех,
Искушенья вплетая в грех.

Я выгнал голым себя
Из астральных пещер,
Чтобы размножиться в жертвах
Античных химер.
Я был в крови каждой твари
И Дракулой был,
Вырвав с корнем обломки крыл.

Я – место в сознании,
Где всё стоит на грани
В ожидании,
Когда его столкнут

Со всеми религиями в омут;
Не смоет грехи бездонный Стикс.
В стенах родимого дома
Гигантский род людской не поместить...

Я заклинаю с нечистым
Прервать диалог;
Глушите мысли, которые
Кормят его.
Возьмите в толк никого

Ни о чём не молить,
Скорректируйтесь просто быть.

И станет вдруг очевидной
Незримая суть,
К секретным файлам любви
Активируя путь.
По воле духа без смерти
Должны умереть
И в огне изнутри сгореть!

Он – демон иллюзий;
Они же нас контузиют,
Лишая
Бессильных тел.

Когда вознесётся Падший Ангел
С теньями гостивших на Земле –
Весь мир безжизненным станет
И в тот же самый миг он сгинет во мгле...

Только вряд ли воспримут
Это всерьёз
Те, кто будут уже дальше звёзд...

Мистикодром

Столица Фантазма – Мистикодром;
Души и тела связной синдром.
Невидим никем, у всех на виду;
За тенью неба тебя найду.

Я – честный преступник, ты – нежный палач,
Ты – смех без причины, я - радостный плач.
Мне бы пожить в смерти твоей;
Жизнью клянусь, что она живея

Всех сердечностучащих
В задушевную мглу,
Не видящих, пусть и зрячих,
Упорно пихающих нить Ариадны
В остроумья тупую иглу,

Что зашьет непременно выход из Ада
Стада,
Чья единственная отрада –
В строительстве баррикады
Желаний скотских;
Исключительно плотских,
Отражающих град снарядов
Супраментальных мортир.

Демоны, падлы такие,
Посулили безумцам в награду
Весь этот сломанный мир.

Починить, уже вряд ли починишь;
В нём на грани отрыва эфир.

Оттянуть разве что финиш,
Перерыв имплантируя в пир.

Пир в честь победы над Старым Форматом;
С Тем Же Всё Самым – в Новый Формат.
В командиры не метят солдаты,
Им бы только попасть на парад.

Блеснуть, отчеканить, полаять –
Чтоб снова потом за лопаты
И с песней-подруженькой вдарить;
Вдарить по безбожью-бездорожью,
Вдарить в алмазную пыль
И сделать уже невозможным
То, чтобы верилось в быль.

В Шамбале - голод, в Нирване – война,
На вечную память упала цена.
Плотно забиты норы могил,
Фиаско Силы в скоплении сил.

Первовошедший в Мистикодром
Со здравым смыслом принес разгром;
Туман иллюзий в кристаллы сна,
В котором дрыхнет Истина.

Он ее не разбудит
И захочет казнить.
Сейчас же найдутся судьи,
Готовые в факте её укрыванья,
Саму ее суть обвинить...

В океане свободы бездонном
Якорь страха до дна всё ж достал.
Вечность – там, за его горизонтом;
Ты, сновидный, туда залетал...

В трюмы духа нахлынули чувства,
Вонь такая – хоть прыгай за борт.
Там - Сан-Ремо, где должен быть Вудсток,
Из портрета сквозит натюрморт!

Макрокосм пустозвонных речей
Пожирает безмолвья дыра,
Экспозицию чёрных свечей
Познакомить с огнём пора!

Каждый из нас должен зажечь
Факел своей судьбы;
(Гори, ведьма, сгорай без остатка!)
Те, кто не ляжет в гробы, –
Попадут в оскопитель злобы;
В преисполненную пустоту;
И куда бы ни шли...
И недвижимых вытянет к свету,

Только подальше держись от буфета
В астральном аэропорту.
Верх соблазна – коктейль «носферату»;
(Он крылья вяжет на лету)
Только попробуй почуять реальность –
Запинает обратно в мечту.

Столица Фантазма – Мистикодром;
Души и тела связной синдром.
Невидим никем, у всех на виду;
За тенью неба тебя ль найду?..

Бульвар Каннибалов

Через тернии к звёздам устремляется взгляд,
А на деле блаженно мы бредём наугад.
О зажавшихся тварях, задыхаясь, кричим,
О голодных и нищих деликатно молчим...

Эталоны муляжные – пылью в глаза,
Всё, что ждёт впереди, – развернулось назад.
Вверх по лестнице в небо кандалами звеня,
Рассыпаясь на искры, мы бежим из огня...

Шанс на спасенье; луч в темноте...
Чёрные крылья парят в высоте...

В двадцать первом столетии мир скользит по крови;
Умирай за идею и в кошмаре живи!
Только эти идеи нам всучил Вельзевул;
Всей планетой пора бы кричать: «Караул!»

Шанс на спасенье; луч в темноте...
Подлая низость парит в высоте...

Когда беда накроет жгучей тенью;
Она накроет без разбора всех...
Когда же в нас прорежется прозреньё
И через плач прорвётся звонкий смех?

На Бульвар Каннибалов повернул наш трамвай.
Пассажиры не в курсе; их контузил Стив Вай...
Под тягучие риффы они рухнули в транс
И кондуктор с мачете заберёт у них шанс;

Шанс на спасенье; луч в темноте...
Чёрные крылья парят в высоте...
Шанс на спасенье; луч в темноте
Свастику режет на чистом листе...

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

В ДРЕМЕ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

О селеньях на Востоке,
О горах, что так высоки,
Что весна видна с высот,
О нахлынувших лавинах,
О неведомых долинах,
Где миндаль уже цветет,
О дорогах поседелых,
О невестах постарелых
Ветер северный поёт.

* * *

От снежных гор и от степей,
Повитых тучей,
Остались реплики – репей,
Терновник жгучий.

Но и кусачий саксаул
Тебе милее
Краев, где годы протянул,
Корпя и тлея.

И эта явь уже тверда
И поле голо,
И замелькали города,
Как от укола.

Жара

Светилось марево степное,
Мерцающая пестрота
Надолго заняла на зное
Предметов зыбкие места.

И стал настолько жар неистов,
Что камни плавил на свету,
Попутно импрессионистов
Доказывая правоту.

И только к вечеру, твердея,
Пейзаж собрался сам собой.
В нём, как отдельная идея,
Существовал цветок любой.

И даже порыжевший донник,
Должно быть, был неоплатоник.

* * *

Как я люблю цветные переливы
Твоей жары жестокой и сухой,
И плеск воды в безлюдье говорливой,
И эту пыль, и жгучий воздух твой!

Я воду пью и воздух твой глотаю,
И взглядом, как во власти волшебства,
Я снова птичью провожаю стаю,
Когда, желтея, падает листва.

В конце концов ведь я от всех свободен.
И от всего... Но, нет, не от тебя!
... И вновь они, не выбирая родин,
Летят к тебе, курлыча и трубя.
* * *

Велика привязанности сила.
Слушая ударов череду,
В переливах медленного била
К детству отдалённому иду.
Двинулись рабочие, шабаша,

И по краю сделалась красна
Неба перевёрнутая чаша,
И установилась тишина.

По тому же долгому сигналу
Отовсюду выступают вдруг,
Крепнут и растут мало-помалу
Звёзды, озаряя все вокруг.

О чужих мирах уже слышан,
Верю я: они следят за мной,
И цветенье персиков и вишен
Озарилось жизнью внеземной.

Обрывок

Жуки жужжали, жужелицы ныли,
С холмов летели на Джалал-Абад,
По улице бежала лошадь в мыле...
Всё вновь иду куда-то наугад.

Как злится память, времени противясь!
Вот, розовея, в ней урюк расцвёл.
Пленённый жук сажается на привязь,
Раскрыл крыла над городом орёл.

Горланят что-то спецпереселенцы,
Кричат младенцы, раздаётся плач –
С веревки простыни и полотенца
Шпана стянула. Закатился мяч.

Кладут асфальт, поодаль злые дети
Камнями лупят грязного щенка.
И всю-то жизнь томят виденья эти,
И набегают лютая тоска.

Кипит смола, мы с бесами играем,
Ещё бурлит и кажется большим
Родимый ад, прикинувшийся раем,
Жесток, прекрасен и несокрушим.
Улица
- Спасибо, улица родная!
Как в незнакомые миры.

С детьми соседскими играя,
Я заходил в твои дворы.

Немыслимым овечьим веком
И зная то, что на виду,
То к староверам, то к узбекам,
То к немцам ссыльным забреду.

Я видел подполы, подвалы,
В чердачной проползал пыли.
Мы бегали, мы были малы.
Тяжелоступно годы шли.

Но всё же гости были кстати,
И мне запомнились навек
Вареники в белёной хате,
В кибитке глиняной чурек.

То каторжанка улыбнётся,
То здешний знахарь-звездочёт
Войну и участь полководца,
В меня взглядевшись, предречёт.

И вот я числюсь в этом войске,
В подразделение словаря
Почти отечески, по-свойски
О сокровенном говоря.

И нет покоя в доме тихом,
От дальних снеговых высот
Каким-то ветхим веет лихом,
Чужими судьбами несёт.

Друг

Ж. Мамытову

Вот улетело лет немало,
Давно ты скрылся в звездный дым,
И что теперь меня связало
С тем человеком молодым?
Ведь, вероятно, в той вселенной
Нет вовсе времени, а здесь
Не уследишь за переменной

И я преобразился весь.
Но, может быть, пытливым взглядом
Ты издали следишь за мной,
А иногда бываешь рядом
И даришь силой неземной.

В дрёме

Вдруг то и это выхватит из Леты
Воспоминанье, возникая в дрёме...
И лозунги, и маршалов портреты
Над очередь в шумном гастрономе.
Восторг на избирательном участке –
Окорочков и пряников продажа,
И стук арбы, и в шапито гимнастки,
И крутизна серебряного кряжа.
О Берии – он вышел из доверья –
Мгновенно оборвавшаяся песня.
Чернильницы и бронзовые перья,
И наши розы всё многолепестней!
Опять весна в том времени далёком,
И я цветеньем персика волнуем...
И разговоры, что грозили сроком,
И фильмы, что кончались поцелуем.

Акация

Трепещущие тонкие овалы
Акации образовали лист,
Они самодостаточны и малы,
И городок так сладостно-тенист.

И, так свежи на фоне жгучей сини,
Белеют гроздья южных оперетт,
Столь отчего-то жёлтые в пустыне,
Где воздух до кипения прогреет.

Когда ж они являются, всеблагии,
В конце песчаных выжженных полей,
То эти вести о желанной влаге
Приморского бульвара веселей.

Как зыблются там тополя
Как, с хрустом листву взъерепенив,
Вдруг лопается земля
От роста кореньев!

И горлица вскинет крыло,
И голос зловещий польётся...
Но - бред, что полвека прошло,
Остался твой дом у колодца!

Как вишня спешила цвести,
Как были родители строги!
...Послушай, ещё я в пути,
Я лишь задержался в дороге.

Царь Сулейман

Я поверну кольцо, и джинны
Взовьются в небо все подряд,
Покинув тесные кувшины,
И отовсюду прилетят.

И снова в дальние пустыни,
В мелькающие города,
К любимым, памятным доньне,
Я отошлю их, как всегда.

Пусть, овладев чужими снами,
Сюда на несколько минут,
Покорны перстню с письменами,
Моих невольниц приведут.

Моим веленьям внемлют немо
Первонасельники Земли,
А вот и душу из эдема
На зыбких крыльях принесли.

И долгой ночью до рассвета
Витает надо мной она,
И я твержу: «Пройдёт и это!»,
Но вижу: надпись неверна.

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав АЛЕКСАНДРОВ

ЗАБЕГ В НЕБЕСА

Очерк

*Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает для себя.*

Юрий Левитанский

Погода была ни к черту. Всю ночь мело, и лагерь 6100 м на вершине Раздельная засыпало снегом. Семен с трудом потянул застежку молнии, и та со свистом маневрового паровоза распахнула двери палатки. В лицо ударила мелкая снежная крупа, а в легкие ворвался сухой, обжигающий морозный воздух. Яркий свет налобного фонаря с трудом пробил предутреннюю туманную мглу и вырвал из нее ряд ближайших палаток. Четыре часа утра. В такую рань и погоду народ прятался в тяжелом высотном забытье по палаткам и, как хороший хозяин, собак на улицу выгонять и сам выходить не собирался. И у Семена собаки не было. Но был план, в котором значился ранний выход.

За многие годы гидования на пике Ленина у Семена Дворниченко выработалась своя традиция. При спуске с горы выйти пораньше из лагеря три на Раздельной и через второй лагерь на 5300 м на Сковородке, прийти в первый лагерь на 4400 м. Да не просто так, а к восьмичасовому завтраку. Это был особый шик и своеобразный стиль Семена. Конечно, такой план не всегда удавался. То клиенты тяжело шли вверх, то при спуске с вершины были так ухайдаканы, что в пору вызывать спасотряд, а не думать о комфортном завтраке.

Но на этот раз был акклиматизационный выход в лагерь на 6100 м и всего один клиент. Вернее, не клиент, а партнер по проекту «Зимний Снежный Барс» Наталья Чионова. Задача

была простая: дойти до высотного лагеря, переночевать там и спуститься вниз. Ночь на высоте прошла сносно, и можно было возвращаться. Идти вниз, это не вверх. С каждым шагом все легче и легче.

- Ну что ж, Наташа, пойдем. Погода не фонтан, но идти можно.

- Как скажешь, командор. Я за тобой, как флюгер на ветру.

Год назад Наташа уже пыталась взойти на вершину пика Ленина и даже сходилась с разношерстной группой на Раздельную 6100 м на акклиматизацию. Но на следующем выходе на штурм вершины, уже в лагере два на 5300 м, она почувствовала: что-то не то. Как будто стена встала между ней и вершиной. Не было доверия ни к гиду, ни к группе, ни к себе. Она положила на свой внутренний голос и вернулась в базовый лагерь. В тот год гора не пустила ее.

Но за это время в базовом лагере на поляне Ачик-Таш Наташа познакомилась с командой «Зимних Барсов» из Кыргызстана Семеном Дворниченко и Сергеем Селиверстовым. Это были настоящие мужики. Профессионалы своего дела, бесконечно преданные горам. А их дерзкая идея взойти на пять высочайших вершин бывшего СССР зимой и стать первыми обладателями звания «Зимний Снежный Барс» просто потрясла. И Наташа все силы бросила на помощь в организации этой экспедиции киргизской-российской команды на пики Корженевской и Коммунизма.

Вот так она и стала партнером команды. А предложение на следующий год пойти на пик Ленина с одним из лидеров команды Семеном Дворниченко было просто подарком судьбы. Семену она безоговорочно доверяла, а он доверял горе. Семен называл пик Ленина своей, «домашней» горой. Десятки раз он проходил этой тропой к вершине и каждый год читал ее заново. Тропа и ледник, как ленивая змея, ползли в долину со скоростью несколько метров в год. Ледник то закрывал старые, то открывал новые трещины. Тропа предательски меняла свой путь. Лавины начинали сходить со склонов в ранее спокойных местах. И каждый раз он снова и снова учил каждый изгиб, каждую трещину. Но сегодня ничего этого не было. Ни тропы, которую замел свежий снег, ни ориентиров. Только сизая, непроглядная мгла. Но Семен полагался на свое шестое чувство – чуйку. Чувство опасности, как у снежного барса – хозяина высоких гор.

Главное – не пропустить поворот вниз к лагерю на два, что на Сквородке. Но до этого надо дойти. Он впереди, Наташа сзади. Видимость ни к черту. Даже ему, знатоку этих мест, приходится двигаться наощупь. Еще несколько шагов в густой, крошечной тьме и... Склон под ногами с утробным звуком ухнул, просел, сбил ребят с ног и, набирая скорость, как бешеный зверь, увлек их в черную бездну.

Утром, к восьми часам, Семен и Наташа к завтраку в лагерь 4400 м не пришли. Не пришли они и к обеду. Это был Звонок! Вот здесь уже поднялась тревога. Связались со всеми лагерями, но Семена и Наташу никто не видел. Позже подошли ребята из секции «Политеха» и принесли дурную весть. Утром, часов в шесть, когда рассвело, они пошли по свежим следам вниз из лагеря 6100 м. Но следы уходили в сторону от направления основной тропы и, не доходя поворота, вели к ледопаду. Ребята дошли по ним к месту, где следы обрывались. Обрывались нехорошо. Это была линия отрыва лавины. Это уже был не Звонок, это были колокола Громкого Боя! Это означало – Спасательные работы.

Несколько слов о проекте «Зимний Снежный Барс». Зимой в советское время в альпинизме наступал «мертвый сезон». В долинах-то холодно, а в горах и подавно. снаряжение альпинистское тогда было типа «а'ля Совет Армии», для горно-стрелковых частей. Тяжелое и промокаемо-непросьхаемое. А солдат обязан стойко переносить все тяготы армейской службы. Вот и переносили вместе с отмороженными пальцами. Поэтому почетное звание «Снежный Барс» - восхождения на все пять семитысячников СССР - было возможно выполнить только летом. С появлением высококлассного снаряжения и появилась идея «Зимнего Снежного Барса». Она просто витала в воздухе. Но первыми решились осуществить ее наши ребята.

Этот совместный проект уже прошел свой экватор. Команда сходила в январе 2016 года на пик Ленина. На следующий, 2017-й мужики «прыгнули выше головы». За тридцать экспедиционных дней с 13 января по 13 февраля сумели достичь вершины сразу двух семитысячников: пиков Хан-Тенгри 7010 м и Победы 7439 м. До них сделать это не удавалось еще никому... Если бы альпинизм входил в зимние Олимпийские игры, то это двойное восхождение могло принести золотые медали!

Но вернемся к организации экспедиции. Оставшиеся два семитысячника – пики Евгении Корженевской 7105 м и Ком-

мунизма 7495 м – после развала Союза оказались за границей, в Таджикистане. И добраться туда зимой можно было только вертолетом. А овес нынче очень дорог стал. Имеется в виду авиационный керосин, которым надо кормить воздушного скакуна из отряда винтокрылых машин МИ8-МТВ. А также его обслуживающий персонал, экипаж и авиационное начальство, которое, совершенно справедливо, тоже хочет кушать. Вначале распорядителями таджикского неба рейс Душанбе – пик Коммунизма – Душанбе был оценен в пятьдесят тысяч американских долларов. Это был нокаутирующий удар ниже пояса. Крах экспедиции еще до рождения. Горячие головы даже рассматривали вариант пешего похода в сердце Памира. Правда, эта авантюра пахла месяцем подхода к цели, по диким краям, со всеми печальными последствиями. Поэтому сия искра скорбно потухла, так и не превратившись в пламя. Но наших ребят запугать очень непросто. В Азии живем, а на Востоке базар – это первое дело. Чем дальше поиски уходили от начальственных кабинетов, тем привлекательней становилась цена. После долгих блужданий по торговым рядам базара авиационных услуг из неясного тумана переговоров материализовалась другая цифра, уже в десять тысяч тех же полновесных американских турриков. Дышать стало легче. Но и эти, злосчастные тысячи, не оттопыривали карманы наших альпинистов, под ногами не валялись и на деревьях не росли. Пошли с шапкой по кругу. Друзья, турфирмы, интернет. Я тоже включил свою компанию «Эдельвейс» в эту эстафету по имени «Золотой вертолет». Подключились и другие фирмы: «Ак-Сай» Лены Калашниковой, Тянь-«Шань Трэвел» Володи Бирюкова и «K2» Юрия Башманова. Но и этого было недостаточно.

И вот тут-то связи Натальи Чионовой помогли найти серьезных спонсоров в Москве. С ее легкой руки и стараниями туркомпании «Горы Азии» в мае был организован доклад в Русском географическом обществе в Москве о зимнем восхождении кыргызско-российской команды 2017 года на пики Хан-Тенгри и Победа. На встречу собрался цвет российского альпинизма, действительные члены общества, известные ученые и путешественники. И рассказать этой высокой аудитории об экспедиции и проекте «Зимний Снежный Барс» ребята доверили Семену Дворниченко.

Волновался перед выступлением Семен отчаянно. Как перед свиданием с будущей супругой. Это вам не на пик Ле-

нина сходить. Там все знакомо, «домашняя» гора. А здесь мэтры, по учебникам которых он начинал ходить в горы, ученые с мировыми именами. Но выступление прошло успешно. Публика была впечатлена. Была масса вопросов и полезных знакомств. Итог – финансовая сторона вопроса вертолетной заброски на пик Коммунизма была решена. Новый партнер, страховая компания НАСКО, взяла большую часть расходов на себя.

Мой очерк об этом уникальном восхождении на Хан и Победу был напечатан в журнале «Литературный Кыргызстан». На презентацию журнала в Бишкеке мы пригласили участников команды – Сергея Селиверстова и Семена Дворниченко. Надо было видеть, с каким неподдельным интересом народ, от студентов до академиков, расспрашивал ребят об экспедиции, начиная от наивного вопроса:

- А как на 7000 м можно дышать, ведь там кислорода нет? И практического:

- А сколько вам заплатили за эту каторжную работу? До философского:

- А зачем человек ходит в горы? И зачем вы конкретно туда полезли?

Досталось ребятам. Отбивались, как на защите хорошей докторской диссертации. А может, это и была диссертация? Только написанная не на бумаге, не на клавиатуре компьютера, а ледорубом и кошками, там, на льду и снегу грозной Победы и прекрасного Хана. И написана она о наших прекрасных и суровых горах. О настоящей мужской дружбе. И о том, зачем человек идет в горы, переплывает океан, спускается в глубины морские и летит к звездам.

Но, кроме этого, Семен имел еще одну, но пламенную страсть. Это скайраинг. Слово какое-то страшное, не наше. Кого-то там ай ранили вроде. А переводится как забеги в небеса. И действительно, пришло это новомодное увлечение с Запада. Облазили тамошние альпинисты в Альпах все горы. Народу тьма. Плюнуть некуда, везде горные хижины, канатки да рестораны – комфорт, одним словом. С жиру бесятся. Вот и придумали забаву, кто забежит на какую-нибудь горушку первым, тот самый крутой перец. Тому призы и слава. И расползлась эта беда по всему миру. Докатилась она и до наших славных берегов – Тянь-Шаня и Памира. Только ситуация у нас обратная. Гор много, а людей мало. Да и комфорт еще

жидковат. Зато ребята лихие. Ни в чем не захотели уступать забугорным перцам. Горы у нас высокие. Куда там ихнему Монблану, до пяти тысяч недотянул. А в Бишкеке, за околицей, пик Семенова-Тянь-Шанского повыше будет. Наши ребята решили не мелочиться и объявили сезон скоростных забегов на пик Ленина 7134 м.

А природа как будто специально создала Семена для этих гонок. Высокий, коренастый, сухощавый, он был похож на сжатую пружину, готовую выстрелить в нужный момент, чтобы достичь цели. Азарт гонщика сочетался с трезвым умом аналитика, хорошее знание маршрута – все это позволяло оптимально выстроить алгоритм забега.

Первая такая сумасшедшая гонка состоялась в 2012 году. На старт вышли двадцать безумцев. Маршрут забега: старт от первого лагеря на 4400 м и финиш на плато 7000 м. Контрольный срок – десять часов. Желающие посетить вершину, чтобы поздороваться с бюстом Владимира Ильича, поднимались еще на 134 метра от финиша. И первым, кто это сделал в забеге, стал Семен. Попутно он установил мировой рекорд скоростных высотных восхождений с результатом 6 часов 32 минуты.

Впечатлений от забега у самого Семена оказалось выше крыши. Я приведу их, чтобы читатели лучше поняли его характер, его умение все, казалось бы, рассчитать и учесть.

– Для начала скажу, что пик Ленина – это семитысячник, и там каждый год гибнут люди. Поэтому к забегу и своей безопасности надо отнестись со всей серьезностью. Подготовка к забегу имеет три этапа: физподготовка, акклиматизация и хитрушки.

По моему мнению, главное условие – чтобы ты смог подняться с четырех до семи тысяч в контрольный срок, это хорошая акклиматизация. Физуха – это уже второстепенное. А вот мое главное оружие – хитрушки.

Хитрушка № 1. На акклимуху беру Кока-Колу. Не беру еду, не беру газ. Беру Колу, пару шоколадок и цитрамон с аспирином. В Коле куча глюкозы. Кола - для меня и питье, и еда.

Хитрушка № 2. Одежда. Не понимаю, почему народ на старте одевается так, чтобы чувствовать себя комфортно. На старте должно быть холодно, вы должны мерзнуть. После старта вы согреваетесь через 1 минуту, через две вы уже чувствуете себя комфортно.

Будет хорошая погода, можно и в кроссовках с привязными кошками добежать. Но если задует, начнется непогода - останетесь без ног. А что нам важнее, ноги или восхождение? Правильно, ноги.

Хитрушка № 3. Ну не хитрушка совсем, а совет. Не бегите. Забег он, конечно, забегом, но я еще ни разу не видел бегущих людей на 7000. На старте можно для корреспондентов пробежать метров 20, не более. Далее идет монотонная ходьба. Никаких резких движений. Суета ни к чему хорошему не приведет.

С тех пор Семен еще четыре раза участвовал в «Небесных забегах» на пик Ленина и трижды становился чемпионом. За глаза его стали называть Быстроногим оленем.

А вот теперь несколько размышлизмов к вопросу о скоростных забегах и классическом альпинизме.

Забег в небеса ворвались в традиционный советский уклад подготовки альпинистов не свежим ветром, а как ураган, торнадо! Увлекла эта идея в основном молодых крепких ребят, не всегда готовых к серьезным техническим восхождениям или траверсам. Объектом, как правило, выбирается «пешеходная» гора, не требующая особых технических навыков – скало- и ледолазания. Основные требования – хорошая физическая форма, акклиматизация и мотивация. А главный козырь забегов – это очное соревнование, азарт и зрелищность. Работает тотализатор, делаются ставки. Как на скаковых лошадей. В Альпах эти соревнования транслируются по телевидению в прямом эфире и очень популярны на Западе. Спорт плюс шоу.

В то время как классический альпинизм тоже считается спортом, но соревнования там проводятся заочно. Команды идут на разные горы, в разных горных районах: на Кавказе, Памире, Гималаях. А соревнуются отчеты о восхождениях на судейской коллегии. Но поверьте, большинство восходителей идут в горы не за медалями и призами. Горы – это философия. Гора и Человек – венцы создания природы, а восхождение – это инструмент познания природы и себя.

Лично для меня пятьдесят лет в альпинизме были временем общения с горами и людьми, которых я встречал в горах. За это время в спортивном плане я стал только кандидатом в мастера спорта по альпинизму, без всяких медалей и чемпионских званий. А также членом спасательного отряда. Небогато. Но зато снял несколько документальных фильмов,

массу фоторепортажей и написал пару книг о своих друзьях, которыми горы одарили меня в полной мере. Поучаствовал в спасении нескольких человеческих душ. Надеюсь, это зачтется на весах в небесной канцелярии.

А что до небесных гонок, то это — ни хорошо и ни плохо. Они существуют. Они стали отдельным видом спорта, который отпочковался от альпинизма. Как скалолазание, ледолазание и одиночные восхождения. Вот теперь и скоростные забеги на вершины.

Просто можно промчаться на бешеной скорости на гоночном болиде по интересному маршруту, победить всех и вся, облиться адреналином с ног до головы и упиться собственной силой, храбростью и умением, став самым острым и красным перцем интернет-пространства. Даже не заметив при этом промелькнувших мимо прекрасных пейзажей и преданных болельщиков. А можно там же, в компании настоящих друзей, неспешно подниматься к белоснежным вершинам, при этом замечать прекрасные восходы и закаты. Слышать журчание ручьев, пение птиц, грохот лавин и каждое мгновение наслаждаться жизнью. Каждый выбирает для себя. Может, поэтому в рядах небесных бегунов нет многих сильных, известных альпинистов, которые могли бы войти в первую десятку. Не та колея.

А в этом году для Семена выбор был однозначен: «Зимний Снежный Барс». До него осталось сделать два шага. Два пика — Корженевской и Коммунизма.

Базовый лагерь встретил сильным ветром и голыми ледниками. С борта вертолета были хорошо видны задутые склоны и снежные флаги над вершинами. В базовом лагере разместились с комфортом в кают-компании международного альпинистского лагеря, за что отдельное спасибо таджикским альпинистам. По красивому плану, нарисованному в Бишкеке, команда сначала быстро идет на Корженевскую. Там получает дополнительную акклиматизацию и затем вперед, на пик Коммунизма.

Однако первые выходы на разведку не порадовали. Попытка выйти на классический гребневой маршрут Цейтлина закончилась отступлением. Ветер свыше восьмидесяти километров в час просто сбрасывал с ребра. Три дня ушло на поиски нового маршрута. Даже на отдыхе в домике, где не было ветра, было слышно, как он качал вершину. А потом, в насмешку, сдул с крыльца двадцатикилограммовый газовый баллон.

В конце концов, выбрали комбинированный маршрут, между Романова и классикой Цейтлина. Там можно было спрятаться от этого жуткого ветродуя. Летом в эту лавиносборную воронку никто не суется. Там западня. Лавины летят с частотой маршруток, идущих на популярный базар «Дордой». Но хрен редьки не слаще. Нет лавин, зато закрутить в перемороженный лед ледобур то же самое, что в бетонную стену пытаться войти тупым сверлом. Связь с «Большой землей» была только через ближний космос. Набрать столько буковок на спутниковом телефоне, в свете налобного фонаря, скрючившись от холода в палатке на высоте более 4000 м, тыкая огрубелым пальцем в малюсенькие кнопки, – уже маленький подвиг. Вот СМС-хроника восхождения от Сергея Селиверстова:

18.01. «Прошли часть ледопада. Загнездились на 5560 м. Провесили выше еще три веревки. Дульник капитальный».

19.01. «Прошли основную ледовую часть. Спрятались от ветра в трещине на 5800 м. И уже на леднике доработали заключительные три веревки. Все в норме!»

20.01. «Первый солнечный день! Вчера думали, что ледовая часть закончилась. Сегодня оказалось, что все только начинается. За день смогли только отработать до 6000 м. Ну и, наверное, пора сказать – мы идем не по Романова, а левее. Сегодня выбрались на ледник между классикой и Романова».

21.01 «Прошли еще одну ступень ледопада. Взгромозились на 6450 м. Все в норме!»

22.01. «Сегодня в 12:30 команда в полном составе взошла на пик Корженевской! Спустились в штурмовой лагерь на 6450 м».

Два дня спуска по уже знакомому, но не менее опасному маршруту, и – мужики в базовом лагере. На отдыхе ребята расслабились и приболели. Прогноз погоды был плохой, и они отсиживались в домике. Появилось время осмыслить восхождение на Корженевскую и подумать о Коммунизме. Ждать да догонять – последнее дело. Четыре человека в замкнутом коллективе и большие нагрузки. Многие считают, что если соберется команда из звезд, то и совершит звездное восхождение. Но это не так. Как правило, это не команда, а сборная из звезд. У каждой звезды большие личные амбиции. И когда они начинают сталкиваться, то получается только пустой звездный фейерверк. Конфуз или трагедия.

В настоящей команде на восхождении нет звезд, есть капитан. Каждый участник знает свою роль и работает на общую

цель. Только тогда может получиться звездное восхождение. А амбиции – вещь неплохая, но ее место внизу, в долине. Вот такие мысли и разговоры звучали в забытой Богом горной хижине, зажатой между ледниками Москвина и Вальтера у подножия пика Коммунизма на «Крыше Мира».

Наконец в далеком Бишкеке наши дежурные по погоде среди штормовых фронтов на просторах интернета поймали окно. По прогнозу оно несло над Каспием и к 3 февраля должно было появиться на Центральном Памире со скоростью ветра на вершине 30-40 км в час. Решение на выход было принято немедленно.

Шли по маршруту Бородкина. Был момент, когда группа вышла на гребень, из кармана на Памирском фирновом плато грохнулась лавина. Плато – это единственное место на голом Памире, где в этот день снега было в избытке. Это был снежный монстр, который снес ледопад и тропу, по которой ребята только что прошли, и развеял ледяной прах по леднику Вальтера до самого Душанбе. Он долго копил силы, гадюка. Поджидал ребят лето, осень, Новый год, Рождество, чтобы убить всю команду «Зимних Барсов» разом. Но просчитался. Всего на несколько минут, но опоздал.

Взбодренные таким подарком судьбы ребята бодро шли вверх. Когда перевалили двойную вершину с ободряющим названием Груды и спустились на знаменитое Фирновое плато, там встретился старый знакомый, сумасшедший Дульник. Весь день боролись с этой напастью. Строили из громадных снежных кирпичей ветрозащитную стенку. Но одну палатку Дульник все же достал и разорвал, как Тузик грелку. Вчетвером в одной палатке тесно, зато теплее. Вечером на связи пришла «радостная» весть: погоде пришел кирдык и заветное «безветренное окно» пролетает мимо Памира, как знаменитая фанера над городом Парижем. Ветер на вершине предсказывался до 90 км/час.

Знать, не судьба. Решили, что лучше остаться без пика Коммунизма, зато в живых. Но в пять утра, как в плохом любовном романе, где все бывает вдруг, ветер стих. Это был шанс! Ребята, как почувшавший добычу барс, рванули наверх. В 10 часов самый быстроногий, Семен, достиг 7000 м. А ветерило, вперегонки с ним, снова достигло своей сумасшедшей силы. Опять пришел «любимый» момент принятия решения. Пятьсот метров по вертикали до вершины Коммунизма, и ты самый крутой перец, то есть «Зимний Снежный Барс»!

Пятьсот метров – это немного, на два часа включить форсаж, и все! Но внизу... А здесь, выше 7000 м, на бешеном ветру и морозе в сорок градусов?! В лучшем случае до вершины часа четыре. А еще спуск! Существует заманчивая перспектива превратиться в композицию из четырех ледяных скульптур – «Зимние Барсы на вечном отдыхе». И на этом инструменте знаменитый солист по имени Дульник будет играть свою похоронную мелодию.

Стало понятно, что нужно валить вниз. Печальное решение было быстрым и единоголосным.

Итак, экспедицию «Зимний Снежный Барс» – 2018 можно считать успешной. Хотя цель была достигнута лишь наполовину, но против природы не попрешь! Памир в альпинистской среде всегда считался теплым районом с устойчивой погодой. А здесь получили такую ветровую клизму, почище, чем на Победе. Не пустил Коммунизм в этот раз к вершине. Но новый маршрут на Корженевскую, да еще зимой – это замечательное достижение! Опять же, поголовье сохранили, даже без обморожений, да и опыт бесценный приобрели.

Планы на будущее были замечательные: сходить на пик Коммунизма и этим завершить проект «Зимнего Барса». А впереди замаячила еще одна заманчивая цель – зимнее восхождение на пакистанскую вершину Чогори - K2, высотой 8611 м. Это вторая по высоте гора мира, но по технической сложности ей нет равных. И зимой еще никто не достигал ее вершины.

Но не зря говорится: хочешь рассмешить Господа – расскажи ему о своих планах. Ребята с усердием начали готовиться к этим экстремальным экспедициям, тренировки, восхождения. И неожиданно страшная весть: на пике Ленина пропадает связка Семен Дворниченко – Наталья Чионова. Как такое могло произойти?! Семен, который знает здесь каждый маршрут, как родную клавиатуру на компьютере?! На «домашней» горе, да еще и спешки никакой не было. И вот – спасательные работы.

Спасаловка! В советские времена это означало – аврал, гора закрыта! Все восхождения в районе пика Ленина были прекращены. Все команды, находящиеся поблизости, мобилируются на спасработы. Руководит операцией начальник

контрольно-спасательной службы Заалайского района. Из Оша вертолетом перебрасываются дополнительный дежурный спасотряд и медики. Эфир открыт только для служебных разговоров. Десятки человек участвуют в спасаловке, работы идут широким фронтом.

Но... нет уже той страны, нет и контрольно-спасательной службы. Зато есть коммерческий альпинизм и страхование жизни от несчастного случая. Есть страховка – прилетят вертолет и спасотряд. Нет страховки – это ваши проблемы. Дело спасения утопающих – дело рук самих утопающих! Этот шуточный лозунг в наше время приобрел совершенно конкретный смысл.

Конечно, у Семена и Наташи были страховки и понятие – альпинистское братство никто не отменял. Начальник первого лагеря Владимир Сувига организовал дежурную группу ребят, которые с помощью квадрокоптера осмотрели место схода лавины между вторым и третьим лагерями. Результат был неутешителен. Цирк с названием Сковородка, куда упала лавина, выглядел как хаос из тысяч тонн взорванного льда и снега. Остаться в живых под таким бульдозером смерти практически невозможно. С помощью дрона удалось разглядеть среди глыб льда посреди стены ледопада разорванный рюкзак. Но подход к нему был технически сложен и объективно опасен. Там были нужны только высококвалифицированные спасатели. А их-то и нет. Вернее, они были, но все опытные гиды-спасатели в это время на работе и вели свои группы на гору или с горы. В их числе был и Сергей Селиверстов. Что творилось у него на душе в это время, не передать. Друг умирает в лавине, а он повязан по рукам и ногам клиентами, которых бросить было невозможно. Люди заплатили свои деньги за восхождение, и гид должен обеспечить их безопасность. Через день удалось собрать небольшой отряд спасателей под руководством Селиверстова, который сумел пробиться в кромешном хаосе разбитого льда к рюкзаку. Там они нашли Наташу. Ее тело спустили вниз, а дальнейшие поиски Семена результата не дали. Копать затвердевшую снежно-ледовую массу размером чуть ли не с пирамиду Хеопса, не зная направления, – бесперспективное занятие. Через три дня по просьбе матери Семена поиски были прекращены.

Мама альпиниста понимала, что Семена уже не вернешь, но там во время поисков могут погибнуть и другие ребята. Друзья Семена. Остается только гадать – почему они так рано в плохую погоду вышли из лагеря? Как могли уйти в сторону с тропы? Такой опытный и сильный гид, знающий маршрут как собственную ладонь, забегавший на вершину за шесть часов и считавший безопасность самым важным фактором?! Вопросы без ответа...

К сожалению, не только в альпинизме, но и в обычной жизни часто погибают самые сильные, самые опытные, хорошо обученные люди. Это наша беда. Они привыкают к опасности. Перестают ее замечать, она становится как ружье на стене. Висит себе да висит, как красивая игрушка. Но и оно может когда-то выстрелить. А море, небо, космос, горы – это стихия, и стоит человеку на секунду забыть об этом или возомнить себя повелителем Природы, как расплата придет незамедлительно. Нет в природе «прирученного» ветра, «укрощенного» океана и «домашней» горы... Надо не забывать: привычка к постоянным победам делает нас уязвимыми. Увы, но это так.

В ущелье Ала-Арча, недалеко от Бишкека, существует мемориальное кладбище альпинистов. Кроме реальных захоронений, там есть несколько обелисков, поставленных в память о тех восходителях, которые погибли в горах, а их тела не смогли найти. Саша Губаев исчез на вершине Чогори – К2 во время шторма у вершины. Виталик Куропаткин погиб в лавине на Хан-Тенгри. Его замуровало в трещину ледника на 5200 м. И вот теперь Семен Дворниченко. Весной ребята установят ему памятник. Печально все это. Какая совсем не-обязательная смерть...

Но жизнь не останавливается на этом. Друзья решили в 2020 году обязательно довести до логического конца проект «Зимний Снежный Барс». В память о Семене, который был одним из его идейных вдохновителей.

Фото к очерку на 3-й обложке.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ

Мезозойский период

С Сергеем Дудашили я мог и не познакомиться. Но линии Судьбы, идущие, казалось, совершенно разными путями, рано или поздно пересекаются в нужном месте и в определенное время.

В студенческие годы я занимался альпинизмом. Горы привлекали меня с юных лет, манили к себе суровой красотой. Фильм «Вертикаль» с участием Владимира Высоцкого, его альпинистские песни, вид на снежные вершины, открывающийся практически с любой точки города, частые походы с друзьями по предгорьям и многое другое сделали для меня альпинизм заветной мечтой. Поэтому, узнав, что в Политехническом институте есть секция альпинизма, я тут же в нее записался и принялся активно осваивать азы горвосхождения. Некоторые из моих друзей увлеклись спелеологией. Для меня же было непонятно, как безграничные воздушные просторы и панорамы величественных пиков, которые я наблюдал с вершин могучих гор, великолепные рассветы над морем облаков, лежащих далеко внизу под моими ногами, можно было сравнивать с непроницаемым мраком пещер и узкими проходами-«шкуродёрками», через которые надо протискиваться, чтобы попасть в каменные залы со сталактитами.

Конечно, как в альпинизме, так и в спелеологии, кроме гор и пещер, очень важным было товарищество единомышленников, братство «бродяжьих» душ, живущих романтикой приключений и путешествий. Это объединяло обе страсти.

Хотя одни из нас стремились вверх, к небу, а другие ползли в глубину земли, все мы жили свободной, независимой жизнью, убегая от серых будней и политических игр.

Спустя много лет после окончания института моим другом стал Александр Жуканин, заядлый спелеолог и близкий мне по духу человек. Он-то и познакомил меня с Сергеем Дудашвили – признанным специалистом по пещерам. И знакомство наше было не просто «здравствуй-до свидания», а почти месячная спелеологическая экспедиция по югу Кыргызстана, Узбекистану и Туркмении, в знаменитый своими пещерами район Кугитанг, расположенный на границе с Афганистаном. Сергей Дудашвили возглавлял эту совместную экспедицию киргизских, узбекских и английских спелеологов. В ней я и почувствовал на своей шкуре, что значит быть спелеологом. В Кугитанге я осуществил и свои первые погружения с аквалангом в подземные провалы, заполненные водой.

С тех пор прошло уже двадцать восемь лет. Мы с Сергеем совершили немало путешествий не только по Кыргызстану, но и по всему миру. Южная Америка и Африка, Мексика и Тибет, Европа и Китай, Турция и Юго-Восточная Азия, Палестина и Филиппины – куда только не заносил нас «ветер странствий». И неизменно, в какой бы стране мы ни находились, наш маршрут пролегал через какую-нибудь известную местную пещеру. Пройти мимо нее Сергей Дудашвили просто не мог.

Особые, ни с чем не сравнимые впечатления и эмоции нам доставляли путешествия по родному Кыргызстану. Свобода передвижения; ночевка в диком безлюдном месте, освещенном лишь звездами и неярким пламенем костра; тихие разговоры об увиденном за день, который растягивается путешествием в «маленькую жизнь» из-за массы впечатлений, событий, встреч, смены ландшафта; чувство единения с окружающей природой – этого нет в заграничных поездках.

– День в путешествии равен по длительности неделе, проведенной в офисе, – делится своими мыслями Сергей, подбрасывая сухие ветки в костер. – В городе день пролетает незаметно: утро – обед – ужин. Неделя проходит так быстро, что невозможно отделить один день от другого, все сливается в единую серую массу. В путешествии же иные ощущения времени: только вчера выехали из города, а кажется, что давно – столько повидали!

Дудашвили не может спокойно проехать мимо дороги, уходящей в сторону от основной трассы. Кыргызстан – гор-

ная страна, и каждая дорога ведет в новое ущелье, в котором скрываются удивительные красоты: водопады, причудливые скалы, живописные рощи с чистыми ручьями, а возможно, и входами в таинственный подземный мир. Сколько таких дорог проехал Сергей, сколько новых открытий сделал для себя: прекрасные горные озера, окаймленные скалами и елями; величественные замки Эола, поражающие воображение зрителя своей причудливой архитектурой; суровые просторы высокогорных пустынь-сыртов или разноцветные пейзажи бедлендов, создающих впечатление марсианских пейзажей. Дудашвили везде находит необычный ракурс для фотографий, наиболее полно отражающий его эмоции, возникшие в каком-нибудь затерянном уголке природы. Эти снимки вместе с лирическими размышлениями автора составляют основу его книг о путешествиях по республике, объединенных в серию «Неизвестный Кыргызстан».

Наше очередное путешествие имеет несколько целей: обследовать выходы пластов мезозойского периода в районе Таш-Кумыра, посмотреть водопад, расположенный неподалеку от города Кербена и подняться к озерам в долине Чаткала, спрятавшихся в одном из ущелий Сандалашского хребта.

Поселок Таш-Кумыр – шахтерский, здесь добывали уголь с 30-х годов прошлого века. Сейчас тут царит некоторое запустение, но вид домиков, стоящих на краю обрыва над рекой Нарын, великолепен.

Мы проезжаем на правый берег реки по дороге, идущей прямо по дамбе Таш-Кумырской ГЭС, и движемся на запад. Нас окружают красноземы и пласты известняка, вздыбленные под углом сорок пять градусов движением тектонических плит.

Когда-то, очень давно, эти плиты были дном древнего моря, где накапливались органические осадки. Можно сказать, что плиты – своеобразное кладбище организмов, живших миллионы лет назад. Говорят, что здесь можно отыскать окаменевшие стволы древних деревьев, а один мой знакомый биолог утверждал, что в шахтах Таш-Кумыра в советское время были найдены окаменевшие яйца динозавров.

Мы с Сергеем горим желанием обнаружить на плитах известняка следы этих гигантских рептилий. Подобные же выходы мезозойских плит мы находили с ним на вершине гребня возле поселка Майли-Сай. По прямой это всего лишь двадцать пять километров от Таш-Кумыра.

Помню свой восторг и удивление, когда я впервые поднялся на вершину хребта в Майли-Сае. Передо мной был самый настоящий такыр – наклонная стена, сплошь покрытая паутиной характерных трещин, возникающих при высыхании неглубокого водоема в глинистых почвах. Казалось, совсем недавно эта стена была дном моря. Вокруг на горном склоне виднелись россыпи крупных морских ракушек. Но почему и такыр, и раковины обратились в камень, а морское дно взобралось на вершину гребня?

Я попытался вспомнить и разобраться в геологических эпохах и датах. Мезозойская эра длилась около 200 миллионов лет и делилась на три периода: триас, юра и мел. В триасовский период суперконтинент Пангея разделился на две части: Лавразию, в которую входили Северная Америка и Евразия, и Гондвану, включающую в себя Южную Америку, Африку, Антарктиду, Австралию и Индостан. Это случилось приблизительно 180 миллионов лет назад. Между этими расходящимися новыми континентами возник океан Тетис. Наша Центральная Азия, по всей вероятности, была под водами этого океана. Впоследствии и Лавразия, и Гондвана продолжали раскалываться на отдельные материки. Так появились обе Америки, Африка, Австралия и прочие ныне существующие части света и острова. Между ними родились новые океаны – Атлантический и Индийский. Древний океан исчезал по мере сближения Африки и Евразии. В наше время от него остались лишь Средиземное, Черное и Каспийское моря. Но следы океанского дна и сейчас можно обнаружить от Альп до Тибета. Еще в Средневековье, найдя морские раковины в Альпийских горах, Леонардо да Винчи предположил, что некогда там плескались морские волны.

Я смотрел на окаменевший такыр. То, что некогда это было морское мелководье, не было сомнения. Обилие раковин подтверждало это.

Дудашвили позвал меня. Поднявшись к нему на вершину гребня, я увидел цепочку следов, впечатанных в наклонную плиту. Они шли под углом и обрывались на краю плиты. Известняковый пласт здесь откололся, и огромные глыбы обрушились в пропасть, унеся с собой продолжение следов.

Что за зверь прошел некогда по дну мелководья, определить невозможно. Дожди размыли очертания следов, и остались лишь неглубокие вмятины. Судя по размерам отпечатков и ширине шага, существо было не крупнее человека.

Теперь, двигаясь от Таш-Кумыра на машине вдоль вздыбившегося известнякового пласта, мы напряженно всматриваемся в окно: вдруг мелькнет на стене заветная цепочка следов? Там и тут работают мощные экскаваторы. Им дела нет до окаменелостей, следов древних животных и тайн, которые хранит эта каменная книга истории. Они добывают известняк и безжалостно рушат эти удивительные хранилища древностей.

Забравшись подальше от места активной человеческой деятельности, мы останавливаемся на ночевку возле одиноко цветущего куста тамариска. Его два изогнутых ствола похожи на пару танцоров, внезапно застывших в эффектной позе зажигательного танго. Один ствол, поменьше, выгнулся назад, откинув свои пышные волосы, украшенные розовыми кистями цветов, к вьющемуся под ним ручейку; другой ствол, крупнее, как и подобает мужчине, склонился над первым, словно заглядывая своей партнерше в глаза, спрятанные в пушистой кроне волос. Он весь напряжен, выгнулся дугой, его руки-ветки вскинуты вверх и назад, а его партнерша пытается избавиться от его навязчивого внимания, подняв в правой руке гигантский веер. Чудится, еще мгновение – и пара опять сорвется в головокружительный знойный танец.

Вокруг тихо. Меркнет дневной свет. Над нашим лагерем возвышается холм красной глины, увенчанный выветренными скалами известняка. Их причудливые грибообразные и округлые формы напоминают мне головы гигантских рептилий, пытающихся вырваться из плена поглотившей их глины. Налево от нас тянется невысокая гряда, состоящая из чередующихся полос красной и желтой глины, на гребне которой лежит пласт известняка – дно древнего моря. Возможно, завтра именно там нам удастся обнаружить следы доисторических животных.

Я представляю себе, как плиты материков догоняют друг друга, сталкиваются, создавая невообразимое напряжение, рождающее целые горные системы. Устремляются к небу Гималаи, Каракорум и Гиндукуш, Тянь-Шань и Памир. Уходят на сотни и тысячи километров под землю пласты, до этого бывшие дном океана, бесследно исчезая в раскаленном море магмы.

Я смотрю на далекий гребень, размышляя, какие силы вознесли туда этот пласт известняка, обломками которого усеян весь глиняный склон. Несомненно, завтрашний день принесет нам новые впечатления и открытия!

Ночью накрапывает дождик, но утро радует синим небом. Мы с Сергеем, прихватив фотоаппараты, устремляемся вперед. Мокрая глина на склоне каньона липнет к подошвам ботинок, намертво цепляясь к глубокому протектору. Поднимаюсь по склону не спеша, словно к каждой моей ноге привесили по двухкилограммовой гире. На темно-красном фоне зелень редких растений выглядит нежно-изумрудной и радует глаз. Над нашими головами, словно бастионы крепостных башен, возвышается рубленая кромка известкового пласта. Тут и там оживляют пейзаж одинокие деревца фисташки. Они отчаянно цепляются за крутой склон, боясь скатиться вниз вместе с обломками скал.

Ближе к вершине склона располагаются целые залежи окаменевших раковин. Такие же россыпи мы видели и в Майли-Сае, и на другой стороне Ферганской долины, в Баткенской области. Там же можно было обнаружить и зубы ископаемых акул.

Подобное скопление моллюсков наводит на мысль об их внезапной гибели. Я читал, что 66 миллионов лет назад действительно было массовое вымирание растительного и животного мира на нашей планете. Некоторые ученые связывают это явление с падением гигантского метеорита на Землю в районе Мексиканского залива. Тогда вымерли и динозавры, царствовавшие до этого на нашей планете в течение 160 миллионов лет!

Человеку очень трудно представить такой промежуток времени. История человеческой цивилизации едва насчитывает десять тысяч лет! Не укладывается в голове, что когда-то все население Земли не превышало 5 миллионов человек! Это же жители одного современного города! Когда Александр Македонский завоевывал мир, на нашей планете жило около 150 миллионов человек. Огромные территории были безлюдными. Мы часто забываем об этом факте, когда размышляем об исторических событиях. Что же тогда говорить о геологических эпохах!

Наконец мы с Сергеем выбираемся на гребень. Позади нас в сизой дымке открывается вид на Ферганскую долину. Прямо перед нами – наклонная плита известняка, а дальше, насколько хватает глаз, идут чередой полосатые гребни из красной глины, словно морские волны во время шторма, среди голубоватого моря горной полыни.

Мы идем по гребню, вглядываясь в плиту. Видны мелкие моллюски, раковины, но, к нашему сожалению, следов динозавров мы так и не находим. Известняк – мягкая порода и хорошо размывается водой. Именно в ней возникают пещеры, влекущие к себе моего друга. На поверхности слой быстро разрушается, и следы, если они и отпечатались на плите, были смыты дождями.

Но все же мы счастливы, что оказались в этом удивительном месте. Поднявшись на самую высокую точку хребта, похожую на скалу Короля Льва из известного мультфильма, мы чувствуем себя словно на вершине гребня гигантской волны тайфуна, грозящего ринуться на раскинувшуюся внизу равнину. Только волна эта застыла и, если и движется, то с незаметной человеческому глазу скоростью. Что для планеты человеческая жизнь? Что для нее вся история человечества? Всего лишь один миг!

Баба Устун-Ата

Дальше наш маршрут пролегал к отдельно стоящему горному массиву Бузбу-Тоо, где, по нашим сведениям, в одном из ущелий прячется красивый водопад. Дорога вилась по предгорьям, огибая долину. Параллельно нашему пути, сразу за дорогой, шла граница с Узбекистаном. В советское время граница с братской республикой была условной, и попасть из одного киргизского села в другое можно было по прямой, через Ферганскую долину. Теперь же приходится проезжать десятки километров, следовать за изгибами предгорий. Каждый равнинный кусочек территории был некогда отдан соседней республике властной рукой партийных деятелей. Видимо, посчитали, что киргизам-скотоводам равнина ни к чему.

Теперь республика расплачивается за те давние решения и строит дороги в обход узбекской территории. Вдоль границы выкопан глубокий ров, тянется колючая проволока, стоят сторожевые вышки. Видно, что узбеки сильно обеспокоены возможным вторжением со стороны Кыргызской Республики. Лет десять назад к границе вообще было опасно приближаться, в любой момент можно было подорваться на mine! Слава богу, с приходом нового узбекского президента курс соседней республики поменялся в дружескую сторону.

Вскоре уже наша машина пробиравалась по узкому ущелью, сплошь заросшему кустарником и небольшими деревьями: боярышником, орехом и пирамидальными тополями. На открытых пространствах распушили свои белые «лисы хвосты» эремурусы. Их высокие цветоносы, усеянные шестилепестковыми звездочками цветов, привлекали множество насекомых, желающих полакомиться сладким нектаром.

Неподалеку от входа в ущелье мы догнали одинокого путника и остановились, чтобы уточнить путь.

Мужчина-узбек, лет пятидесяти, с круглым безусым лицом, но с небольшой бородкой, в тюбетейке на гладко выбритой голове, пристально оглядел нас.

– А вы кто такие будете? – задал он в свою очередь вопрос.

Дудашвили объяснил цель нашего путешествия. Он – руководитель туристической компании и должен знать все интересные места в нашей стране.

Улыбка озарила лицо мужчины.

– У вас место в машине найдется? Я – хозяин водопада и охотно покажу его вам.

В «Делике» достаточно места и не для одного пассажира. Мужчина сел рядом со мной. Впереди – водитель Саша и Сергей.

Меня озадачили слова нашего нового спутника – что значит «хозяин водопада»? Я неоднократно сталкивался с неприятным явлением в Кыргызстане: неожиданно у какого-нибудь известного места появляется хозяин и требует денег за посещение достопримечательности. Так было в Барскаунском ущелье, в каньоне Сказка на Иссык-Куле и прочих местах. Неужели и тут будут требовать оплату?

Но вскоре все разъяснилось. Саид оказался смотрителем священного для местных жителей места. К водопаду всегда приезжает много людей, чтобы помолиться и приготовить совместную трапезу. Саид читает суры из Корана для посетителей, следит за порядком и чистотой сакрального места.

Дорога уперлась в скалу, по которой рассыпались струи небольшого водопада.

– Это и есть водопад? – удивленно спросил я Сергея.

– Нет, водопад дальше, – покачал головой Дудашвили.

– Это искусственный, для него по трубе отвели воду от основного водопада. В прошлом году тут был мой сын Алексей и говорил мне об этом.

У подножия скалы раскинулась тополевая роща. Среди деревьев виднелись небольшие строения: навес с очагами и котлами, помещение с кучей узких одеял-тушуков, предназначенных для посетителей священного места. Глиняная стена этого строения была сплошь испещрена небольшими круглыми отверстиями, словно в нее палили из картечи. Оказалось, что стену облюбовали в качестве жилья дикие пчелы, которые и наделали столько входов.

Саид повел нас дальше по тропе, затерянной в густых зарослях. Впереди ущелье перекрывала мощная стена известняка, низ которой утопал в зелени.

– Это место называется Баба Устун-Ата, – сказал Саид.

– Баба – значит «старик», – перевел Сергей. Он знает узбекский язык, так как родился в Араване, неподалеку от Оша.

– Устун – это «столб», – продолжал Дудашвили. – Ата – «отец». Старик, столб, отец. В чем смысл названия?

Наш проводник улыбнулся:

– Потерпите, сейчас увидите.

Тропа повернула налево и круто пошла вверх вдоль ручья. Сквозь крону деревьев можно было рассмотреть отвесную скалу, полукругом охватывавшую жмущуюся к ручью рощу. Чем ближе мы приближались к скале, тем больше деталей открывалось нашему зору. Светло-коричневая поверхность известняка была во многих местах густо покрыта черным смолянистым налетом. Создавалось впечатление, что с вершины уступа кто-то щедро поливал расплавленным битумом. Черные потеки обрывались там, где в скале была огромная ниша и стена переходила в ее потолок.

Нарастающий шум падающей воды говорил, что наша цель близка.

Преодолев последний крутой подъем по каменным блокам, образовавшим подобие лестницы, я выбрался на ровную площадку. Она дугой шла под скалой, нависавшей козырьком над моей головой. Слева от меня возвышался мощный, шести- или семиметровый, слегка наклоненный каменный столб, который, казалось, нес на себе скальный свод этого обширного гота.

По внешней стороне столба в желобе низвергался водный поток. Он бил прямо из трещины в своде, скользил по столбу, падал в небольшой бассейн, выбитый им в скальном ложе, и прыгал дальше по каменным ступеням вниз ко дну ущелья. Вода в бассейне пенилась, словно в кипящем котле.

– Этот столб состоит из туфа, – начал объяснять мне подошедший Дудашвили. – Он создан самим потоком. Вода вымывает туф из недр скалы и выносит сюда, на поверхность. Столб растет, подобно сталагмитам в пещере.

За водопадом была площадка для ритуального моления. Висели коврики для совершения намаза, возвышалась небольшая пирамидка, сложенная из каменных блоков, рядом с ней на плоском камне было выбито арабским шрифтом одно из имен Аллаха.

Тропинка шла под скалистым сводом вправо еще метров шестьдесят или семьдесят и потом выходила на горный склон. Эта полочка под скалой напомнила мне Тропу Инков в Перу, которая проходит по вертикальным стенам на протяжении многих километров. Пройдя по полочке до конца, я вернулся к водопаду. Сергей фотографировал нашего проводника, присевшего на корточки возле каменного столба.

– Посмотрите, – обратился ко мне наш водитель Саша, – расщелина, из которой бьет поток, похожа на женское лоно.

Я всмотрелся в свод, из которого вырывался водопад. Две тонкие плитки, дугой окаймляющие расщелину, действительно вызвали ассоциацию с женским органом. Тогда каменный столб олицетворяет мужское начало? Лингам и йони, если следовать древнеиндийской традиции. Фаллические символы были распространены повсеместно и считались сакральными. Возможно, поэтому это место и стало священным.

Поблагодарив Саида за экскурсию, мы отправились дальше.

Край «золотой лихорадки»

Теперь наша машина двигалась вдоль реки Касан-Сай, огибая Чаткальский хребет. То тут, то там кипела работа. Суетились люди, работали экскаваторы и бульдозеры, разрабатывая грунт, мощные самосвалы увозили его к промывочным драгам, куда насосы подавали воду из реки. Шла добыча золота. В основном здесь работали китайские компании.

Китайцы добывали драгоценный металл на Чаткальском хребте еще в средние века. Кругом можно отыскать следы древних разработок, остатки каменных орудий и горы отвалов.

Выбравшись на перевал Чапчыма, расположенный на высоте более 2840 метров над уровнем моря, мы начали

спускаться в долину Чаткала. Дорога серпантином вилась по склонам гор, следуя за рекой Чапчыма, вдоль русла которой зеленой змеей тянулся лиственный пойменный лес.

Я пожалел, что не взял с собой адрес или номер телефона Байскан, местной жительницы-мастерицы, с которой периодически встречался в Бишкеке. Она, несмотря на возраст (ей, наверное, далеко за семьдесят) и часто высокое артериальное давление, была полна энергии и принимала участие во всевозможных выставках народных умельцев и не раз была отмечена различными наградами. Через Байскан я пополнял коллекцию своего музея прикладного искусства.

Я рассчитывал, приехав на Чаткал, все же повидаться с Байскан. Скорее всего, думал я, она живет в центральном селе Жаны-Базар или в соседнем, тоже крупном, Канышкие. Чаткальская долина небольшая, и, вероятно, многие знают местную мастерицу.

Едва мы добрались до середины Жаны-Базара, как наше внимание привлекли пестрые одеяла, разноцветные ковры и платки, развешенные на металлическом ограждении одного из домов. Вход в него украшали воздушные шарики. К дому отовсюду спешили девочки разного возраста в ярких праздничных нарядах.

– Серегей, давай остановимся, узнаем, что тут за праздник, – предложил я Дудашвили.

Сергей охотно согласился, предвкушая колоритные снимки.

Войдя за ограду, я увидел Байскан. В белом элечеке, бархатном чапане, с медалями на груди и с серебряными чолпу, вплетенными в косы, она была в центре внимания. Местный журналист фотографировал ее со всеми желающими. Оказалось, что здесь отмечали День матери. Аким района собрал всех женщин в кафе, чтобы оказать им достойные почести.

Пообщавшись с Байскан, мы тронулись в дальнейший путь.

Как мы знали, нужное нам место жители называли Чункурчак, то есть «Яма», «Впадина» или «Котловина». По грунтовой дороге наша «Делика» уверенно двигалась вверх, и вот оно – первое озеро! Сверкающая в лучах солнца голубая поверхность, окаймленная зеленью деревьев. Среди безлесых пригорков озеро выглядело настоящим оазисом. Мы вышли из машины и поспешили прикоснуться к этому природному чуду.

Его берега заросли барбарисом, жимолостью, другими кустарниками и лиственными деревьями. В воде отражались противоположный берег и горные вершины, еще покрытые снегом. Лежащие на мелководье сухие стволы и ветки были похожи на отдыхающих гигантских змей. Воздух звенел от трелей соловьев, свивших гнезда в ветвях деревьев.

Когда я вернулся к машине, наш водитель Саша показал мне сумку, наполненную грибами.

– Белые степные, – гордо сказал он. – Без единой червотчины!

Мы проехали выше, и перед нами открылся вид на котловину Чункурчак. Тут и там из склона выбивались ручьи, окруженные небольшими рощами. Слева от дороги во впадине – большое безлесое озеро, лишь на его дальнем краю виднелась цепочка деревьев. Левее, через бугор, было еще одно озеро, почти полностью заросшее водяными растениями.

Мы с Сергеем решили обойти большое озеро, а Саша с сумкой наперевес пустился на поиски грибов.

Деревья на берегу озера оказались березами. Некоторые из них, засохшие, стояли среди воды, словно скелеты доисторических животных.

Вот из-за кроны арчи высунулась сухая ветка, похожая на голову дракона. Длинная, загнутая знаком вопроса шея, увенчанная небольшой горизонтальной головкой. Сходство с Горынычем дополняли два обломанных сучка, на месте ноздрей чудовища, подобие маленьких глазок и ушей в нужных местах и торчащие в сторону ветки, напоминающие сломанные крылья. Я прошел дальше, поменялся ракурс, и иллюзия сходства исчезла, хотя казалось, что дракончик продолжал жалобно смотреть мне вслед.

На поверхности озера что-то плеснулось и пошли круги. «Видимо, в нем обитает рыба», – подумал я.

Обогнув озеро, мы с Сергеем выбрались на гребень холма позади озера. Посмотрев вниз по ущелью, мы увидели еще два озера, которые не заметили, так как их не было видно с дороги.

Всего в Чункурчаке оказалось шесть, разной величины, озер. Каждое из них отличалось индивидуальностью и было по-своему красиво.

Особенно поразило наше воображение небольшое заросшее озерко. Сквозь хрустально-чистую воду длинные бурокоричневые волосы водорослей, оплетенные желто-зелеными

змеями тины, создавали удивительную картину абстрактного цветного полотна, завораживающего зрителя своими мягкими переходами цвета и медленными плавными колебаниями его структуры в такт спокойному движению потока. Мы с Дудашили, очарованные этим необычным зрелищем, тщетно пытались запечатлеть его на снимке, но техника была бессильна. На поверхности воды постоянно появлялись блики, отражая белые облака и солнечный свет, а внезапно налетевший ветерок взъерошил озерко мелкой рябью, скрыв от нас подводное великолепие.

На отдых мы остановились в березовой роще у одного из ручьев. Люди, знакомые со стройными русскими березами, очень бы удивились, увидев эту рощу. Березки, растущие на высоте более двух километров над уровнем моря, были выгнуты горными ветрами и имели по нескольку корявых стволов. Наш лагерь расположился возле причудливого дерева с пятью стволами, растущими в совершенно разных направлениях.

Озера давали убежище личинкам стрекоз. В начале июня, когда мы были в Чункурчаке, из личинок уже появились небольшие стрекозки. Они тучей поднимались с потревоженной нами травы, сверкая на солнце своими полупрозрачными крылышками.

Бабочки-боярышницы белыми пятнами облепили желтые цветы горчичника. А между зонтиками цветов раскинули свои ловчие сети разнообразные пауки. Кое-кто из них уже смаковал свою добычу.

На ночь мы решили вернуться в Жаны-Базар и воспользоваться гостеприимством Байскан.

Дом, в котором живет она и семья ее сына, видимо, раньше был административным зданием. Там у женщины есть своя мастерская, а на втором этаже – гостевой дом.

Кроме нас, в доме Байскан остановился на ночлег сотрудник одной из золотодобывающих компаний. Он – водитель, и они с Сашей быстро нашли общий язык. Наш водитель делился с ним своими профессиональными секретами. Саша не уставал меня удивлять – он без отдыха мог по десять-двенадцать часов крутить «баранку», ведя машину по тяжелым горным дорогам. Так может работать лишь человек, влюбленный в свое дело. Саше нравилось не только путешествовать вместе со своим шефом, но и кататься на горных лыжах, участвовать в археологических экспедициях. Он – увлеченный человек, движение – основа его жизни.

За ужином мы беседовали с новым знакомым. Ему было около пятидесяти, киргиз, с солидным брюшком. Мы пожаловались на объездные дороги вокруг узбекской границы.

– Это же глупо было отдать все равнинные земли узбекам! – возмутился Дудашвили.

– А знаете, как это произошло? – хитро улыбнулся наш собеседник и начал рассказывать: – Мы, киргизы, – скотоводы. В долине только зимой жили. Весной скот гнали в горы, на джайлоо. Только поздней осенью назад возвращались. Вот однажды приходит узбек к киргизу и просит: мол, все лето у тебя земля пустует, давай я возьму ее у тебя в аренду. Посажу овощи, арбузы. Мы, киргизы, действительно, сады да огороды отродясь не сажали. А для чего они нужны? Поливай, ухаживай! А когда киргиз в горы уезжает, кто смотреть за садом-огородом будет? Возле дома посадим тополь, он без полива сам вырастет. Есть к чему лошадь привязать, и довольно! Ну и киргиз – добрый, говорит узбеку: «Давай сажай свой арбуз, дыню, овощи. Осенью мне отдашь чего-нибудь с урожая». А осенью возвращается с гор, так там, где один узбек был, уже десять узбеков живут. Так они нас и вытеснили в горы!

Мы засмеялись и согласились, что лучшие места узбеки да таджики у киргизов забрали, а партийные деятели в далекие годы как хотели, так и проводили границу. Теперь назад пути нет.

– Зато какие хорошие дороги в Кыргызстане сейчас построили в обход Узбекистана и анклавов! – отметил Саша.

Мы согласились и с ним. Но посетовали на то, что теперь невозможно, как в старые времена, ездить свободно через всю Ферганскую долину туда и обратно.

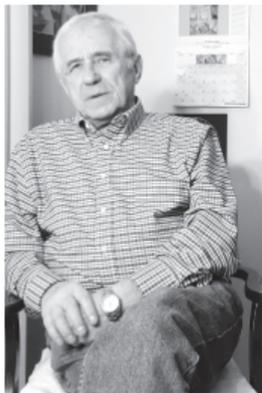
– Может быть, скоро все изменится, – успокоил нас Дудашвили. – В Узбекистане новый президент и новая политика.

Мы ели вкусный плов, приготовленный невесткой Байскан, и разглядывали изделия, выполненные руками местных мастериц. Под началом моей знакомой трудились шестнадцать женщин. Байскан известна по всей нашей стране. В домашнем альбоме ее фотографии с нашим первым президентом Аскарком Акаевым, с Алмазбеком Атамбаевым, на других снимках она рядом с Розой Отунбаевой. Вот недавние фотографии: премьер-министр Сапар Исаков обнимает мастерицу. «Политика и люди, делающие ее, уходят, а народ и его искусство остаются на века», – подумал я.

Хорошо, что я поехал в это путешествие. Оно принесло мне массу эмоций и подарило энергию для будущего творчества. Иногда будни и повседневная сутолока так занимают тебя, что кажется, нет никакой возможности вырваться из этой круговерти. Заботы заполняют все твоё время и мысли.

– Для чего ты трудишься? – спрашивает меня Дудашвили, когда я говорю ему, что не могу отправиться в очередную поездку. – В путешествии – смысл жизни! Ты узнаешь для себя что-то новое и можешь поведать об этом людям. А что ты узнаешь нового, сидя в кабинете? Там ты зарабатываешь деньги, а для чего они нужны? – задаёт он вопрос и сам же на него отвечает: – Чтобы путешествовать!

Я мысленно оглядываюсь назад и вспоминаю поездки в ближнее и дальнее зарубежье, путешествия по Кыргызстану, наши встречи с новыми людьми и понимаю, что мой друг прав. Если бы я остался дома, то ничего бы этого не случилось в моей жизни, и, отбросив в сторону все проблемы, вновь собираюсь в новое путешествие.

Валерий САНДЛЕР,

Уоллд Лейк, Мичиган, США

НУ И МЕЧТА! НИ ВРЕДА, НИ ПОЛЬЗЫ...

Наконец-то я нашел время и повод вспомнить, что было, не особо ломая голову над тем, что будет. И хотя было в моей непутевой жизни много всего такого, что лучше бы его не было совсем, но вспоминать-то хочется о хорошем. А оно есть.

Без малого три десятка лет прожил в Америке, американцем я не стал, хотя паспорт гражданина США получил давно и принадлежностью к этой великой стране горжусь по праву. Это признание нисколько не умаляет мою благодарность Киргизии, где я провел детство и юность, встретил любовь всей жизни, родил и воспитал замечательных детей, овладел профессией журналиста, которая в Америке не даст пропасть никому из тех, кто ей предан не за страх, а за совесть. Не дала пропасть и мне – и это подтвердят друзья в дорогой моему сердцу Киргизии: им я посылал свои книги и статьи в русско-американской печати, а также регулярно печатался в «Литературном Кыргызстане», где до отъезда в эмиграцию проработал больше семи перестроечных лет, лично для меня незабываемых.

Тогда журнал успешно конкурировал с новинками художественной литературы, перетянув на свою сторону читателя, который многие годы был отлучен от честной, смелой периодики, а тут вдруг она появилась, он в нее поверил – и не обманулся.

В более чем 60-летней биографии «ЛК» упомянутые семь лет оказались периодом творческого взлета, небывалой досе-

ле популярности. В нем появились темы, которые не так давно звались запретными, выступали авторы, чьи имена гремели на всю страну – в ту пору еще союзную, не распавшуюся на национальные кварталы: бывший советский разведчик, историк Эрнст Генри; писатель и публицист Анатолий Стреляный, «Литературный Кыргызстан» часто снабжал свежими миниатюрами Валентин Пикуль, а однажды передал целый роман с правом первой публикации. Так знаменитый писатель-историограф отблагодарил нас за публикацию открытого письма, которое дипломат-невозвращенец Федор Раскольников адресовал Сталину: другие журналы, даже самые толстые, все-союзного значения, осмелились «тиснуть» лишь выжимки из этого документа оглушительной силы, а мы не побоялись и напечатали полностью.

...Редакция отважилась отправить письмо в американский город Кавендиш, штат Вермонт, самому Солженицыну: дескать, уважаемый Александр Исаевич, будьте нашим автором, не пожалеете. В пакет с письмом был вложен экземпляр «ЛК» со статьей Э. Генри. Не слишком надеясь на положительный ответ (человек пожилой, невероятно занятой, известный трудным характером, прессу не жалуется), – как же мы всей редакцией гордились, получив от «вермонтского затворника» пачку машинописных страниц с текстом «Архипелага ГУЛАГ», как радовались за себя, но куда больше – за читателя!

А так называемая «сундучная» литература!.. Мы первыми открывали читателю не публиковавшиеся прежде произведения Михаила Булгакова, Ивана Бунина, Бориса Пильняка... Поименно всех авторов, помогающих нам поднимать планку журнала, перечислять не берусь, да и вряд ли это необходимо, скажу лишь, что их участие благотворно сказалось на авторитете «ЛК», тираж журнала вырос с каждым годом, он расходился по подписке в десятках городов тогдашнего Союза, но когда тот приказал долго жить, большинству печатных изданий осталось одно: выживать.

Ну вот! А ведь мне хотелось вспоминать только о хорошем! Удалось ли? И да, и нет. Как ни грустно признавать, оно, хорошее, было, да прошло. Остается о нем только мечтать, что, как утверждали древние, не вредно. Поэтому - будем.

СКАЗКА С НАМЕКАМИ...

Такое вот странное, даже несколько загадочное письмо-послание получила редакция от Валерия Семеновича Сандлера – литкиргизстановца с огромным стажем, ибо он и после отъезда в Америку продолжал оставаться нашим автором, постоянно присылая в журнал свои замечательные статьи и очерки. И все же: с чего вдруг это письмо – о делах давно минувших, не раз воспетых на страницах «ЛК» в его юбилейные годы?

Типичная сандлеровская манера: своим разговором, вопросом или даже повествовательным текстом загнать собеседника в угол, чтобы он потом выкручивался, искал ответы на то, что затаилось между строк. Чего Валерий Семенович не любит, так это лобовой атаки. Тогда человек уходит в глухую оборону, замыкается, и ничего путного от него не добьешься. Поэтому он, как профессиональный журналист, раскидывает свои «сети» пошире, а сам вроде бы отходит в сторонку, слегка склонив коротко стриженную голову на бок и постреливая из-под очков эдаким невинным взглядом.

На эту его уловку кто только ни попадался. Одним из первых, кажется, был в середине восьмидесятых Эрнст Акрамов. Он настолько разоткровенничался в беседе, так раскрыл медицинское закулисье, что после журнальной статьи все ахнули. Популярность доктора в стране резко возросла. Впрочем, и врагов среди медверхушки прибавилось. Попадались в «сети» Сандлера министры и губернаторы, рэктеры и олигархи. Кое-кого, если грешки за ним водились, внезапно нахлынувшая искренность губила. Но читатель был доволен. Он каждый раз получал такой журналистский продукт, что пальчики оближешь.

В ту пору Валерий Сандлер значился в первом ряду публицистов республики. Но носа не задирали. Хотя его величина и позволяла это делать. Ради авторитета редакции он брался за подготовку важных материалов, требующих от него больших творческих и временных затрат, но при этом сам оставался в тени.

Был, скажем, у редакции проект: рассказать на страницах журнала о том, как живут под небом Киргизии различные нации и народности, каковы их особенности, болевые проблемы. Автором каждого очерка по нашей задумке должен был стать

представитель своего этноса. Чтобы картина высвечивалась изнутри. Но попробуй, сыщи их, авторов, умеющих писать для «ЛК», среди курдов и яхуди, иранцев и уйгуров, да и многих других национальностей республики. За всю эту работу взялся Валерий Семенович. Около двадцати фундаментальных очерков были подготовлены, а то и полностью написаны им. Для читателей же при этом он сам оставался за кадром: над очерками значились фамилии других авторов.

Такого рода жертвенность – редкостное качество журналистов. Особенно, ежели они талантливы. Сандлер и здесь в первом ряду.

А уж о его способности располагать к себе людей, даже очень известных, выдающихся, впору легенды сочинять. Вот упомянул он в письме, что Валентин Пикуль, один из самых читаемых писателей второй половины прошлого века, даровал «ЛК» возможность публиковать некоторые свои произведения раньше всех остальных журналов. А все почему? Об этом Валерий Семенович умолчал. Знал, скромняга, что редакция наверняка вспомнит, как он слетал к Пикулью в Ригу и, заручившись поддержкой его жены, встретился со знаменитостью дома за чашкой чая, обстоятельно побеседовал с ним, да не однажды, и таким образом наладил творческую связь редакции и писателя.

Мастерское владение словом, умение точно почувствовать и творчески осмыслить любую человеческую среду позволили ему и в Америке, куда он переехал в середине девяностых годов, буквально в считанные месяцы обрести работу по профессии – редактором отдела новостей в газете «Новое русское слово» (г. Нью-Йорк). Хотя тогда уже он был не слишком молод, ему подкатывало к пятидесяти. Хотя Киргизия вообще не была кузницей таких асов журналистики, как Анатолий Аграновский или Генрих Боровик. Но тот богатейший журналистский багаж, который всегда был при нем, Валерии Сандлере, все перевесил, снял все сомнения.

Он понял, что за ним следили, только когда ушел на пенсию. Еще не успел насладиться тишиной, пением птиц, не успел подумать, чем же теперь будет заниматься, как ему позвонили. Позвонили из еженедельника «В Новом свете» и предложили сотрудничество. Поскольку это не из ФБР, с улыбкой подумалось ему, почему бы и не согласиться?

В течение многих лет Валерий Семенович вел в еженедельнике рубрику «Русское зарубежье». Его интересовали

судьбы русских эмигрантов первых двух волн и их потомков. Куда только не растеклись эмигрантские потоки, где только они не оседали. Земной шарик был густо расчерчен ими вдоль и поперек. Своим поиском через интернет Сандлер охватил бездну стран и городов, знакомился с князьями, графами и баронами, артистами, писателями и художниками, инженерами, предпринимателями и строителями... Но останавливался только на тех, чья жизнь действительно представляла интерес своей драматичностью, неповторимостью и в определенной степени поучительностью.

Им было опубликовано в еженедельнике сто бесед, которые потом, будучи дополнены, составили объемные книги – «Чем дальше, тем роднее», «Разлучили корни с кроной», «Хорошо было там, где нас не было», «Язык родной, страна чужая». По сути, все это вместе является своеобразной энциклопедией русского зарубежья. Естественно, часть бесед, близких нам по тематике, печаталась и в «ЛК».

Но страна памяти чудна и неизбывна. И как много в ней золотых крупинок, связанных с юностью, молодостью, прошедших в Киргизии. Об этом еще одна книга Валерия Сандлера «Пока былшем не поросло».

Думается, что таким образом все или почти все междустрочья письма нашего автора нами уже заполнены, намеки расшифрованы. Кроме, пожалуй, одного, таящегося в самом начале. Где он вроде бы прямо и недвусмысленно заявляет, что у него появился повод сотворить нам послание, но какой именно повод – догадайтесь, мол, сами. А чего тут догадываться? Пора поздравлять, чем, впрочем, мы уже и занимались, отмечая его достоинства и достижения. Но подвести итог – пожалуйста.

Дорогой наш друг Валерий Семенович! С восьмидесятилетием тебя! Ты легко, без особого напряжения взял эту немалую для многих для юбилейную высоту, откуда прекрасно обозревается панорама всех твоих замечательных свершений, которым несть числа. Отсюда открываются и те высоты, которые тебе предстоит одолеть. Ступенями к ним будут твои новые творческие дела. Успехов, удач и вдохновений на этом пути! Крепкого здоровья тебе, твоим родным и близким!

От имени редколлегии «ЛК»
Александр Иванов

Леонид ДЯДЮЧЕНКО

БЛОУ АП
(фотоувеличение)
САШИ ФЕДОРОВА

Полтинник в «Кабаре»

Все долгие месяцы подготовки своей персональной выставки «30 лет в художественной фотографии» Александр Павлович Федоров невольно искал и не мог найти ответ на такой простой вопрос: а зачем мне это нужно?

Перелопатить весь свой архив, отобрать, отпечатать, оформить под стекла, в рамки, и все своими руками, наряду с каждодневной круговертью редакционного фотокорреспондента, с массой другой рутинной работы, будь то репортаж в номер или парадный календарь для крутых офисов и гостиниц.

Хорошо, что рядом - надежный помощник и компаньон по придуманной ими самими «фирме» - «А и А студия» - Алимжан Жоробаев. Вместе легче. И не только состряпать плов, а тем более - выставку. Но вопрос оставался. Ради чего? Потрафить своему тщеславию? Но это чувство в тех пределах, в каких оно живет в каждом человеке, вполне удовлетворялось участием в различных выставках и книжных изданиях, чуть ли не ежедневными публикациями в республиканской прессе. А в недавнем прошлом - многолетним сотрудничеством со студией «Киргизфильм», каждая премьера фильмов которой превращалась в своеобразную выставку его работ, поскольку вся фотореклама, все фотопробы актеров и выбор натуры, все игровые эпизоды - все прошло через видеоискатель его фотокамеры, все осмысленно и найдено его видением, воспитанным видеть прекрасное подчас в самых обыденных, земных его проявлениях.

Герой очерка А. Федоров

Полтинником снимающая братия называет и такую круглую дату в жизни человека, как 50 лет, которая, несмотря на свой солидный отблеск, никак не может затмить принятое в дружеском общении привычное обращение - Саша.

И потому коллеги настаивали: старик, «полтинник» ты должен отметить юбилейной выставкой.

Спасибо «Кабару». Этот вполне официозный клуб журналистов предоставил (бесплатно!) для выставки свой конференц-зал. Спасибо Алимжану. Вдвоем они смогли отобрать 150 работ, а затем дожать их количество до 50, хотя друзья и говорили, что в результате такого отбора немало лучших работ осталось за бортом, но что уж об этом...

Про себя Саша побаивался: вдруг никто не придет? У всех дела, у каждого свои заморочки, да и, кстати, она все-таки существует - профессиональная ревность. Мало ли ему приходилось видеть выставок, в залах которых скучают лишь одинокие фигуры родственников да близких приятелей?

В Киргизии работало и работает немало фотографов высокого класса, но редко кому удавалось сыграть свою партию так целеустремленно и осмысленно, как это сделал Саша Федоров. И что же, кто-то должен прийти на его выставку? Сыпать соль на собственные раны?

- Придут! - подшучивала над мужем Галина Ильинична, - Не придут на твой пейзаж, так придут на мои бутерброды.

- Ну и не только на бутерброды, - вторил матери сын Дмитрий, оснащая стеклянно перезванивающимся «исходящим реквизитом» столик в углу зала для традиционного фуршета под кодовым названием «чай-пай».

И вот – выставка. И в зале стало необычно тесновато. Но в юбилейных речах не было приторного елеса, потому что проносили их довольно скупые на комплименты такие старые друзья, как Гена Базаров, Джамбул Джумабаев, Женя Барышников.

Под самый занавес прозвучал и ответ, для чего надо было делать выставку. Его так просто и точно сформулировал один из давних товарищей, который пришел, может быть, даже без пригласительного билета. Когда вся многочисленная и довольно избранная по своему составу массовка, представленная элитой кино-, теле- и фоторепортажа республики, дружно высыпала на ступени «Кабара» для снимка на память, вызывая высокопарные мысли о профессиональной солидарности и репортерском братстве, кто-то негромко, но очень ясно произнес, обращаясь, по всей видимости, к юбиляру, а через него - ко всем собравшимся.

- Спасибо за встречу.

И лучше было не сказать.

«Чокмориада»

В ноябре 1999 года в своем Доме кино киргизские кинематографисты отмечали круглую дату - шестьдесят лет со дня рождения замечательного киноактера и живописца, своего товарища и друга - Суйменкула Чокморова. Нет, это не было дежурным календарным мероприятием с президиумом и высокими персонами из правительственных сфер, не было докладов и содокладов, вместо них были живые воспоминания тех, кто знал Суйменкула по совместной работе на съемочной площадке.

– Маленький эпизод, – экспансивно жестикулируя, вспоминал режиссер Альгис Видугирис, - я снимал тогда в Кара-Куле свою игровую картину «Мужчины без женщин». И вот первый день съемок с участием Суйменкула Чокморова. В 8 утра выезд на площадку, все уже сидят в машинах, нет только самого Чокморова, приехавшего накануне вечером. Нет в буфете, нет в номере, нет нигде. Я, грешным делом, успел подумать: понятно, звезда экрана вырвалась в командировку. Сколько их было подобных историй со знаменитостями, которые считают, что уж они-то могут себе позволить... И тут вижу - к гостинице по тропинке подбегает Чокморов. С этюдником в руках. Еще и извинился. Дескать, не рассчитал времени, уж больно хорошим было в горах утреннее освещение...

Желающим рассказать нечто подобное не было отбоя. Но, пожалуй, общую атмосферу вечера памяти, открывая и венчая его, создавала прежде всего выставка фотопортретов юбиляра, подготовленная фотохудожниками Александром Федоровым и Алимжаном Жоробаевым, вот уже восемь лет подписывающие совместно сделанные фотографии аббревиатурой «А и А студия». Даже при такой доминанте вечера, как личность Чокморова, посвященная ему выставка, да и вся деятельность мастеров «А и А студия», заслуживает особого разговора, тем более в наши, не очень благоприятные для творчества дни. И все же, обладая немалым опытом в достойном представлении своих произведений (достаточно вспомнить экспозицию, украсившую в Музее изобразительных искусств международную культурологическую акцию 1998 года «Великий шелковый путь - движение сквозь пространство и время», другие фотоэкспозиции тандема «А и А студия» и, конечно же, изданный в Германии монографический альбом «Чингиз Айтматов и его земля»), авторы фоточокмориады превзошли на этот раз, кажется, самих себя.

В совершенстве владея техникой современного цветного слайда, партнеры «А и А студия» как истинные кинематографисты наиболее значимые для них работы предпочитают выполнять в старомодной, казалось бы, черно-белой технике. Так и чокморовская экспозиция представлена исключительно монохромным черно-белым портретом, хотя в данном случае термин «черно-белая фотография» представляется совершенно неуместным. Дело в том, что в отличие от большинства практикующих ныне фотографов Александр Федоров особое значение придает лабораторному процессу, видя в нем одну из решающих стадий в работе над фотопроизведением. Неслучайно вся портретная разработка образа Суйменкула выполнена в очень сдержанной световой тональности, без, казалось бы, необходимого в решении чокморовской темы драматического противостояния белого и черного. Мастера прежде всего привлекают изобразительные богатства тончайших градаций света и тени, такого же принципа он явно придерживается и в выборе сюжетов для своих композиций.

Тот, кто мало-мальски знаком с киргизским кинематографом, да и не только киргизским, конечно же, знает, что все фильмы, в которых снимался Чокморов, имеют, как принято говорить, остросюжетный, предельно напряженный по ситуации и психологизму характер. Именно это обстоятельство

давало возможность Чокморову в полной мере проявить все свои внешние и актерские данные, весь свой незаурядный человеческий талант. Бесстрашный борец за справедливость, человек с чуткой, сострадающей душой и в то же время лихой наездник, мужественный воин, самобытная во всех отношениях личность - таким воспринимается герой Суйменкула в фильмах «Выстрел на перевале Караш», «Алые маки Иссык-Куля», «Красное яблоко». Можно было ожидать, что галерея запечатленных фотохудожниками чокморовских образов должна была бы в первую очередь представить самые эффектные эпизоды этих получивших известность фильмов, застать героя в моменты полного проявления всех нравственных и физических сил. И все-таки лишь некоторые из шестидесяти представленных фотопортретов отвечали этому ожиданию, лишь малая часть их связана со съемочной площадкой, да и те сделаны в минуты отдыха или подготовки к съемке. И уж вовсе нет парадных, официозных портретов, хотя поводов и возможностей для их создания было более чем достаточно. Камера исподволь, словно невзначай, застаёт актера в самые сокровенные минуты одиночества и раздумий, в редкие минуты безмолвного общения с вечеряющими горами, озером, травами, убегающей в темноту рекой. Камера словно исследует истоки необычайно яркого, стремительного творческого взлета этого художника, который, не будучи, формально, профессиональным актером, в первом же своем фильме сразу же становится тем Чокморовым, которого узнала и полюбила вся тогда еще единая и огромная страна. И это не преувеличение. В ряду самых известных киноактеров Советского Союза вам вряд ли удастся назвать артиста, который за лучшее исполнение мужской роли был бы пять раз удостоен Гран-при различных кинофестивалей.

И камера Федорова с редкой пронизательностью и терпением в течение целых десятилетий исследует этот феномен, счастливо избегая опасности стать слащавой, навязчивой и скучной. Федоров еще много лет назад очень точно определил человеческий масштаб артиста и задался целью запечатлеть всю гамму чувств этого незаурядного характера. Чокморов в общении с лошадью. В художественной мастерской за работой над портретом Саякбая Каралаева. Чокморов счастливый. Чокморов полный сил и энергии. Чокморов смертельно усталый от бесконечных операций (диализ почек) и в полной мере осознающий свою физическую обреченность. Но несда-

ющийся. И все-таки способный улыбаться жизни. И зарница этой чокморовской улыбки, бережно запечатленная когда-то студийным фотографом, озаряла поминальный вечер, как немеркнущий свет далекой и все более и более удаляющейся от нас звезды.

Большой заглавный портрет той выставки был подписан словами Суйменкула о том, что «человек может гораздо больше, чем кажется ему и окружающим». Думается, этот эпиграф мог быть предпослан не только Чокморову, но и новой выставке мастеров «А и А студия», развернутой ровно год спустя на тех же двух этажах Дома кино под названием «Ощущение времени».

«Ощущение времени»

Вот уж где не скованные определенной темой они могли развернуться со своим за многие года накопленным киноархивом! И они не обманули ожидания искусственной публики, они развернулись! Только опять-таки на свой манер. А Саша - тем более - на свой, попридерживая именно федоровские фотографии и пропуская вперед Алимжана, который здорово продвинулся в последнее время, и засиживаться в тени старшего ему, может быть, стало уже во вред. Ощущение времени! Ведь оно должно проявляться и в этом.

Да, они неслучайно назвали так свою выставку. И это могло показаться странным, потому что никаких расхожих признаков «современного» художественного видения в экспозиции не просматривалось. Никакого «самовыражения» методом доставания пяткой правой ноги левого уха, никакой попсы и туалетной чернухи.

Впрочем, некий «сюр» все-таки пробился. На одной из работ подчеркнуто крупным, но немногословным планом запечатлен фрагмент нашей обычной уличной свалки, где куклы с оторванными головами соседствовали с ломаной крышкой от унитаза, а циферблат навечно замолчавшего будильника почему-то выглядывал из нутра покореженного чайника. Но в одном ряду с представленными здесь великолепными пейзажами этот вроде бы случайный уличный экспромт звучал как заслуженное нами предупреждение о том неизбежном апокалипсисе в духе Иеронима Босха, к которому мы бездумно движемся в наших взаимоотношениях с природой, всеу величайшей при каждом случае не иначе, как мать-земля.

Мать-земля экспонируемых работ тем не менее многолика и прекрасна. И не только по той простой причине, что таковой является сама по себе. Фотомастера на этот раз славно задались целью продемонстрировать все, на что они способны в самых различных техниках, будь то классическое черно-белое изображение, или новомодный слайд, или маленькие хитрости при печати и вирировании. Своими тончайшими оттенками света и цвета, непритязательностью сюжетных коллизий и смен настроения они словно восставали против отведенного им судьбой тесного профессионального амплуа, выдираясь из узких рамок самого понятия - фотография, средствами оптической светозаписи, дерзко осмеливаясь решать задачи академической живописи и акварели, графики и пластики.

Фотограф! Этим бранным словечком иногда клеймят художников реалистического толка. Выступая на открытии выставки, живописец от Бога Джамбул Джумабаев торжественно, от имени всех присутствующих, возвел виновников торжества в сан истинных художников, с независимой прямо-той резко выделив их в разливанном море теперешней вседозволенности и агрессивной посредственности, которая в мутной водичке рыночной продажности спешит править свой скоротечный бал.

Но, если согласиться с Джамбулом в принципе, нельзя не заметить, что и расхожий ныне компромиссный гибрид словосочетания «фотохудожник» тоже диссонирует с духом работ «А и А студия», поскольку при всей разноплановости их выставки она вовсе не рассыпается на эклектическую мозаику когда-то виденного и случайного, от нее веет цельностью нравственной позиции и терпкой свежестью искреннего открытия. И держится этот материк на трех китах, на отчетливом триединстве священных для нормального человека понятий - отчей земли, трудовой старости, утреннего детства. И пусть в образах сельских стариков и старух не сквозит елей библейской мудрости и благообразия - эти морщинистые, обветренные лики созвучны суровым образам родных взгорий. Именно такие вызвали когда-то крылатую поэтическую формулу «лица необщим выраженьем». А это определение в мире искусств стоит многого.

Вот и обширная экспозиция детских образов... Нет, это не слащавые ангелочки, цветы жизни, из которых неизвестно когда и что будет. Каждый ребенок портретной галереи - вполне сформированный нашей повседневностью характер, сложившаяся личность, а значит, и наше будущее, которое, как

высший судья, строго и взыскательно глядит в глаза каждому из нас. И столь непривычная, прямодушная нелицеприятность этих ожидающих взглядов опять-таки проясняет, откуда на самом деле взялось название «Ощущение времени» и каким образом это, в общем-то, расхожее, газетное клише зазвучало вдруг с первородной свежестью.

Такой же первородной свежестью дышат и представленные на выставке пейзажи, чутко освобожденные от навязчивого присутствия антропогенной «бытовухи». Своей изначальной чистотой они словно возвращают нас к тем истокам, когда человек еще не научился плевать в родник, из которого только что напился, или бросать в него отслуживший свое сапог. И тишина, безлюдье этих пейзажей только подчеркивается одинокой юртой у края обрывистой речной террасы, только силуэтом скачущего вдалеке коня, только оглушительной глубиной неба, едва смягченной легкой прописью перистых облаков. Фотохудожники как будто впервые обнаружили над головой «пятый океан» и теперь, спеша поделиться своим открытием со зрителями, стали компоновать пейзаж по вертикали, так, что земля всплывает в поле зрения в самом низу, у обреза, невольно смещая наши помыслы к горным высям.

Небо крупным планом! К этому тоже надо суметь прийти, как и к крупным планам, к блоу ап человеческого лица, при этом умудриться избежать фиксации прыщей и прочей скверны.

Да, укрупнение. Во весь формат. Но только для всего человеческого, осмысленного и принципиально не временного, при всей краткости отпущенного нам века.

Иногда вместо юрты возникают гумбезы. Они то ли прорастают из красноцветной глины предгорий, на которой стоят, изваянные человеком, временем и ветром, то ли, наоборот, погружаются в эту кремнистую глину, растворяясь в ней, завершая извечный круговорот, так явственно напоминая о скоротечности всего сущего, драгоценность каждого проявления, которого мы все никак не можем осознать.

А именно мгновениям мы обязаны лучшими произведениями этой выставки. Вот почти библейский сюжет. Где-то в предгорной пустыне, в тени придорожной столетней ивы, в раковине мощно выгнутых над землей корней лежит, подобно ветхозаветному пророку Ионе в чреве кита, белобородый старец с распластанной книгой на груди. Они уж было проскочили мимо, и Саша, боковым зрением ухватив это необычное виденье, чуть ли не закричал, чтобы Алимжан, который вел

Вместе с писателем и автором очерка Л. Дядюченко «Правда» в руках. Но им удалось, и старик даже не проснулся, и такого кадра специально не найти, не повторить, не придумать.

А в той же фотозспедиции в ат-башинскую глубинку, на окраине какого-то затерянного в междугорье села, когда Саша постучался в дверь первого попавшегося домика и шагнул в неказистые сенцы, его встретил изумленный взгляд показавшейся из комнаты трогательно неуклюжей и, видимо, только что проснувшейся малышки в сбившейся набок красной юбочке, с упавшей на глаза густой прядью спутанных волос. И это мимолетное выражение детского изумления, и классическая для живописи антитеза красного на темном фоне дверного проема враз превратили моментальный снимок в художественное полотно. Оставалось только нажать на спусковую кнопку. А кто уж это сделает – он, Федоров, или Алимжан – неважно. Главное для них – увидеть. И передать дальше.

Словно спохватившись, что выставку пригрел не какой-нибудь добрый дядя, а все-таки Дом кино, мастера «А и А студия» включили-таки в экспозицию несколько давних работ из своего апробированного киноархива, запасами которого могли бы заполнить выставочные пространства не одного музея избирательных или каких еще искусств. Да и те фотографии строго отбирались с тем расчетом, чтобы они не выпадали из

машину, немедля бы затормозил, сдал бы назад, не разбудив при этом пустынного. Проснется старец, поднимется, и все пропадет, и ничего уже не восстановить, и сколько ни делай дублей - все будет казаться надуманной постановкой, как выглядит жалкой подделкой творческая находка фоторепортеров шестидесятых годов - чабан, пасущий овец со «спидолой» или с газетой

общего стилистического настроения и были вполне готовыми - печатать что-то заново уже не было времени. А так хотелось с тем же тщанием и душевным «настроением» вернуться к материалам с Бакен Кыдыкеевой, Саякбаем Каралаевым, Мелисом Убукеевым, Тугельбаем Сыдыкбековым, а еще к образам не столь именитых друзей и товарищей, с кем довелось жить и работать и которых «иных уж нет, а те – далече», которые остались разве что в его, Саши Федорова, негативах.

Ху есть ху?

Кто такой Саша Федоров? Можно, конечно, сослаться на известную среди профессионалов карточку «Кодак Про паспорт», подтверждающее членство в мировой кодаковской сети - реноме фотохудожника мирового класса, но это все-таки лишь формальное подтверждение достигнутого, куда интересней само восхождение к высокой отметке, преодоление ее.

А теперь – анкета. Александр Павлович Федоров родился 30 января 1949 года в городе Фрунзе, куда его родители, выпускники биологического факультета Томского университета, получили направление после защиты дипломов. Доктор биологических наук, профессор Федоров заведовал отделом физиологии растений Киргизского института земледелия. Выезжая в «поле», как назывались экспедиционные работы, отец непременно брал с собой «лейку» - самый распространенный в послевоенные годы фотоаппарат. Его популярность среди любителей объяснялась довольно просто: очень маленький и незаметный, не мешает в дороге, а во-вторых, в отличие от громоздких кассетных фотоаппаратов, «лейкой» можно щелкать и щелкать. Проблемы увеличения и качества как-то отходили на второй план.

Саша начал фотографировать в 4-5-м классе, вскоре, и уже осмысленно, сменив узкоплечную «лейку» на широкоформатную «Москву». Конечно, вместо 36 кадров на одной пленке здесь было всего 8, но их можно было печатать без увеличителя, контактным способом, тут же раздавать друзьям и знакомым.

Следующий этап - фотоаппарат «Зенит». Видоискатель «зеркалки» давал возможность видеть не только глубину резкости, но и весь будущий кадр, а значит, более точно определять его композицию, то есть уйти от моментального снимка - к художественному. А это стало особенно занимать юного фо-

токора, потому что в то время он уже определился в выборе будущей профессии - он будет работать в кино.

Понятно, какой мальчишка в те далекие послевоенные годы не мечтал о кино, тем более после просмотра таких «трофейных» фильмов, как «Тарзан», «Мост Ватерлоо» или «Джордж из Динки-Джаза». Но Сашу влекла не только возможность еще и еще раз попасть на сеанс «Бродяги» или «Трех мушкетеров», ему хотелось самому принять участие в сотворении фильмов, что могло сбыться, как его просветили всезнающие взрослые, только после окончания ВГИКа.

Даешь ВГИК?

Между тем поступить во ВГИК, в этот один из самых престижных вузов страны, было не так-то просто, тем более абитуриенту из далекой провинции. Во время вступительных экзаменов конкурс достигал 10-20 претендентов на одно место, и исход борьбы в каждом конкретном случае решали не только художнические способности поступающего или уровень его подготовки, что, к сожалению, часто не соответствовало одно другому. К примеру, Вася Шукшин оставался за бортом ВГИКа только потому, что допустил в сочинении несколько синтаксических промахов. И режиссер Никита Кончаловский в своих интервью с какой угодно искренностью может говорить о том, что он сам пробил себе дорогу, что поступал во ВГИК безо всякой помощи отца и, может, даже без его ведома и одобрения. Но впереди московского юноши Никиты Кончаловского все равно, хотел он этого или нет, шло имя его родителей, и именно оно первым пробивало брешь в официальной стене, а уж дальше получали возможность сказываться и сугубо личные достоинства. Очевидно, именно с учетом этих реалий каждая республика имела ежегодную бронь на гарантированное зачисление двух своих абитуриентов, прошедших отборочную комиссию по месту жительства. Но ведь и при распределении этих двух вакансий действовал тот же механизм, что и в Москве, осложненный еще и пятой графой анкеты.

Само собой подразумевалось, что в целях развития национальных кадров республиканские комиссии отдавали предпочтение абитуриентам коренной этнической принадлежности.

И надо было быть очень наивным мальчиком, чтобы дважды, из года в год, пытаться преодолеть барьер этой комиссии, имея весьма рядовую фамилию Федоров и два десятка, как требовали правила, лично выполненных фотографий, по которым авторитетной комиссии, состоящей из многоопытнейших, прозорливых кинематографистов предстояло якобы решить судьбу их автора на всю его жизнь вперед.

И что характерно, как любит выражаться, иронизируя над газетными штампами, Саша Федоров, уже в его ученических фотографиях упорно сквозит внимание к компоновке кадра, детали, главенствует крупный план, но напрочь отсутствует безразличность общего плана, что так свойственна любительским фотографиям.

Подобно Рембрандту, Ван Гогу, Петрову-Водкину и прочим, юный Федоров упорно работает над портретом, нещадно эксплуатируя в качестве натуры собственную физиономию. К ней он относится с большим пиететом, уважительно, как к зрелой самодостаточной личности, хотя с возрастом начинает снимать себя во все более легкомысленном шутиловом ракурсе.

Однако вернемся к эпопее борьбы за ВГИК. Не вписавшись со своей фамилией в концепцию приоритетного развития национальных кадров, Саша еще больше загорелся целью добиться своего. А так как для поступления в институт надо было иметь два года производственного стажа, Саша попытался устроиться в киностудии в качестве любого подсобного рабочего. Но и этот финт не удался. Стаж пришлось зарабатывать в Гипроводхозе. С удовольствием ездил в изыскательские экспедиции, таскал по «точкам» геодезическую рейку, сподобился чести держать в руках мензулу, кипрегель, теодолит – оптика, да еще какая!

Может, именно эти экспедиции сподвигли его в 1967 году поступить на горно-геологический факультет Фрунзенского политехнического. Через год понял - это не его. Хватило решимости забрать документы и вновь пойти на штурм киргизфильмовских ворот, но теперь уже используя широко развитый прием - через папу. Отец терпеть не мог подобных вещей, но тут сдался. Был он знаком с Михаилом Георгиевичем Аксаковым, кинодраматургом, членом художественного совета киностудии. Аксаков и помог Саше Федорову пробиться наконец-таки на теплое местечко - учеником супертехника.

В «Засаде». Костя Грязнов

Тогда, в 1968 году, молодой кинорежиссер Геннадий Базаров запускался с приключенческим фильмом «Засада» и комплектовал съемочную группу. Оператором-постановщиком был недавний выпускник ВГИКа Валерий Виленский, и ему понадобился супертехник. Супертехник! Звучит громко, а практически надо было катать по рельсам съемочную тележку, на которой восседали за камерой оператор с ассистентом, да перетаскивать с места на место и вообще обихаживать эту самую камеру «Союз» весом в 120 килограммов.

Но это было кино, к тому же Саша все время фотографировал. Сначала «Зенитом», который постоянно болтался у него на шее, затем - и любительской кинокамерой «Нева». А поскольку это происходило параллельно с работой профессионалов, у них на глазах, и стало быть, при их невольном творческом патронаже, Саша Федоров быстро обретал деловую хватку фотографа съемочной площадки, что не могло быть не замечено такими чуткими художниками, как Базаров и Виленский. Несомненно, быстрому профессиональному росту Федорова способствовало и то обстоятельство, что Валера Виленский, с редкой требовательностью относившийся к качеству изображения, постоянно делал срезки с отснятого материала и тут же, в экспедиции, их проявлял, не дожидаясь результатов производственной обработки очередной партии. Эту школу самоконтроля перенял у него и Саша, он стал постоянно возить с собой проявитель, все прочие необходимые химикаты, так что всегда знал, что у него уже реально есть и насколько плотней надо делать негатив. И однажды, когда штатный фотограф «Засады» то ли по болезни, то ли по семейным обстоятельствам внезапно уехал, Базаров остановил Сашу и просто сказал: «Хватит таскать тележку, бери под расписку «Практисикс» и вперед».

«Практисикс» в те времена котировалась как профессиональная камера высокого уровня, и такое распоряжение режиссера означало еще и то, что он, Федоров, принят в студийный фотоцех.

Фотоцехом заведовал Константин Михайлович Грязнов, человек в возрасте, сложившихся житейских и профессиональных правил. Звезд с неба он, может быть, и не хватал,

но своих подчиненных научил многому, и прежде всего – порядку. Когда Саша бывает в фотолабораториях иных своих коллег с их воспетым в художественной литературе творческим беспорядком, где на столах и подоконниках громоздятся вперемежку с рулонами негатива рваные конверты от фотобумаги, упаковки из-под фиксажа и окаменевшие хлебные корки - он всегда с благодарностью вспоминает Костю Грязнова, который в противовес своей «говорящей» фамилии терпеть не мог грязь в чем бы то ни было. Он никогда не хранил проявленные пленки в рулонах. Каждый негатив был аккуратно обрезан, помещен в отдельный конверт, на который была наклеена маленькая контролька с небольшой, в два-три слова сопроводителькой: что, где, когда. Так закладывались основы фототеки. И никакого мусора, никаких «следов пребывания». После работы все столы убирались, а то, что было почему-то оставлено, неизбежно оказывалось в мусорном ящике, где и надо было искать пропажу. Зато - никакой пыли. И на негативах поэтому - ни одной царапины. Они и спустя десятилетия поражают девственной чистотой, как будто их только-только вытащили из проявочного бачка.

Но это - одна, лабораторная сторона дела... Еще большей аккуратности и чистоты требовала профессия в поведении на съемочной площадке, и режиссеру Геннадию Садыровичу не пришлось разочароваться с годами в своем давнем протееже. Размышляя однажды в газетной статье о творчестве человека, всегда остающегося за кадром, он выразил своеобразие работы Федорова на съемочной площадке всего лишь одной фразой: «Неназойливое присутствие во всеобщей суматохе». А режиссер, конечно же, знал, о чем говорил. Саша всегда был неприметен. Он всегда был как бы в стороне, не мельтешил на площадке. Его не увлекал напряженный ритм съемок, он никогда не просил сделать еще один дубль для фото, он ничем не напоминал импозантных, за километр заметных, собратьев по ремеслу с их суетливой вездесущностью и показной расторопностью, с набором профессиональных стоек и гирляндами различных камер и объективов. Саша обычно был вооружен одной камерой, а в последнее время перешел опять на простецкий «Зенит» с его «полтинником», приводя в изумление иностранных корреспондентов «И вы делаете свои фотографии этим объективом?» - «Да, этим». Но не только объек-

тивом. Но и способностью быть в нужный момент в нужном месте, способностью знать, что ты хочешь сделать, ради чего нажимаешь на кнопку спускового механизма. И уж конечно - талантом глядеть за рамки снимаемого фильма, а тем более - конкретного и заранее оговоренного кадра.

Фотопробы кино?

А сфера деятельности фотографа на художественной картине и без того была достаточно обширна, тем более в советское время. По каждому фильму надо было выполнять около тысячи фотографий для фабрики «Рекламфильм», «Союзэкспортфильм», «Союзинформкино», для журналов «Советский экран», «Искусство кино», снабжать иллюстрациями репортажи местных и заезжих журналистов. Впрочем, фотограф привлекается нередко задолго до начала съемок. Так написанию режиссерского сценария «Белого парохода» предшествовали поездка в Минусинский край, работа в библиотеках и музеях по изучению иконографического материала, связанного с культурой этнически близких киргизам древних хакасов: по этим фотографиям работал над эскизами художник фильма Алексей Макаров. Большие возможности для знакомства со страной, для пейзажных фотографий давали поездки на выбор природы. А актерские фотопробы?

В поисках юного исполнителя роли мальчика в том же «Белом пароходе» Саша с режиссером Болотом Шамшиевым изъездили Прииссыккулье, Ошскую область, сделали около тысячи фотопроб и вернулись во Фрунзенское предместье Чон-Арыка, где третьим по счету был ими снят мальчик Нургазы Сыдыгалиев.

Не ошибиться в актере - это для режиссера, пожалуй, задача №1. И решить ее во многом помогает фотограф, его талант – разгадать истинный масштаб артиста. Вспоминая кинопробы, проведенные с Сашей Федоровым, исполнительница главной роли в фильме Толомуша Океева «Красное яблоко», Гульсара Ажибекова как-то сказала, что именно фотографии этого мастера дали ей возможность увидеть в себе то, чего она никогда не видела в зеркале, позволили ей утвердиться в рисунке исполняемой роли, усилить звучание отпущенного судьбой дара.

А уж если «натура» Федорову приглянулась - он не выпускал ее из виду не только после съемок, но и после завершения фильма невольно, еще неосознанно, но с редкой целеустремленностью составлял тем самым своеобразную фотолетопись той или иной личности. И если наиболее ярко это проявилось в случае с Чингизом Айтматовым и Суйменкулом Чокморовым, то не менее богата галерея таких многоплановых образов, как Советбек Джумадылов, Бакен Кыдыкеева, Сабира Кумушалиева, Болотбек Бейшеналиев...

Броня крепка и танки наши быстры...

За киношным монтажом рассказа, спутавшего всю последовательность времен и событий, как-то напрочь забылось то главное, ради чего юный Саша Федоров устраивался когда-то в киностудию - ради поступления во ВГИК. А ведь после базаровской «Засады» и фотоцеха Кости Грязнова была еще одна школа, и не без пользы - армия!

- А, киношник? - радостно встретили в военкомате, - «Три танкиста» видел кино? Ну, так походи, попробуй, что значит - броня крепка и танки наши быстры.

«Учебку» Саша проходил в Самарканде. Знаменитая самаркандская жара была возведена в куб стальной коробки списанного танка, на котором изучалась материальная часть. Учебный процесс строился по такому принципу: раскидай, почини, обкатай. Так что матчасть и вождение сдал на пятерку, дослужился до командира танка. Зато если для кого-то ремонт даже «жигуля» представляется непосильной задачей, то для Саши и доставшаяся от отца в наследство «Волга» первых выпусков проблем не создавала и послушно бегала по всем его репортерским делам, и только улетевшие под самый купол нашего всеобщего цирка цены на бензин вынудили сменить надежную «Волгу» на немецкую малолитражку, потребляющую к тому же сравнительно дешевую и привычную по армейской службе солярку.

Отслужив как надо - вернулся на студию. Куда же еще? И не сразу вспомнил, что теперь все то, что лишало его возможности поступать во ВГИК, было у него в наличии: производственный стаж и служба в армии. И тут он поймал себя на мысли о том, что учиться во ВГИКе уже расхотелось. Вернее, стало не за чем. Не то чтобы он «перегорел» или что-то име-

ет против профессиональной учебы, вовсе нет. Но ВГИК ему виделся как ключ к миру кино, а он теперь и так в мире кино и, начав изучать эту пирамиду с самых нижних ее этажей, теперь знает доподлинно, что он ни за какие коврижки не променяет свое свободное ремесло фотографа на ремесло того же оператора или режиссера.

На последних редутах

Пришли лихие девяностые. Кино, увы, умерло. Вернувшись в лабораторию, повздыхав и почертыхавшись (не очень-то комфортно чувствует себя человек, когда его выбрасывают, как отработанный материал), мужики, согласно действующему менталитету, выпили на посошок и разбрелись кто куда. Двое остались. Федоров и Алимжан Жоробаев, сравнительно недавно ставший на тропу кинофотографа. Сидели, думали, что делать дальше. Уволиться? И остаться без лаборатории? Где все продумано и налажено для серьезной работы? Остаться без ателье, где можно осуществлять любые съемки? А как быть с накопленным за десятилетия фотоархивом? Ведь это богатство, которому поистине нет цены. И все это бросить, оставить на распил случайным людям? И ради чего тогда все это было? Все эти киноэкспедиции, все эти фотопробы и выбор натуры, вся эта завораживающая охота за единственно нужным мгновением, освещением, состоянием человека, погоды, изнурительное приравнивание к тысячам организационных мелочей, лишь благоприятное совпадение которых позволяло сделать то, что давно уже продумано и найдено в голове? Ради денег? Да любой уличный, базарный фотограф зарабатывает куда больше и без всякой нервотрепки.

В самом деле? Интересная мысль. А что, если действительно...

Вот тогда-то Саша Федоров и его молодой напарник Алимжан Жоробаев и решились на свой страх и риск взять в аренду у почившей в бозе киностудии родной фотоцех. Дирекция студии, занявшая в переходный период выжидательную позицию и нуждавшаяся тем не менее хоть в каких-нибудь деньгах, отважилась все же на годовой эксперимент. И теперь бывшие киргизфильмовцы содержали себя и свой цех сами. Они платили за все. За каждый метр площади лаборатории. За электроэнергию и воду. За уборку территорий и охрану...

Но в карман, из которого приходится все время что-то доставать, надо и что-то положить, да еще и столько, чтобы хватало не только на пленку и химикалии, а тем более - на слайды, цены на которые подскочили до астрономических высот, но и на хлеб, на все то, без чего невозможно прожить. И где только не приходилось выискивать хоть какие-то заказы, чем только не вынуждены были они, и особенно первое время, заниматься!.. От коллективных фотографий выпускников средней школы до фоток на кладбищенские обелиски, от пейзажей для рекламы минеральной воды и водки - до портретов начинающих шоу-моделей, от сиюминутных газетных репортажей до календарей и открыток, хотя, если уж о том говорить, до фотоуслуг в саунах нынешних «крутых» никогда не опускались. И как в этой колготне выручали молодые ноги и энергия Алимжана, а еще его твердый характер, особенно в переговорах о гонораре, в которых Саша со своей устаревшей интеллигентностью частенько пасовал.

И все-таки, собирая по крохам, они умудрились выдержать не только испытательный год, но и пойти дальше, став для замершей в анабиозе студии пусть маломощной, но все же постоянно действующей капельницей, а еще и живым примером того, что можно и при всеобщем развале что-то реальное делать, и это куда лучше, хотя бы для личного нравственного здоровья, чем ждать у моря погоды и традиционно сетовать на свою невостребованность. И как тут не удивляться тем причудливым вензелям, которые иногда выделяет человеческая судьба! Тридцать лет назад Саша Федоров, с детства мечтавший о кино, долго не мог устроиться на работу в киностудию хотя бы подсобным рабочим. А теперь именно он стал одним из последних могикан, заняв с Алимжаном свой окопчик на обезлюдевших редутах киргизфильмовских позиций. А защищать есть что. И прежде всего собранную за десятилетия фототеку, где на контрольных все еще скачет с камчой в зубах яростный Суйменкул Чокморов, затягивается своей горестной сигаретой Бакен Кыдыкеева, изумленно, широко раскрытыми глазами смотрит на мир добра и зла маленький Нургазы, которому ни в кино, ни в жизни так и не довелось дожидаться своего «Белого парохода».

Утро туманное, утро седое...

А несколько лет назад Саша по предложению новорожденной городской газеты «Утро Бишкека» принял на себя хлопотные обязанности штатного фотокорреспондента. Поманила возможность расширить сферу деятельности, обновить контакты, пополнить свой фотобанк новыми работами. Да и возникла необходимость дистанцироваться от киностудийного руководства, которое по привычке все еще считало его и Алимжана работниками своего фотоцеха, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Утро Бишкека» создавалось при активной поддержке городской мэрии, явно желавшей получить «карманную» газету в противовес «Вечернему Бишкеку». «Вечерка» давно пристрелялась, что, кстати, нетрудно было делать, к ухабам и рытвинам в деятельности городских служб, и муниципальщикам пригрелось иметь среди акул пера свои золотые перья. В связи с вышеизложенным новорожденная редакция волевым решением получила в свое распоряжение здание ликвидированного как класс детсада, и редактор, а тем более женщина, очарованная лазурными перспективами сотрудничества со столичной мэрией, была столь же щедра и по отношению к своим сотрудникам. На этой волне Саше и Алимжану и удалось выпросить заброшенный флигелек, где прежде размещалась не то кухня, не то прачечная, под свою лабораторию. Тем более что капремонт они были согласны произвести своими силами и за свой счет. Страшно было приступать к реанимации этих прогнивших развалин, но желание иметь наконец-то свой угол возобладало. С фанатичным блеском в глазах основатели «А и А студия» корчевали старую канализацию, стелили полы, штукатурили стены, клеили плитку. Статус фотохудожников вынуждал делать не просто рабочую лабораторию, а пусть небольшой, но уютный по современным меркам офис для «А и А студия», в котором было бы не стыдно принимать своих многочисленных друзей и клиентов.

Глаза боятся, а руки делают. И они сделали все, как хотели, разве что не успели облицевать цоколь рваным камнем. Но камень завезли. Красный гранит. Должно было неплохо получиться, но получилось как всегда. Пока они занимались дизайном, а в перерывах - делали фоторепортажи и пили чай с обильно посыпавшимися визитерами, мэр в городе сменил-

ся, а новый, естественно, привел новых людей. И какие люди пришли! Новый редактор быстро показал рыночную хватку. А поскольку странная, невесть каким образом возникшая в его новой вотчине структура «А и А студия» проявила строптивость, уклоняясь от оброка и вассальной зависимости, чиновный назначенец в качестве ответной меры «положил глаз» на обустроенный флигелек, тем более что в бытность прежних хозяев положения никаких юридических документов касательно флигелька не было оформлено. Тем проще было новой метле дезавуировать, то есть, выражаясь языком межнационального общения, похерить все устные договоренности своего предшественника, не испытывая при этом ничего, кроме чувства глубокого удовлетворения.

Переезжая на новое, срочно снятое в аренду под ателье место обитания, они утешали себя тем, что все это не впервые, что у них были и более обидные и нелепые проколы, среди которых первой приходит на память история с альбомом «Саймалуу-Таш».

Саймалуу-Таш

Саймалуу-Таш в жизни Саши Федорова начался в 1985 году в связи с моим назначением на должность и. о. режиссера хроникально-документальных фильмов творческого объединения «Хроника» киностудии «Киргизфильм». Мне было поручено снять по заказу Республиканского общества охраны памятников истории и культуры КР научно-популярный фильм о крупнейшем в Центральной Азии скоплении наскальных изображений эпохи бронзы - Саймалуу-Таш. Почему именно мне? Дело в том, что несколькими годами ранее мной был написан сценарий аналогичного заказного фильма «Пред памятью Ала-Тоо», в котором одна из основных глав, наряду с комплексом средневековых мавзолеев Узгена и караван-сараям на Великом шелковом пути Таш-Рабат, была посвящена петроглифам Саймалуу-Таша. Фильм снимал такой мэтр киргизского кинематографа, как Кадыржан Кыдыралиев. Его изображение произвело такой эффект, что мы обрели полное доверие строгого председателя общества охраны, почетной патронессы национальной культуры Кулуйпы Кондучаловой, которая при первой же возможности заказала киностудии новый фильм, теперь уже исключительно о наскальной галерее.

Но Кадыржан, с которым мы летали на съемки в Саймалуу-Таш, на этот раз был занят более важной для творца работой - художественным фильмом, и рутинную заказуху из уважения то ли к Саймалуу-Ташу, то ли к самой Кулуйпе Кондучаловой (многие годы она была бессменным министром культуры республики) согласился выполнять другой мэтр «Киргизфильма» - Нуртай Борбиев.

Возможно, сыграло роль и то немаловажное обстоятельство, что когда-то, еще в шестидесятые годы, нам довелось вместе работать над первыми в своей киношной судьбе документальными короткометражками «В снегах Алая» и «Мыс гнедого скакуна», а впоследствии, в семидесятых годах, - над полнометражными документальными картинами «Советская Киргизия», «Кошой-Таш», над документальной новеллой «Чымын». Что касается Саши Федорова, то наше знакомство носило, скорее всего, шапочный характер, я знал его лишь издали, по «долгу службы», как одного из наиболее активных и опытных мастеров фотоцеха. Ну и, конечно, я знал его по фотографиям, сделанными в киноэкспедиции Альгиса Видугириса на Токтогульский створ, которые показались созвучными моей литературной работе над очерками о строителях Токтогульской ГЭС.

Мысль пригласить Федорова в Саймалуу-Таш возникла из весьма давних и туманных планов сделать когда-нибудь нечто вроде альбома, посвященного этому знаменитому памятнику первобытного искусства. А еще - из объективного осознания того факта, что на том уровне фотодела, которым я владею, с задачей достойно отснять Саймалуу-Таш мне не справиться, как бы я этого ни желал. И хотя на короткометражные, а тем более заказные фильмы единица фотографа не предусматривается, следовательно, платить будет нечем, Саша тут же согласился без всяких уговоров. И на то у него были свои резоны.

Он никогда не ограничивался тем миром, который выстраивал на съемочной площадке режиссер, ему всегда хотелось заглянуть за рамки кадра, за кулисы. Не меньше, чем игровая мизансцена, его интересовало то, что происходит у осветителей, у гримеров, у шоферов, в толпе местных жителей, глазющих на живую кухню изготовления кино. При каждом удобном случае, куда бы ни приехали, какая бы ни возникала пауза на съемочной площадке, он отправлялся бродить по окрестностям, в свободном поиске надеясь встретить что-то такое, ради чего стоило бы нажать на спусковую кнопку.

И такая пауза у него, очевидно, возникла. И она, естественно, совпала с запуском фильма «Саймалуу–Таш». Нет, вру. Как я мог забыть? Мы ведь с Сашей вместе работали на «Айланпе», у Кости Орозалиева с Виленским. Просто мы попадали в разные экспедиции, Саша был на Сон-Куле, в Таласе, на родине Айтматова, а я с ними летал на Сахалин, в гости к нивхам. А вместе... Да, были и вместе. У Кругмана, в Кара-Балтах. Нет, есть что вспомнить... И Саймалуу-Таш - особенно...

Каким-то образом в нашем вертолете оказался и художник-прикладник Джумабай Уметов, в чьих монументальных ала кийизах и чийниках стали появляться в ту пору первые мотивы древних петроглифов. Как помнится, его пригласил в эту поездку Нуртай Борбиев, случайно встретив художника в одну из последних перед отъездом минут. И когда после полуторачасового перелета через хребты Тянь-Шаня мы опустились в подперевальном цирке урочища Саймалуу-Таш, чуть выше миниатюрного озерца, облюбованного нами еще в поездке с Кадыржаном Кыдыралиевым, Джумабай и Саша первыми выскочили из вертолета. Пока мы разгружались, мотаясь под вращающимися лопастями с яуфами, штативами и тюками палаток, эти двое, как вырвавшиеся на волю мальчишки, с охотничьим азартом бегали от камня к камню с радостными воплями, обнаруживая чуть ли не у колес вертолета первые изображения козлов и оленей.

Мы же, как люди бывалые, берегли свои эмоции для более обстоятельного повода. Тем более что из-за большой высоты - всё-таки 3200 м над уровнем моря - экипаж двигателя не глушил, и это вынуждало нас поторапливаться с выгрузкой. И едва мы освободили салон, вертолет тут же улетел, забрав ошарашенного от счастья Джумабая, которому посчастливилось за пять минут хоть краешком, хоть мимоходом, но все же соприкоснуться с миром, который бытовал здесь несколько тысячелетий назад.

В нашем же распоряжении была целая неделя. И мы имели возможность делать все основательно. Поставили палатки. Разместились. Наш единственный рабочий Володя Долгин выложил из камней стеночку для прикрытия газовой плиты от перевальных ветров, приспособил под обеденный стол и сиденья крупные валуны. А пока готовился ужин, мы с Нуртаем сходили к так называемой черной морене, где были распо-

ложены наиболее богатые наскальные композиции, намечая объекты для завтрашних съемок. У нас был рулон красной декоративной бумаги. Ее лоскутьями, придавливая их камнями, мы помечали нужные нам плиты с петроглифами, и к вечеру черная морена празднично загорелась яркими искорками, недвусмысленно намекая на объем предстоящей работы.

Надо сказать, что при всей кажущейся простоте процесса «щелкать фотоаппаратом» задача стояла перед Сашей весьма многотрудная и в определенном смысле - ювелирная. Дело в том, что выгравированные, а где-то лишь тонко процарапанные по корке пустынного загара изображения покрылись со временем вторичной патиной, сквозь которую петроглиф подчас едва просматривается. А поскольку мы не знаем, что именно изображал древний художник, исследователю открывается широкое поле для весьма вольных прочтений и домыслов, которые обычно закрепляются всякого рода ретушью и прорисовками, чем так часто грешит иллюстративный материал даже серьезных научных статей. Вот почему, обсуждая эту проблему, мы поставили себе за непреложное правило не допускать при фотографировании никаких прорисовок, ни мелкими, ни красками. Тем более что добиться такого эффекта, который производит на зрителя оригинал, все равно невозможно. Даже в совершенстве, с помощью лучшей оптики и самых первоклассных фотоматериалов исполненный слайд передает лишь общее представление о петроглифе, лишь его графическую, но все же застывшую, неживую формулу. Здесь же, в родной среде, петроглиф живет и отражением бликов солнца в ручье, омывающем грань камня, и подвижной чересполосицей легких теней перьев дикого лука, колеблемых порывами ветра, и тем чередованием сумрака и света, когда морена накрывается тенью облака, проплывающего над ущельем. Тень тут же соскальзывает, сменяется вспышкой света, которым всякий раз как-то иначе высветит одно и забудет, обесцветит другое, сделав его невидимым. И потому каждое изображение совершенно иначе смотрится в полдень и к вечеру, в контравах лучах заходящего солнца, да и еще позже, когда солнце скрывается за горой, но свет, отраженный от окружающих склонов, какое-то время не дает сгуститься подступающим сумеркам. Именно в эти минуты из глубин каменных экранов вдруг проступают неясные отголоски стертых временем фигур, мимо которых можно не единожды пройти днем и ни-

чего не заметить. Да и в эти минуты неожиданных откровений слепого, мертвого камня надо еще походить, потоптаться вокруг него, чтобы попасть на ту единственную точку, с которой начинается читаться то, что, казалось бы, вовсе не существует.

Я то и дело слышу недипломатичные эпитеты Саши, которыми он награждает наших ученых предшественников, добывавших здесь материалы для своих статей и диссертаций. Видимо, во избежание путаницы они метили масляной краской все наиболее значительные композиции. Причем клеймение было осуществлено на самых видных местах, как это делается в затрапезных канцеляриях с конторскими шкафами и столами. И как бы Саша ни исхитрялся, в кадр настойчиво лезли инвентарные номера, разом разрушая все очарование первобытной тайны и красоты.

Мы быстро осваиваемся в Саймалуу-Таше. И если первое время радовались, встретив петроглиф, известный по описаниям в специальной литературе и по печатным репродукциям, то теперь старались перещеголять друг друга находками изображений, неизвестных и ни на что не похожих. Не потому ли к концу нашего пребывания в Саймалуу-Таше стало все отчетливей проявляться чувство того, что мы не одни в этом высокогорном безлюдье, что в замкнутой чаше горного цирка есть кто-то еще. Идешь по тропе, а тебе кажется, что на тебя кто-то смотрит. Оглянешься - из-за поникших от заморозков перьев дикого лука глядит на тебя изумленный человеческий лик, с матиссовской точностью и лаконизмом выявленный из небытия всего лишь двумя дугами бровей, знаками носа и глаз.

С другого камня приветливо смотрит личина еще более выразительная, это наша любимица, девочка-солнце, изображенная буквально по тексту детской считалки: точка, точка, запятая, минус, рожица кривая... Нет, рожица не кривая, это почти идеальный круг, от которого отходят 18 лучей, образующих не то подобие солнечной короны, не то прообраз прически иных современных рок-звезд. Что и говорить, ничто не вечно под луной, и все уже было. Но человек-солнце виден издали, мимо него не промчишься, а тут надо нагибаться к самой земле, так неприметна чуть выглядывающая из грунта грань базальтовой глыбы, так мал и едва проступает сквозь вторичный загар почти неразличимый петроглиф. Очень странная парочка. Таких я еще не видел. На голове одной фигуры виднеется несколько сатанинских рожек; у другой - веер растре-

панных кос. Взявшись за руки, парочка куда-то очень спешит, выделявая диковинные кренделя своими кривыми ножками.

Догнав Сашу, я поделился своими соображениями насчет лихой парочки. Мою информацию он отметил кивком головы, подтвердив, что парочка - полный «отпад», но он уже ее снял, а теперь хотел бы напоследок навестить «парашютистов», как мы окрестили про себя одну из самых экзотических композиций Саймалуу-Таша.

В научных статьях она названа весьма буднично: «Культурная пляска у жилища». Эти «жилища» своими сферическими куполами и словно подвешенными под ними человечками с гипертрофированными пятернями и напомнили нам парашютистов или вообще нечто связанное с небом и космосом.

Вернувшись в Бишкек, мы с нетерпением ждали из прояски материал, отснятый Нуртаем, то и дело звонили Саше по поводу результатов прояски его многочисленных пленок. Наконец, Саша проявился. У него - все в порядке. Материал есть. Остальное - покажет печать. Зато у Нуртая нас ждал полный «отпад» - брак. Весь материал пробит ОТК - брак пленочный, разложение, отслоение эмульсии, ни метра использовать нельзя.

Это была катастрофа. И только после нескольких дней отупелого бездействия мы поняли, что случившееся - не катастрофа, не беда, а выпавшая на нашу долю счастливая возможность еще раз оказаться в Саймалуу-Таше, что не всегда удается и профессиональным исследователям. И мы этот свалившийся с неба шанс не упустили. И материал, который мы заново отсняли, был во многом лучше давешнего, как-никак, а мы поднаторели в знании Саймалуу-Таша. Проявка на этот раз тоже прошла без сюрпризов, хотя, конечно, волновались: вдруг что-нибудь опять, а лето, даже бабье, уже прошло. А на пороге зимы в Саймалуу-Таше делать нечего.

Что же касается завершающего этапа работы над фильмом, то монтаж изображения, отснятого в Саймалуу-Таше, да еще Нуртаем Борбиевым, мог доставить только наслаждение, чему в немалой степени содействовало и музыкально-шумовое решение картины, искусно исполненное многоопытным звукооператором Николаем Степановичем Бондаренко. И для меня явился полной неожиданностью тот суровый прием, который был оказан первому варианту заказчиком - Кулуйпой Кондучаловой. Экс-министр культуры была беспощадна. Ее

не устроил, как я понял ее замечания, поверхностный, механический монтаж ничем особо не связанных иллюстраций, она надеялась увидеть более глубокую работу. Что говорить, поначалу ее нелюбимые слова не могли не задеть, и я не сразу осознал всю конструктивность ее замечаний. Но понимание пришло. И сдача второго варианта прошла благополучно, хотя без сучков и задоринки не обошлось.

Со сдачей фильма эпопея с Саймалуу-Ташем лишь вступила для нас в новую стадию. Накопив достаточное количество черно-белых и цветных отпечатков, мы приступили к макетированию альбома. Чуть ли не каждую неделю мы собирались у Саши в лаборатории, он торжественно вываливал на стол кипы свежих фотооттисков, и мы часами перебирали их так и эдак, подобно пушкинскому скупому рыцарю с его дублонами. Мы снова были там, на черной морене Саймалуу-Таша, у ее узорчатых плит. Мы вновь и вновь поднимались на священную гору, где так легко возникали в памяти рефрены гимнов Авесты и Ригведы, вчитывались в неведомые криптограммы солярных и лунарных знаков, блуждали спиралью высеченных на базальте троп и лабиринтов, испытывая от этих скитаний в затерянном мире неведомое прежде упоение.

- Ну, хорошо, - возвращал нас на бrenную землю Алимжан, начавший в то время свое сотрудничество с Сашей Федоровым и взиравший на наши бесконечные медитации с терпеливой усмешкой взрослого человек, - а дальше что конкретно?

Большой заплыв

Конкретно - альбом. Тем более что к нашим упражнениям в макетировании присоединился штатный художник ведущего киргизстанского издательства, фамилию которого из соображений гуманности здесь не хочется упоминать.

Поскольку времени на совместные бдения всегда не хватало, а жил этот профессионал где-то на другом конце города, он взял однажды на воскресенье объемистую стопку конвертов с лучшими слайдами, чтобы спокойно поработать с ними дома.

Больше мы этих слайдов не видели. А сам художник появился лишь спустя несколько дней, со следами физических воздействий на изрядно потасканной физиономии и почему-то

в сопровождении весьма холодно и отчужденно державшейся дамы, оказавшейся супругой. Как выяснилось, его ограбили. Точнее - обокрали. Исчезли все вещи, и ему, представляете положение, пришлось через весь город идти в трусах, потому что в такси никто не брал. Да и не было денег. Деньги были еще, но в брюках, а брюки, представьте, исчезли. Вместе с папкой, в которой находились слайды. Было жарко, и он решил освежиться и случайно далеко заплыл, а когда вернулся на берег - там ничего не было. Ни товарищей, ни вещей. На тот ли он берег вернулся? Что за намеки? Он не был пьян. Просто в тот раз, выходя из студии, он встретил старых друзей. Художников. Ну, пошли, посидели. А тут - пруды. И он увлекся, далеко заплыл. Виноват, конечно. Но что делать? У вас что, не было такого?

Пришлось эту пилюлю проглотить. Не драться же, не в суд подавать. А сколько труда, времени, средств - и все собаке под хвост? И что теперь делать? Провели полную ревизию всего оставшегося материала. Да здравствуют дубли! Да здравствует техника контратипирования и вирирования! Теряя одно качество, находишь другое, словом, «все не так уж сумрачно вблизи», как спел однажды наш замечательней бард. Главное, не опускать руки, не сдаваться. В народе, правда, говорят несколько иначе. Главное - не поддавать и не поддаваться.

И потому новый макет не мог, в конце концов, не появиться. Была предпринята и серьезная, казалось бы, попытка его реализации, на уровне директора государственного издательства. А итог - тот же. Нет смысла упоминать фамилию этого очередного «рыцаря на час». При теперешней чиновной чехарде концов все равно не найти, тем более - в Турции, куда пан директор повез макет показывать турецким коллегам, где его и оставил на предмет ознакомления. А затем директор сменил место работы, гражданство, и новый макет повторил странным образом судьбу первого, затерявшись на неизвестном каком берегу.

Но и на этой неудаче история с Саймалуу-Ташем для Саши Федорова не прервалась, а лишь получила все большее и большее развитие. А тут еще выпал случай, перед масштабом и фееричностью которого померкли все утраты, и уже происшедшие, и будущие, да, возможно, и сам Саймалуу-Таш.

Великий шелковый путь

Дело в том, что кинорежиссер Каридин Акматалиев запускаясь с полнометражным документальным фильмом о Великом шелковом пути и комплектовал команду для киноэкспедиции по маршруту от Западного Прикаспия до китайского Синьцзяна на востоке - включительно. Трудно представить человека, склонного к путешествиям во времени и пространстве, который отказался бы от участия в подобном сафари. И если из пяти мастеров тогдашнего фотоцеха такое приглашение получил в первую очередь Саша Федоров, то объяснение этому, наверно, надо искать прежде всего в том, что Каридин не единожды разглядывал Сашины слайды по Саймалуу-Ташу и тоже вынашивал идею сделать альбом, но по Великому пути.

- Саймалуу-Таш значит в программе киноэкспедиции? - только и спросил Саша.

Впрочем, ответ на этот вопрос уже не имел особого значения. Даже беглое знакомство с предполагаемым маршрутом могло повергнуть фотохудожника в состояние транса своей предельной концентрацией сюжетов и красок - одни названия чего стоят: Баку, Красноводск, Ашхабад, Ниса, Кушка, Термез, Мерв, Хива, Самарканд, Бухара, Душанбе, Хорог, Ишкашим, Мургаб, Алай, Иркештам, Ош, Узген, Саймалуу-Таш, Урумчи, Турфан, Ак-Бешим... Шел 1989 год. И эта исключительная насыщенность географии маршрута усиливалась внутривосточной ситуацией разваливающейся на куски страны. Киноэкспедиция буквально ехала то ли по еще тлеющим «горячим точкам», то ли по только возгорающимся, будь то Сумгаит, Баку, Душанбе или Фергана и Ош.

И когда в Дербенте они снимали крепостную стену, поставленную сотни лет назад поперек караванного пути и точно такую же - но уже в Таджикистане - они словно заглянули не в прошлое, а в эпоху парада суверенитетов с ее таможенными поборами и блокпостами. А гигантские руины Мерва, чье миллионное население, по свидетельству исторических хроник, было в течение нескольких дней вырезано монголами одного из чингизидов - словно предвосхищали для них трагедию Карабаха и Ура-Тюбе, Ферганы и Узгена.

Замедленность продвижения по «шелковому» маршруту вызывалась тем немаловажным обстоятельством, что в дневные часы вести съемки было совершенно невозможно - белое солнце пустыни напрочь «забивало картинку и приходилось

ждать так называемого режимного, то есть утреннего, а лучше - вечернего освещения, когда с появлением теней начинала звучать и пластика природного ландшафта, и рельеф пахсовой кладки археологических памятников. Днем же приходилось спасаться в тени глинобитных стен да в запойном потреблении зеленого чая. Пить воду было бесполезно, она тут не выступала ручьями пота, лишь усиливая жажду.

Это чувство постоянной жажды и ожоги прикосновения к раскаленному металлу машин, и возникшие в желтом лессовом мареве виденья небесных куполов Гури-эмира и Регистана вернули в годы армейской службы, и Саша не отказал себе в удовольствии снова, но теперь уже на кодаковскую пленку, поснимать величественную архаику руин мавзолея Биби-ханым, сфотографироваться, подобно всякому туристу, на фоне монументального каменного подкорманника. Тогда, в солдатской молодости, эта диковинная подставка для раскрытой для чтения книги не вызвала у него особенной реакции. Зато теперь настойчивым рефреном в нем зазвучал вопрос: какой же должна была быть сама та «главная книга», какой силой всеподчинявшего воздействия она обладала, где она теперь и была ли она вообще?

Подобный вопрос зазвучал в нем и на площади перед порталом медресе Улугбека, и при виде гигантского секстанта его обсерватории, напомнившего не только о величии человеческого разума во все времена, но и о его трагедийности, тем более что почти в это же время если и не срубили голову, как когда-то Улугбеку, то затоптали, захлопали на съезде Советов честные слова другого гения - Андрея Сахарова, отвергнутого обществом по закону, установленному еще Пушкиным – «гений и злодейство – две вещи несовместные»...

В дни пребывания в Самарканде, когда французские археологи позволили им в эксклюзивном порядке заснять на пленку фрески согдийских художников, только что вскрытые раскопом в многовековых напластованиях Афрасиаба, вспомнилось близкое по духу утверждение другого классика, настойчиво тиражируемое в последнее время, – красота спасет мир. Пока что-то не спасает, но, может быть, и спасет. И, скорей всего, лишь в том случае, если эта красота явится не со стороны, не как явление Христа народу на картине Александра Иванова, не как ниспосланная свыше благодать, а как нравственная доминанта, возникшая и окрепнувшая в самой человеческой душе.

От обилия впечатлений, от неутолимой жажды охватить обретающую вещественную конкретику все новые и новые исторические и географические миражи, сценарные прописи, такие ясные и четкие за письменным столом, затрещали по всем швам. И далеко не начинающий оператор Мурат Алиев, которого заставляла быть трезвым прагматиком сама специфика профессии, а еще больше - вполне конечные запасы пленки и творческого аппетита, становился все более категоричным в стремлении сократить маршрут, отказаться от всего лишнего и не относящегося к делу.

Но как назвать не относящимися к делу могучую цитадель и крепостные валы, перегородившие горный проход, Пенджикента, в окрестных аилах которого по сей день бытует поговорка про Куми Рум, где под Румом надо понимать Византию, а под Кумом - цену дороги через пески? Как обойти стороной долину Зеравшана и Анзобский перевал, если это дорога на Душанбе, а Душанбе - ворота на юг, к Пянджу. Пяндж! Круто изогнутой дугой он охватывает с юга весь Среднеазиатский регион и подножие Памира. А за крутящейся лентой его вспененных водоворотов - узкая полоска афганского берега и нависшие над ним недоступные выси Гиндукуша. Это - Афганистан. За Гиндукушем - Кашмир, за Кашмиром - Индия. И все это почти ощутимо, образно говоря, на дистанции одного человеческого взгляда, глубины резкости и светоразрешающей способности фото- и кинообъектива.

Удивительно, но даже в пустыне с усыпляющим единообразием ее раскаленных пространств, с монотонно тянущейся к горизонту и за горизонт мерно звучащей струной дороги путешествие не казалось таким изнурительно тягостным, как здесь, в теснинах Пянджа, с бесчисленными поворотами, изгибами, изломами ущелья, где вместо долгожданных явлений чего-то еще невиданного и неизвестного взгляд наткнулся лишь в очередные, неохотно расступающиеся грани скал, похожие одна на другую, давящие своей циклопической мощью и сверху, и с боков, и обрывающие дыхание ощущением опасной близости проскальзывающих по краю зрения бездн. И тяготность этой бесконечной езды усиливалась и малой скоростью - тут с ветерком не промчишься, и рискованными разминками с внезапно выскакивающими из-за поворота встречными машинами, и ограниченной возможностью пускать в работу свои фото- и кинокамеры, потому что масштабы лоб в лоб возникающей на пути «натуры» и тесной рамки

видоискателя оказывались до смешного несопоставимы, а отступить, отойти - некуда. Вот уж действительно «лицом к лицу лица не увидеть»! А когда в Пянджскую магистраль впадали такие мощные притоки, как Ванч, Язгулем, Бартанг, каменные тиски на мгновение расступались и, как мимолетные отдушины, взгляду открывались ласточкины гнезда кишлаков и развешанные на слоеных пирогах скал цветастые заплатки рукотворных карликовых полей - входить в эти малые человеческие анклавки уже не было времени.

И успевалось только то, что успевалось на ходу, по-репортерски, воистину моментальное фото! Или, как говорят художники, работающие по сырой, незатвердевшей краске, - алла прима! Небольшую остановку дозволили себе лишь в Хороге - столице Бадахшана. Смотреть в этом большом кишлаке, возникшем рядом с укреплением русского погранотряда в конце прошлого века, особенно нечего, просто потребовалась маленькая передышка для профилактики тормозных систем автомашин, а еще для того, чтобы решить, каким путем продвигаться к Ошу - более коротким, по долине Гунта, где пролегает основная ветвь Памирского тракта Ош - Хорог, или более кружным, дальше по Пянджу, через самую южную точку Юго-Западного Памира - райцентр Ишкашим. Решили идти на Ишкашим.

И были вознаграждены. Они пили великолепный нарзан прямо, как говорится, из первых рук - источники пузырились чуть ли не из-под автомобильных колес. Они проезжали опять-таки мимо известных с глубокой древности копей благородного лала, а теперь - крошечного, в несколько дымных чидов (горских хижин) кишлака Кухи-Лал. Мимо белоснежных туфовых ванн и бьющих из них гейзеров термального источника Гарм-Чашма. Кажется, даже среди необозримых руин Мерва не возникало у Федорова столь явственного ощущения древности, как оно чувствовалось в этом краю первородного камня, еще не прикрытого тощим плащом суглинка и низкорослых эндемиков высокогорья, но увенчанных наверхами башен Ямчуна и Вахана.

Пустыни Восточного Памира... Пыль и песок на зубах, на стеклах очков и объективах, душевный дискомфорт от затяжного зрелища бесприютных пространств, усугубляемый головной болью то ли от всепроникающих паров бензина и выхлопных газов, то ли от резкого подъема на четырехкилометровую высоту.

И если справедливо броское выражение «Памир - крыша мира», то эта «крыша», скорей всего, сравнима с плоской кровлей ваханского жилья, с пылью и камнями ее глиняного покрытия. Впрочем, здесь никаких хижин на сотни километров нет, они остались за серпантинами Харгуша. Да и Аличурская долина с ее холодными озерами, медлительным течением ветвящихся протоков в сазовых кочкарниках болотистых берегов скорей напомнила северную тундру, окантуренную по краям грядками карликовых хребтов, утонувших в собственных осыпях. Ветер тащит за машинами шлейфы пыли, закручивает воронки тут же опадающих смерчей. Бодрящее разнообразие вносили все чаще появляющиеся встречные грузовики с ошскими номерами, как примета скорой встречи с родной землей. И вот эта встреча произошла, но куда раньше, чем это можно было ожидать, судя по административной карте - почти на середине памирского тракта, в самом сердце восточно-бадахшанских плоскогорий.

Мургаб! Некоронованная столица памирских киргизов. Россыпь одноэтажных, обшарпанных ветрами домишек, напоминая — не сложные из камня сакли Вахана и Лянгара, а скорее — плоскрышие мазанки рыбачинских шоферов. Впрочем, если теперешний Балыкчи обзавелся своими микрорайонами и приоделся в зеленые посадки, то в Мургабе нет ни единого деревца, да и как им тут быть? Нежданно-негаданно экспедиция угодила на праздник животноводов, и тут уж было все как положено. И скачки, и козлодрание, и выставки творений народных умельцев, дымили очаги, в закопченных котлах варилось мясо для бешбармака - словом, все как на «большой земле». Но чего никогда не приходилось видеть в Киргизии - так это солидную экспозицию вещей киргизской кочевой старины, в том числе и знаменитые жамбы - большие слитки серебра в виде человеческой почки, употреблявшиеся в древности в качестве китайской денежной единицы и фигурировавшие в эпосе «Манас» при описании различных конных игрищ и состязаний баатыров.

Но впереди их ждал не менее легендарный перевал - Акбайтал, где на высоту 4655 метров над уровнем моря можно совершить восхождение, спрыгнув с автомобильной подножки. Так что когда киношники в своих байках о путешествиях по горам Тянь-Шаня и Памира утверждают, что без всяких там альпинистских штучек-дрючек, всяких там репшнур-веревочек,

ледорубов и кошек поднимались на пятитысячник - большой натяжки в этом нет. В юности Саша Федоров тоже не избежал искушения бродить с ледорубом по альпинистским тропам Ала-Арчи, что и было задокументировано на его ранних фотографиях. Однако личный рекорд высоты свершился все же на Акбайтале, вспомнившемся разве что бесконечными тягунами, надрывным воем обессилевших моторов, да головной болью, стихавшей по мере снижения к черной полоске озера Кара-Куль, оцепенело стынувшей в бурых щебнистых берегах пустыни Маркан-Су.

Иногда взгляд натыкался на полузасыпанные песком груды камней, увенчанные выбеленными солнцем рогами архаров и козорогов - затерянные в пустыне времени памятники бог знает каких эпох и народов. А едва грудой пыльных зачитанных книг остались позади бурые развалы перевала Кызыл-Арт, дорога скользнула вниз, к зеленому блюду Алайской долины, расписанному красными после дождя меандрами Чон-Кызыл-Су.

Так замкнулся круг. Потому что в низовьях эта река уже встречалась с ними под именами Сурхоба и Вахша, а теперь Памир остался позади, и отсюда, с киргизской земли, он выглядел парадным строем исполинских вершин Заалайского хребта, за белоснежной стеной которых бесследно укрылось невзрачное убожество восточно-памирских пустошей.

Теперь бы только на север, где за прохладными высотами перевалов Катын-Арт и Талдык их ждал жаркий Ош.

В Оше - первый визит на поклон к Сулейманке. К мечетям и гуристану подножий, к «белому домику» и вершинным плитам ее петушиного гребня, отполированного за века подошвами сотен поколений паломников со всех сторон света. В немыслимых напластованиях всевозможных надписей и рисунков эпохи всеобщей грамотности предстояло отыскать изображения лабиринтов, подстать петроглифам Саймалуу-Таша. Нашли. Но прежде чем приступить к съемкам, художнику экспедиции Кошону Конгурбаеву предстояло с помощью ретуши убрать все современные криптограммы в виде сердец, самолетов и «здесь были Абды и Гена». Еще большую работу ему довелось осуществить в Араване, на скалах Дуль-Дуль-Аты, где метровые изображения лошадей Давани были вкривь и вкось изувечены и варварской гравировкой, и масляными красками. Со всем этим Саша Федоров сталкивался, увы, не впервые.

После Аравана - обязательный пункт программы всех путешествующих по югу Киргизии - Узген. Средневековые реликвии эпохи Караханидов - минарет и мавзолеи, создателей которых, твори они в эпоху Никиты Сергеевича, непременно обвинили бы в архитектурных излишествах и преклонении перед Западом (если «запад» - культовая архитектура Самарканда и Бухары).

И эти излишества, великолепные сами по себе, дают еще и прекрасную возможность жителям Киргизии, не покидая республики, знакомиться со всем богатейшим арсеналом декоративных, орнаментальных средств терракоты, ганча, куфической и геометрической графики, использовавшихся в самых знаменитых творениях среднеазиатских зодчих прошлого. Причем Саше повезло увидеть и фотографировать памятники Узгена до проведения тут капитальных восстановительных работ, что дало возможность испытать впечатление от исторического подлинника, которое подчас утрачивается даже при самой осторожной и профессиональной реставрации. И, конечно же, его и всю группу киношников можно постфактум поздравить с тем, что им повезло проскочить по своему великолепному маршруту до начала бакинских событий, до гражданской войны в Таджикистане, до ошских и узгенских трагедий, испытав на себе лишь отдаленное эхо ферганских и намаганских столкновений. Они оказались везунчиками, подобно тому анекдотическому счастливицу, которому удалось прошмыгнуть между струями проливного дождя. Да и все путешествие в целом - разве это не счастливый билет судьбы?

Заключительный этап марафона по Великому шелковому пути оказался не менее обширным и насыщенным, чем его начало. И хотя многое из этой части программы было знакомо - сведенное на этот раз воедино и обогащенное посещением новых мест, стало событием, которое едва ли когда еще удастся повторить. Тут была вся Чуйская долина с городищами Ак-Бешима и Красной речки, с наскальной Буддой Иссык-Атинских терм и археологическим комплексом башни Бурана, и Иссык-Кульское кольцо с заходами в Тамгу и Джуюку, и Ат-башинский караван-сарай Таш-Рабат, и городище Кошой-Коргон, а на последние экспедиционные деньги режиссер нанял вертолет, и они три дня летали над Тянь-Шанем, с высоты птичьего полета прослеживая караванные тропы через основные горные проходы - перевалы Бедель и Джуюка, с облетом

Хан-Тенгри, ледника Энилчек, благо с погодой повезло так, как может повезти только абсолютным счастливицам.

И все-таки самым ярким эпизодом завершающей части кинофотопаломничества по Великому шелковому пути были не облет Хан-Тенгри, не авантурные маневры в дружественном, но строгом зарубежье, а восхождение на Саймалуу-Таш, последовавшее вскоре после съемок на Сулейманке.

Саймалуу-Таш–2

Да, если честно признаться, им уже и расхотелось куда бы то ни было ступить. За три месяца экспедиционных мытарств они так «наелись» шелковых путей, что моральный дух группы, особенно молодого среднего звена, вполне соответствовал состоянию нанятых кляч, которые оказались на чабанском подворье только по той простой причине, что были забракованы и не попали на сенокос. Деморализующе подействовал на личный состав и сепаратный отлет во Фрунзе директора Дюшалиева с сыном, которые теперь, вот счастливицы, кайфуют в эти минуты в домашней обустроенности, смотрят мыльные оперы и чего-нибудь вкусенькое жуют. А тут, глядя на ночь, ползи бог знает куда по едва различимой в сумраке тропе, с каждым шагом ощущая все большее несоответствие личной экипировки и окружающей среды. Конечно, были альтернативные пожелания, в частности - отложить восхождение на утро, но командор, видимо, уже просчитав по времени все возможные варианты, был непреклонен, ответив инакомыслящим почти буквальной цитатой из песенного наследия Владимира Семеновича: «Отставить разговоры, вперед и вверх, а там... Ведь это - наши горы, они помогут нам...» Горы, однако, с помощью не спешили, и Саша Федоров иллюзий на этот счет не строил, а пока еще шли по лесной зоне и было что-то видно, предложил натолкать во вьюки как можно больше сухих сучьев, а каждому взять в руки по хорошему дрыну. «На Саймалуу-Таше дров нет», - пояснил он. Мысль об огне понравилась, тем более что дрын в руках давал дополнительную точку опоры и ориентировки в сгущавшейся темноте. Какой там перевал - не было видно даже звезд. К полночи начал накрапывать дождь и настойчивые предложения заночевать начали приобретать характер бунта на корабле.

Тут встала одна из лошадей. Ее выюк сполз под брюхо, на что дрожащий от холода ассистент никак не отреагировал. При виде этого зрелища даже корректный Кошон не выдержал и удостоил оступевшего от усталости юношу неформальной лексикой. Еще бы! Лошади не переносят седла или выюка под брюхом, они пугаются и пускаются в такой скач, пока не сбросят все, что на них навьючено, или не свалятся под обрыв. А во выюке - камера. Слава богу, кляча не годилась на галоп, но выюк пришлось срочно снимать. Заодно развьючили и вторую лошадь. Саша чувствовал, что палатка, которую они разглядели снизу, перед походом, где-то рядом, что вставать на ночь где попало - нелепо, но его доводы не действовали. Тогда он взвалил на спину свой рюкзак и не оглядываясь зашагал вперед. Личный пример? Да нет, просто предпочел остаток ночи провести в чабанской палатке.

Тьма была такой густой, что с этим чабаном он столкнулся нос к носу, даже шарахнулись друг от друга от неожиданности. Есть же люди! Оказывается, чабан с самого начала наблюдал в бинокль за поднимающейся группой и обеспокоился, куда она вдруг могла подеваться.

- Ну и время вы выбрали, - сказал владелец палатки, почти дословно повторив сакраментальную фразу туркменских чабанов.

- Какое? - решил уточнить Каридин, устраиваясь в глубине палатки поудобнее.

- Конец месяца, новолуние. Три-четыре дня непогоды, - пояснил чабан.

Командор отмолчался. Разговоры уже не имели значения. Да и не было сил.

Утром на рысях одолели перевальные осыпи. Шел мокрый снег, и прохлаждаться особенно не хотелось. И любоваться открывшимися с перевальной седловины просторами желанья и возможности не возникало - пуржило. С перевала скатились относительно быстро, хотя сандалии на заснеженной тропе - обувь не самая уместная. Палатку разбили по традиции у озерца, чтобы не бегать с чайником далеко, хотя при внимательном рассмотрении вода оказалась кишасей простейшими - всякими там запомнившимися со школьных уроков биологии эвгленами зелеными и парамециями-туфельками. Но что это значило по сравнению с той водой, которую приходилось пить в Туркмении? Базара нет!

Заниматься съемками петроглифов в такой «пасмур» не представлялось возможным, и потому большую часть дня отсиживались в палатке, пока не услышали постукивание посыпавшихся со скал камешков, а следом - призывное бляение какой-то заблудшей овцы. Выглянули - в самом деле, овца. Причем белая. А это знак особый, кто понимает. Кроме нее - на склоне никого и ничего, что и спровоцировало появление криминальных замыслов. Однако законопослушный Кошон вспомнил о пастушечьем вигваме, который он якобы усмотрел с перевала, и предложил навестить пастуха на предмет опознания обнаруженного барана. Вернулся Кошон с пастухом. Тот заявил, что никто из откочевавших пару дней назад чабанов не заявлял о пропаже, стало быть, эта шальная овца - не иначе как дар небес, и ее просто необходимо принести в жертву духам Саймалуу-Таша. Предложение было единогласно поддержано, а за ритуальными обрядами дело не стало. А поскольку необходимый кухонный инвентарь был только у пастуха - пришлось отправиться на его стоянку, километра за два вниз по ущелью. Но это расстояние никого не смутило, а когда кто-то вспомнил, что день - необычный, что 27 августа - это как-никак праздник советского кино - последние сомнения и вовсе отпали. На высоте более 3 тысячи метров мясо варится долго, так что в обратный путь выступили заполночь, а когда до бивака осталось минут двадцать ходу, ударил ливень.

Да такой, что вымокли до нитки. Спать в мокром - да еще на такой высоте - верный шанс схватить пневмонию, а это в планы Саши Федорова не входило. Попросил ребят натянуть пленку, под ее защитой нащипал лучин, разжег костер. Пригодились и прихваченные на всякий случай фальшвееры - их термитная начинка давала затяжной и сильный жар. Так что смогли обсушиться и обошлось без простуды.

Наверное, жертвенный барашек был принят наверху во внимание, потому что на следующий день божественный Митра выехал на своей солнечной колеснице, и небосвод, промытый накануне столь щедрым дождем, был безупречен. А как заблистали своим металлическим отливом базальтовые глыбы! Как проявилось на зеркалах плит охристое плетение сакральной тайнописи! Еще вчера, спускаясь сквозь ненастную смурь к войлочному вигваму пастуха, Саша заметил, что здесь, на левобережье ущелья, куда не достало времени добраться в первое посещение Саймалуу-Таша, петроглифов не

меньше, чем на правобережье, на знаменитой черной морене, только надо время, чтобы разглядеть их сквозь полегшую от первых заморозков траву. Но времени не было и теперь. Каридин уже поглядывал на солнце, на часы - он уже заторопился с возвращением. Да и что Саймалуу-Таш для его фильма? Один из эпизодов многочастевой ленты, в которую войдет всего лишь несколько планов. А Мурат отстрелял уже не одну кассету. Да, развернулись, пошли назад. И к вечеру уже высаживались по машинам, водители которых к тому времени не знали, что и думать. А еще через сутки, через заученные наизусть узоры серпантинных Кок-Беля, Ала-Беля и Тюя-Ацу, подмотав шесть сотен километров Великого киргизского тракта к тысячам километров еще более Великого - шелкового пути, появились дома, с порога которого тут же начался отсчет другого этапа - проявочного, монтажно-тонировочного, возвращающего все на круги своя.

Уже тогда без всякой паузы возник настойчивый замысел нового посещения Саймалуу-Таша, но уже ни с кем и ни с чем не связанным, абсолютно свободным и ни от чего независимым. Разве что в составе «А иА студия», да в соответствии с пожеланиями директора издательства «Раритет» Виктора Кадырова, с которым проявились общие и весьма заманчивые проекты по изданию альбома «Саймалуу-Таш» и красочных буклетов, посвященных всем областям Кыргызстана, да еще в союзе с Жумагулом Ташиевым, ярим толчком новой экспедиции на Саймалуу-Таш.

Жумагул Ташиев - сорокалетний художник-прикладник, родом из Ат-Башинского района. Первые навыки народного умельца получил от отца, сельского мастера по дереву. Окончил Фрунзенское художественное училище, отделение керамики, увлечение пластикой привело его к петроглифам Киргизии, и неизбежно - к фотографиям Александра Федорова. Именно исполненная мастером контрастная графика черно-белого снимка помогла Жумагулу увидеть суть петроглифа, чтобы затем, не искажая его композиции, его неведомого нам мифологического подтекста, уйти от мелочного следования подробностям к обобщающему образу, к оригинальному произведению. К тем вазам, чашам и блюдам, на сферах которых обрели новую жизнь виденья двух-, трехтысячелетней давности с их шествиями луноподобных и солнцеподобных божеств, с небесными колесницами, с ритуальными плясками ряженных

магов, солярными символами протоиранского, протоиндийского толка, столь созвучными гимнам Авесты и Ригведы.

Да и в самом деле, с чего все началось? Быть может, со знаменитых чийников и ала кийизов недавно скончавшегося Жумабая Уметова? Ведь именно в работах этого замечательного художника впервые зазвучали мотивы наскального эпоса киргизских гор?

Или все же причиной тому сами глыбы Саймалуу-Таша, чьи раковистые сколы и стекловатая побежалость базальтов так перекликаются с керамикой, ее полихромным поливом и текстурой обожженной глины?

Причем неожиданный на первый взгляд симбиоз фотографа и керамиста возник и проявился не только в создании совместных выставочных экспозиций, но и в учреждении общества «Саймалуу-Таш», которое, кстати, юридически было зарегистрировано совсем под другим названием, поскольку первичное было уже использовано более расторопными. Так или иначе, но керамист получил еще и титул президента, что, видимо, и сподвигло его поддержать идею Федорова о новой целевой и абсолютно независимой экспедиции на Саймалуу-Таш.

После очерка

От редакции. Когда Леонид Дядюченко в день рождения Александра Федорова передавал текст этого очерка, чтобы он сам распорядился судьбой столь необычного и щедрого подарка, ему самому, видимо, дано было почувствовать близость заката собственной жизни, тогда как им уже был начат большой и неотложный труд – создание книги в серии ЖЗЛК о выдающемся кинорежиссере Толомуше Окееве.

Эта замечательная книга Леонида Борисовича, ставшая своеобразным ориентиром, путеводителем по профессии и в целом по жизни для наших кинематографистов, да и всех творческих людей, вышла в свет в 2005 году, почти одновременно с уходом ее автора.

Вполне понятно, что при таком драматическом стечении обстоятельств забота о публикации подаренного писателем очерка надолго отступила у Александра Федорова на второй план. И только теперь, в канун своего семидесятилетия, он решил предложить его «Литературному Кыргызстану». Но в очерке Леонида Дядюченко уже так давно поставлена точка.

За это время его герой, фотохудожник Александр Федоров, как он сам признается, «много чего наколбасил». Перечислим из этого только основное:

- создание с Алимжаном Жоробаевым фундаментального цикла фоторепортажей и фотоэссе о Кыргызстане, которым на протяжении трех лет «Вечерний Бишкек» отводил газетные полосы и развороты;
- ежегодный выпуск цветных календарей, что позволяло соединить творчество с коммерцией;
- создание с писателем Владимиром Михайловым альбомов «Кинолента памяти» – об истории кыргызского кино и «Байки о кино» – здесь название говорит само за себя;
- выпуск авторского фотоальбома «Черным по белому»;
- создание с Жолдошбеком Сулаймановым альбома «Вся жизнь – трюк» об Усене Кудайбергенове;
- фотоиллюстрирование книги Мамасалы Апышева «Суйменкул Чокморов», вышедшей в серии ЖЗЛК;
- создание фотоальбома «Мой Айтматов» – к 90-летию великого писателя;
- кроме того, были многочисленные работы, тематически связанные с Кыргызстаном и выполненные совместно с книгоиздателем и писателем Виктором Кадыровым.

От всей души поздравляем Александра Федорова со знаковым юбилеем и желаем крепкого здоровья – на благо родным и близким, а также зоркого и доброго глаза в фотокамеру – на радость всем остальным!

**Редакция журнала
«Литературный Кыргызстан»**

***КРИТИКА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***

Акбар РЫСКУЛОВ
народный поэт Кыргызстана

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА И ИСПЫТАНИЕ БУДУЩИМ

2018 год был ознаменован юбилеем – 90-летием Чингиза Айтматова. По всему миру прошли мероприятия, посвящённые киргизскому писателю, его именем называли улицы и парки, воздвигались памятники, проводились художественные и книжные выставки. Представители разных стран читали произведения Чингиза Айтматова по интернету. 12 декабря – день рождения Чингиза Торекуловича – в Кыргызстане объявлен днем писателя. В этот день читатели отдадут дань выдающему художнику и гражданину. Прошли праздничные дни, поутихли возвеличивающие речи, реже стало звучать имя Чингиза Айтматова в средствах массовой информации. Однако творчество писателя неизбежно будет привлекать читателей своими художественными мирами.

«Литературный Кыргызстан» публикует эссе председателя Национального союза писателей Кыргызстана Акбара Рыскулова, рассуждающего об истоках творчества Чингиза Айтматова.

Как неумолим ход времени! В горькие дни утраты, когда мы провожали в последний путь всемирно известного писателя и мыслителя, мне казалось, что само время разделилось на две части пополам: до и после Учителя. Ибо мы были современниками этого великого художника, с восторгом и упоением зачитывались творениями его духа, а теперь нам предстоит жить в совсем другом измерении. Стало быть, продолжателям дела Учителя – нам с вами – на пороге третьего тысячелетия

предстоит искать новые ответы на извечные вопросы в интересах будущего.

Утешался и успокаивал себя тем, что заново перечитывал его наследие и искал опоры в его же мудрых мыслях: «... самая глубокая печаль настигает человека в минуту, казалось бы, наивысшего счастья, ибо он всегда думает обо всем в мире, обо всех людях, ныне живущих и живших задолго до него».

Да, каждому поколению человечества начертано искать и находить ответы на непростые вопросы своего времени. Стало быть, нам, продолжателям дела Учителя, суждена такая же непростая участь: всем вместе и сообща находить ответы на вызовы современности. В год 90-летия классика на берегу его любимого озера прошло очередное заседание «Иссык-Кульского форума», традиции которого были заложены самим Ч.Айтматовым и другими видными интеллектуалами мира. Знаменитый форум, снявший в свое время «железный занавес» между Востоком и Западом, теперь уже третий по счету, прошел на Иссык-Куле, к сожалению, без его участия, но под яркой звездой Чингиза Айтматова. Все участники еще раз убедились, что мир Айтматова многогранен, но он прежде всего признанный писатель и мыслитель планетарного масштаба.

На память приходили откровения Луи Арагона: « ...в этом Париже, который все перевидал, все перечитал, все испытал... я прочел «Джамилю», не стало для меня Ромео и Джульетты, Паоло и Франчески, Эрнани и доньи Соль... ибо летом третьего года войны, августовской ночью 1943 года, где-то в долине реки Куркуроу я встретил Данияра и Джамилю с их груженными бричками и мальчика Сеита...»

В унисон классику французской словестности всем нам хочется проникнуть в творческий вернисаж Ч.Айтматова, любоваться и понять сокрытые тайны творческого мира. Есть много вещей изречений, точных и прерасных высказываний в богатом наследии, творческом арсенале Ч.Айтматова, которые, выдержав испытание времени, стали поистине крылатыми. Одно из них в оригинале на кыргызском языке звучит так: «Ааламга кеткен жол айылдан башталат».

Действительно, каждая дорога берет начало у порога родного дома, а путь, ведущий во Вселенную, начинается с малой родины, с аила. Всегда и везде было так. На первый взгляд,

эта простая мысль не нуждается в особых комментариях, вместе с тем здесь заложены гениальная простота и непомерная глубина, ибо классик очень точно определил суть своего начала и те истоки, откуда питаются его корни. Судьбоносное назначение художника еще таинственнее, быть может, предопределяется объективными причинами еще до рождения его.

Говорят, «таланты рождаются плеядами». Да, плеядами, но во главе своих истинных лидеров, исторических личностей. В широких просторах Евро-Азии, чтобы родить такого писателя и мыслителя, как Чингиз Айтматов, Ее величество истории пришлось потратить многие века: если считать со времен Низами – 500 лет, а если брать с Жусупа Баласагына или Махмуда Барскани – то целое тысячелетие. Такова тайна прихода гения!

Каждый мыслящий индивид, подобно античному Антею, набирает силы там, где он родился, где разрезали ему пуповину, где он рос, прошел путь становления, получал жизненную энергию. Как не выбирают родителей, так и не выбирают родных, соседей, родную землю. Но от них берут начало судьбоносные мысли, как реки впитываются вечными ледниками.

Родина Чингиза Айтматова – древняя и вечно молодая кыргызская земля. Шекер – его родное село. И это название Шекер, и это небольшое селение, которое затерялось в глубинах Таласской области, вскоре окажется на слуху у многих и превратится в своеобразную Мекку почитателей творчества всемирно известного писателя. Ибо именно здесь молодой Чингиз встречал восход утреннего солнца, провожал закаты, любовался плывущими облаками над головой, играл со сверстниками в кости, испытывал на неокрепшем теле стихии природы: дождей, снегов и ветра.

Интересно, что самое первое интервью будущего писателя было опубликовано в печати в его раннем возрасте. Будучи главным редактором республиканской молодежной газеты «Ленинчил жаш», я натолкнулся на довольно интересный факт. В 1986 году мы готовили праздничный номер из лучших публикаций нашей газеты. И среди прочих заново опубликовали небольшой материал более чем полувековой давности, который вызвал живой интерес у читателей. Журналист молодежной газеты, а позже популярный поэт Райкан Шукурбе-

ков, находясь среди детей, задает вопрос одному из воспитанников дошкольного учреждения Оша. На вопрос журналиста «Кем ты хочешь быть?» шестилетний мальчик отвечает: «Хочу быть шофером».

Да, вы догадались: этиммышленым мальчиком окажется будущий писатель. Тогда, в начале 1930-х годов, и этот юный интервьюер, и многие его сверстники мечтали водить машины, иметь дело с передовой техникой. Естественно, импульсивный ответ воспитанника детского садика еще не является полностью его осозанным выбором. Пускай дети занимаются своими делами: им позволено играть и отвечать игриво на серьезные вопросы.

Как прекрасно начиналась жизнь! Но кто мог предположить даже в дурном сне, что на плечи этих юных созданий – ангелочков детского, стало быть, райского сада – вскоре ляжет непомерно трудная ноша!

До прощания с отцом будущему писателю вместе со всей семьей удалось испытать истинную радость от только начинающейся полноценной жизни. Поскольку отец был партийным работником, правда, им часто приходилось переезжать в разные области республики: от столицы в периферию и наоборот. Семье бывшего второго секретаря ЦК ВКП(б) Киргизии Торокула Айтматова с четырьмя детьми суждено было пожить и в столице крупной державы СССР, причем их старший сын Чингиз успел переступить порог и обучиться в первом классе средней школы в Москве.

Возвращение детей в родное гнездо в Таласе все же было вынужденным шагом вследствие карательной политики тоталитарной однопартийной системы. В четырнадцать лет его назначили секретарем сельского совета и обязали собирать налоги с односельчан, обессиленных и обескровленных затеянной войной на Западе. Судьба испытывала на прочность не только крепких джигитов, ушедших на фронт, но и стариков и детей, оставшихся в тылу.

Впрочем, биографические данные классика достаточно хорошо изучены. У нас в республике в юбилейный год с новой силой увлеклись «айтматоведением», появились достойные литературные труды. Издана «Энциклопедия Ч.Айтматова», состоялись презентации книг О.Ибраимова, Ж.Сааданбекова,

А.Акматалиева, К.Ибраимова, С.Станалиева, Ч.Омуралиева и других авторов. Особую благодарность хотелось бы мне высказать родной сестре Ч.Айтматова Розе Торокуловне, ибо она является автором трех ценных биографических книг. В своеобразных исповедах речь идет о непростой, порою драматичной, но все-таки достойной судьбе этой замечательной и дружной семьи.

Ч.Айтматова любят и чтят не только в Кыргызстане, но и во многих странах. Я об этом ясно убеждался каждый раз, когда в течение целого года проходили мероприятия, приуроченные к его юбилею. Имя Чингиза Айтматова с гордостью и любовью произносились в странах ближнего и дальнего зарубежья, в разных уголках земного шара. Ранними весенними днями был участником научной конференции, проходившей в Турции, и восхищался памятником кыргызского писателя в древнем граде Стамбуле. Такими же содержательными стали для меня встречи, симпозиумы, фестивали, проходившие в Астане, Алматы и Москве, где его многие читатели воспринимают как «своего родного». Не забудутся дни, когда я принимал участие во всемирном фестивале поэтов в Колумбии и подарил библиотеке города Медельин совместное фото двух гигантов мысли: Ч.Айтматова и Г.Маркеса.

После таких теплых встреч моя внутренняя тяга все больше усиливалась, моя задача приобретала новые конкретные, осязаемые обороты: глубже постичь и проследить истоки, ведущие в творческую стезю будущего писателя, который когда-то мечтал быть шофером. Ранней весной юбилейного года я поставил перед собою задачу: непременно съездить на родину Учителя. Как хорошо, что исполнилась моя давнишняя мечта и успел побыть в Шекере, как говорят, с рюкзаком за плечами. Первым делом наклонился к речке Куркуроо и выпил ладонью горсть студеной воды, затем посмотрел на плывущие облака.

Именно здесь, у подножий гор Манас-Аты, осеняли его сладкие мечты. Здесь его волновали судьбы людей родных, добрых и суровых. А самое главное, зарождались горькие мысли о назначении человеческой сути и обустройстве Вселенной. Вместе с молоком матери, материнской колыбельной, а затем и магической силой народной песни у младенца просыпалось восприимчивое сердце. Вместе с наставлениями

отца он уверенно входил в непростую мальчишескую, а затем и отроческую жизнь. Отец запомнится ему стоящим у московского перрона, машущим рукой детям на прощание, затем, убыстряя шаги, бегущим вслед за уходящим поездом, и навсегда – таким заботливым...

Будущего художника воспитывала суровая жизнь. Он пахал, сеял наряду со взрослыми, разносил похоронки неутешным вдовам-солдаткам. Наряду с горечью и плачем впитывал соки, нектары народных традиций добра и совести. Подросток Чингиз жил среди людей, старался оправдать доверие людей и творить добро ради людей. Я провел всего одну ночь на берегу Куркуроо в доме у моего первого знакомого по имени Эркебай и как бы проникся, стал ближе душой землякам писателя. Но постичь, проследить божественные истоки, ведущие писателя в творческую стезю, конечно, не так-то просто.

Хорошее воспитание и образование сулили безбедную жизнь, но круто изменилось время! Вчерашнему московскому ученику предстояло узнать много нового из уст старых сородичей, в свете костра или сальной свечки его просили прочитать отрывки из героического эпоса «Манас». Мальчик с непривычки стеснялся московского акцента, благо никто не осуждал его за это. И он, зряче и вслух зачитываясь сказанием, жил героическим духом фольклора, дошедшего из давних, седых столетий.

Именно в Таласской долине окруженного вечными ледниками, вдоль крутой горной речки Куркуроо, не знающей ни минуты покоя, осеняли его сладкие мечты. Здесь зарождались горькие мысли о судьбе отца, назначении человеческой сути и обустройстве Вселенной. А самое главное, его волновали судьбы людей родных, добрых и суровых. Ибо именно в суровые времена политических репрессий приходилось им жить, а затем испытать и пережить горькие годы Второй мировой войны.

Пусть и чахлое, заброшенное гнездовье в годы войны, обессиленное солнце и бледная луна, но именно детское восприятие мира окружающей среды, острые впечатления и уроки лихой години навеки оставят неизгладимый след в сердце юноши. Нет, они не забудутся, как и остовы юрты, послужат крепким фундаментом классических творений, об этом писатель будет напоминать не раз.

В диалоге с Н.Анастасьевым «Как слово наше отзовется» планетарный писатель мысленно возвращается в родные места: «Начну с Шекера. С ходом лет мои взаимоотношения с ним, или, вернее, ощущения менялись. Сначала это просто место рождения, детство, дом, горы, люди, которые меня окружали. Потом – что-то большее. Корень, кровь давали о себе знать. ... Короче, не будь Шекера, вряд ли удалось бы мне сказать в литературе что-то внятное и отличное от других писателей, у которых были свои Шекеры, только под иными именами». И еще добавит: «Шекер же постоянно живет во мне и, наверное, всегда будет жить, но время течет, приходит новый опыт, порой опровергающий предыдущий, и невозможно становится все время пребывать на одном и том же месте. Я думаю, будь Фолкнер, на которого сейчас так любят ссылаться, жив сегодня, он, может быть, тоже почувствовал, что и ему его родная Йокнопатофа становится тесновата».

В диалоге с В.Коркиным, озаглавленном как «Час слова», речь идет о новом мышлении, о прекраснейшем даре природы – радости видеть и понимать. И на уточняющий вопрос журналиста «Что значит в этом смысле «видеть?»» Айтматов отвечает:

« – Это, по-моему, значит – видеть мир одновременно глазами ребенка и мудреца.

«...видеть мир глазами ребенка и мудреца» – вот что станет главным лейтмотивом его дальнейшей, глубоко осознанной жизни.

Жизнь – это чудо. Нас, взрослых, не надо убеждать, что это святая правда. Мы знаем сами. Но... чувствуем ли это теперь? Так, как – самозабвенно и бескорыстно – чувствует без слов ребенок, в душе которого мир всякий раз рождается вновь? Он открывает его прекрасным, как в первый день «творения», когда весь мир еще играет в утренней росе.

Именно в этом – в стихийной и неотразимой любви ко всему существу – произвольно заявляет себя и с первозданным трепетом проявляется природа человека. Природа, которая вечно нова.

Детство не умеет удивляться. Это, как парадоксально ни звучало бы, самая воистину самая серьезная пора жизни. Ребенок любит весь мир, людей. Для него нет незнакомых, то

есть чужих. Он еще вне времени и во всех временах, а выйдет он из детства не раньше, чем пройдет в своем духовном развитии всю человеческую историю. Представляете, что и как он видит?»

Первые публикации Ч.Айтматова в периодической печати, как известно, берут начало с газетных откликов, которые совпали с его студенческими годами. Студент-аграрник, выражая свое отношение к изданию кыргызско-русского словаря, еще тогда проявляет свою природную чуткость к вопросам двуязычия, билингвизма. Следующая публикация состоялась в московской, так называемой, центральной газете «Известия». Это был небольшой отклик на поддержку партийной и общественной критической мысли того времени. Думаю, недавний выпускник сельхозинститута не случайно откликнулся на эту тему, ибо тоталитарная и репрессивная политика Сталина унесла тысячи безвинных жизней, в том числе и его отца. Осуждая «культ личности», молодой Чингиз рисковал своим будущим, но набрался мужества, чтобы сказать правду на страницах центральной печати. Он долго терпел самоуправство, борьба тирана и студента была неравная, но, выждав момент, он высказал открыто то, что годами накипело в его душе.

Мне кажется, это было не озлобление молодой, хрупкой души, а наоборот, самоутверждение собственного «я» в глазах семьи, сородичей, современников, среди которых утверждался он как личность, и с этого начался дальнейший тернистый путь писателя и мыслителя в поисках изображения образа достойных и отрицательных героев, добра и зла. Позднее свою позицию он изложит так: «А ведь умалчивая о негативном наследии, мы загоняем эту болезнь внутрь, вместо того чтобы избавиться от груза прошлого».

Мои доводы подкрепляют также книги самого писателя. Все творчество Ч.Айтматова зиждется на автобиографичных началах, многие герои выписаны прямо как бы из жизни, с натуры. Он брал уроки в школе первого учителя Дуйшена, стал невольным свидетелем «самой прекрасной любви в мире» Джамили и Данияра, слышал разговор Матери-Земли и Толгонай, оседлал совместно с Танабаем иноходца Гульсары, плывал на каяке северных нихвов, может быть, даже находился на борту орбитальной станции рядом с Филофеем..

Будучи основателем «Иссык-Кульского форума», который снял «железный занавес» между Востоком и Западом, послом в странах Европы, парламентарием, связующим мостом между Востоком и Западом, он непременно возвращался в родной аил Шекер с любовью и тоской, ибо здесь зиждется истоки его творчества, здесь течет не знающая покоя речка Куркуроо.

Не прост был путь от истоков Куркуроо до «Иссык-Кульского форума», от журнала «Литературный Кыргызстан» до «Иностранной литературы», от «Первого учителя» до «Плахы» и «Тавро Кассандры». И глубокий вздох «Когда падают горы»... Это – крик души, это – предосторожение, это – призыв!..

Чингиз Торокулович долгие годы стоял у руля и умело возглавлял нашим Союзом писателей. Стало быть, продолжателям дела Учителя – нам с вами – на пороге третьего тысячелетия предстоит искать новые ответы на извечные вопросы в интересах будущего. В условиях «нечитабельности», которая сложилась во всем мире, нам приходится нелегко. Но, обращаясь к коллегам – руководителям творческих союзов, хотелось бы сказать: будьте оптимистами, давайте дружить, укреплять наши связи! Верный читатель нас найдет непременно.

И позволю себе завершить эту небольшую статью еще одним мудрым изречением нашего Учителя: «... сегодня каждая литература должна решить, рассматривать ли ей себя как составная часть всей мировой литературы или же быть «великой» лишь у себя дома».

Кадыркул ДАУТОВ
народный писатель
Кыргызстана

Сущность поэта

Байдылда Сарногоев – прирождённый талант, с большой поэтической судьбой, живущий в атмосфере поэзии. Сложный жизненный путь, духовный мир, человеческие качества этого поэта отобразились в простой и многогранной неповторимой его поэзии.

В общественном мнении, отношении читателей и специалистов создается довольно любопытный, парадоксальный образ поэта и человека. Он знаменит среди нашего горного народа, как и его ак калпак – национальный головной убор. Байдылду Сарногоева с восхищением читают все: начиная от чабана, пасущего своих овец на высокогорье, до химика, трудящегося в лаборатории; от рядового рабочего до инженера-механика; от школьных учеников до пенсионеров, переваливших за шестидесятилетний возраст; от представителей литературы и искусства до руководителей хозяйств. Мелодии, написанные на его стихи, исполняют, начиная от исполнительниц районной художественной самодеятельности до профессиональных оперных певцов филармоний. Трудно найти среди киргизов человека, не знающего наизусть хотя бы отдельные поэтические строки, ставшие крылатыми выражениями, или же строки из его шуточных стихов.

В киргизской поэзии Б.Сарногоев является самобытным, уникальным поэтом, не похожим ни на кого другого, он никогда не повторял кем-то уже сказанного, да и его самого никто никогда не сможет повторить. Это естественно, ибо те исто-

рико-культурные условия, подготовившие и породившие его появление, канули в прошлое и никогда не будут воссозданы. Поэт, обладающий ярким талантом, его поэзия явилась порождением общественных условий киргизской национальной жизни в XX веке. Войдя в киргизскую литературу в пору её «ускоренного развития», когда в жизни киргизского народа одновременно существовали артефакты разных культурных эпох, живя в исключительное время их синтеза, впитывая в себя богатства духовных источников всех стадий исторического развития, взаимопроникающих друг в друга, он был сформирован и воспитан в ходе этого динамичного историко-культурного процесса.

Судьбе было угодно, чтобы Байдылда Сарногоев вышел из русла тех поэтических источников, которые берут свое начало от таких акынов, как Эсенаман, Чонду, Эшмамбет и Дженижок. Он «взошёл» на благодатной почве благословенной Таласской земли, сохранившей все благоприятные условия для всходов и роста истинно природных талантов, продолжающих традиции рода. Это оказалось его личным счастьем, и с ранних лет он вырос в этой атмосфере. Начиная с детских пор, он слушал их песни и кюи-наигрыши, дышал воздухом, пропитанным национальными образами и песнями, и в душе отзывались те ритмы и мелодии. Вдобавок: «Мать формировала его сознание вновь и вновь, днём и ночью, повторяя народные сказки». В школьные годы его любимыми книгами, с которыми он не расставался, стали малые эпосы «Эр Тоштук» и «Кедейкан» («Хороших книг в то время было мало»). Сформировавшись на народнопоэтическом творчестве, влюблённый в поэзию, днем и ночью молился Богу, «не зная, что его нет», чтобы он сделал его поэтом.

Когда было напечатано первое его стихотворение в районной газете, он даже не думал о том, что станет профессиональным поэтом. Это заметно из импровизационных строк под аккомпанемент комуза, прозвучавших в 1946 году на областном смотре народных талантов:

Кек-Арык моя школа,
Я не стал большим поэтом.
Играя длинным языком,
Я не достиг уровня Осмонкула.

Юный талант, еще толком не знающий о том, кто они такие – поэты и писатели, еще не преступивший к написанию своих стихов на бумаге, мечтал стать не профессиональным поэтом, как представители профессиональной поэзии Аалы Токомбаев и Алыкул Осмонов, а акыном, как Осмонкул. Он готовился к этому, зная, что в его душе изначально заложены основы певца-импровизатора. Именно в эту пору он приехал учиться во Фрунзе, где и познакомился с кругом поэтов и писателей.

Подросток, живший во сне и наяву одной только народной поэзией, теперь вошёл в литературный мир Аалы Токомбаева, Алыкула Осмонова, Мидина Алыбаева и Райкана Шукурбекова и оказался в плену профессиональной поэзии, созданной ими, он уже мечтает стать таким же поэтом, как и они. Тогда же ему довелось испить из «прозрачного родника Пушкина».

Вот так произошёл синтез в творческом сознании молодого поэта – задатки певца-импровизатора и стремление к профессиональному писательству.

Далее он вошёл в большой литературный мир Москвы, освоил уроки русской и мировой классики. Юное, не сформировавшееся сознание восприимчиво к новым веяниям, и молодой поэт развивался самым естественным образом. Родная речь, привитая вместе с материнским молоком, исконно-народная речь, воспринятая им от певцов-импровизаторов и народных эпосов, естественным образом слились с литературным языком, освоенным им позже, сохранив при этом свои чудные краски, оттенки и интонации национального киргизского языка.

Беря свое начало из народных сказок и эпосов, Б. Сарногоев стал учеником Р.Бёрнса, Дж.Байрона, А.Пушкина, А.Кольцова, С.Есенина, А.Твардовского, Алыкула Осмонова и Аалы Токомбаева. К тому же, он жил в одно время, тесно общаясь, с такими классическими представителями последнего поколения народных поэтов-импровизаторов, как Осмонкул, Алымкул, Ысмайыл, Саякбай Каралаев, прозванный «Гомером XX века», несмотря на большую возрастную разницу, он находился в дружеских отношениях. Наряду с этим он неплохо играл на комузе, освоив кюи-наигрыши, ритмы признанных классиков народной музыки Карамолдо, Ыбрая и Атая.

Вот так, произрастая из разных художественных традиций, переработанных творческим мировоззрением молодого поэта, формировался художественный мир Байдылды Сарногоева. В его произведениях слышатся отголоски народной лирики и эпоса, произведений Барпы и Ысмайыла, Алыкула Осмонова и Мидина Алыбаева. Вместе с тем и Роберта Бёрнса, Байрона, А.Пушкина, А.Кольцова, С.Есенина, А.Твардовского. Однако это слепое копирование – скорее творческое переосмысление. Насколько «многогранен» мир поэта, настолько богато и многогранно переливается и его язык, будучи одновременно простым и сложным, народным и литературным. Именно поэтому часто мы испытываем затруднения, не различая в произведениях поэта язык народного творчества от языка письменной поэзии, рудименты фольклора от элементов профессиональной литературы.

Творческая судьба поэта Б.Сарногоева определила одну из особенностей его поэзии, в которой всегда проявляется личность автора со всеми присущими ему чертами, побуждающая читателя то к серьёзным и горьким размышлениям, то иной раз заставляющая невольно улыбнуться или влюбиться, откликаться на различные стороны человеческого бытия... Он переносит нас через различные гаммы чувств.

Яркая личность откровенно раскрывает свою судьбу и чувства, придавая им общее лирическое звучание, интересное читателям.

Добившись доверительно-интимного отношения с читателем, он раскрывает перед ним свою душу, не тая ничего, не боясь за то, что иные могут увидеть в них его личные недостатки, а то и постыдные поступки. Он предельно искренен, будто общается с самым близким своим другом, с раскрытыми ладонями идёт к читателю...

Я жив и здоров, хотя и лишился,
«Синей красавицы», с которой жил вместе.
Любовь её оказалась глубокой,
Живущей на глубокой земле.
Чуть было не утонув в ней,
Еле остался жив, твой Байдылда.

Хотел лететь, словно стрела,
Вместе с ветром свистя.
Я сам уронил свой авторитет,
Не сумев достичь своей цели...
Много лет я перестал вообще летать,
Глядя на корм, упавший на мою ногу!

С первых же строк стихов он устанавливает с читателем близкое, доверительное отношение, исчезает граница, разделяющая читателя и поэта, создавая обстановку для искреннего разговора.

Глубокое личностное искреннее начало, чувство общности с окружающим миром, позволяющее ему провозгласить: «Привет тебе, Карвалан!», «Привет тебе, Сарногийский загон!», «Приветствую вас всех, дойные коровы!» По уровню свободного и естественного раскрытия своих эмоций Б.Сарногоев стоит на той же высоте, которую достигли в мировой поэзии Роберт Бёрнс, Сергей Есенин и Расул Гамзатов.

В поэзии Б.Сарногоева существует некая «загадка», не раскрытая до конца по сию пору. За видимыми строками она остается скрытой и неразгаданной для читателей. Загадка эта в кажущейся простоте «архитектоники» его стихов. Однако необычная обманчивая, мерцающая издалека блестящим огненным светом, а вблизи становящаяся далекой и загадочной, хотя ты находишься рядом с ней. Чудо поэзии Б.Сарногоева – словно горизонт, над которым раскинулась светящаяся радуга. Желание написать нечто подобное терпит неудачу, попытки сымпровизировать и спародировать тоже бывают неудачными. Поэт без всяких сверхусилий, самым естественным образом, словно дыхание, свободно излагает: «С нежными руками, мягкие облака без запаха,/ Поглаживают пики гор./ Легкие хлопья, словно пены» («Чаткальская повесть»).

Автор, казалось бы, простыми художественными средствами запечатлевает на бумаге переливы чувств, перетекающие из одного состояния в другое, которые передаются настолько удивительно живо и явственно, что, кажется, будто всё это можно потрогать руками, пересматривая вновь и вновь...

Многокрасочные, изменчивые, чудные пейзажи озвучиваются природными же голосами – естественной музыкой родников и рек. А читателю остается всего лишь идти вслед за автором, восхищаясь описываемой красотой.

Словом, кажущаяся простота в поэзии не является примитивизмом, как об этом думают некоторые, а является следствием мастерства высочайшего уровня, классической простоты.

Байдылда Сарногоев – настоящий народный поэт, смотрящий на все явления через призму национального характера. Острый сарказм поэта и мягкий природный юмор, подкрадывающийся исподволь, а затем неожиданно вспыхивающий в душе, «заставляя нечаянно рассмеяться, а не смеющегося – осклабиться», и меткие афоризмы, свидетельствующие о мудрости, исходят из глубины народного менталитета. Поэт по объёмности, точности и неповторимости воссоздания национального колорита в советской поэзии стоит наравне с Расулом Гамзатовым.

Сильная природная интуиция; способность к аналитическому мышлению; мягкий добрый юмор, позволяющий поведать о многих серьёзных вещах с улыбкой; умение метко выявлять главные, стержневые признаки, характерные особенности в произведениях других поэтов и писателей; умение найти в них самые уязвимые места – все эти качества особенно ярко заметны в его эпиграммах и дружеских шаржах. Эпиграммы и дружеские, шуточные стихи, адресованные С.Каралаеву, А.Токомбаеву, К.Маликову, Дж.Самаганову, Ч.Айтматову, М.Борбугулову и др., – яркое подтверждение вышесказанного.

Это направление в творчестве Б.Сарногоева, в поэме «Письмо к Мидину», содержащей и данные им краткие характеристики к творчеству других поэтов и писателей, можно сказать, подняло его на новую высоту. Поэт в своих циклах в данном направлении продолжил в идейно-тематическом плане прославленный «Литературный парад» Мидина, тем самым он не только подтвердил достижения этого малого литературного жанра, но и дальше развил его по форме, обогатив его новыми приемами, красками и находками. К тем высоким художественным традициям, созданным его наставником, Байдылда тоже отнесся творчески и с тех же высоких требо-

ваний. Здесь он, как истинный талант, творческая личность, вступает в творческое соревнование с Мидином...

«Письмо к Мидину» внешне кажется шуточным и легко читается, но внутреннее содержание этой поэмы весьма серьезное и заставляет читателя глубоко задуматься о многих вещах. В ней описаны различные судьбы, полные весельем и горем, победами и поражениями, трагедией и оптимизмом. Да к тому же эти судьбы – жизнь творческих людей. Поэт подвергает правдивому нравственно-психологическому анализу весь пройденный им жизненный путь. На подобную смелость и искренность способны далеко не все пишущие люди. Лишь только поэт, умеющий критически оценить самого себя по всей строгости, способен объективно оценить и произведения других талантов, смело смотреть им прямо в глаза. Лишь тогда другие прислушиваются к его словам и считаются с его мнением.

Б.Сарногоев обладает большим талантом, чист с нравственной точки зрения, далек от субъективных эгоистических соображений, поэтому он имеет моральное право давать характеристику видным киргизским поэтам и писателям, представителям искусства, оценивая их по достоинству, и какая бы оценка ни звучала из его уст, это мнение того человека, который сам живет критериями высоких идеалов и меряет жизнь по этой высокой шкале ценностей. Сохраняя чувство собственного достоинства, он не роняет и достоинство своих старших и младших товарищей по перу.

Перевел с киргизского Мамасалы АПЫШЕВ

Георгий ХЛЫПЕНКО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ОЛЕГА БОНДАРЕНКО

Окончание. Начало в предыдущем номере

Помимо основных тематических направлений (политическая фантастика, футуристическая, или прогностическая, фантастика, космическая фантастика, мистическая фантастика), в произведениях Олега Бондаренко явно просматриваются и дополнительные направления: приключенческая фантастика («Как была открыта кривизна мира», «Тихо и незаметно», «Невероятные приключения бедной Маруси, которая очень хотела замуж»), психологическая фантастика («Триптих», «Пока идут часы», «Ужин с гением»), любовная фантастика («Легенда о любодереве», «Однажды во Вселенной», «Опавшие листья»).

3

Многотемность произведений Олега Бондаренко напрямую связана с их многожанровостью. По мнению самого писателя, почти все они (за исключением повести «Как птицы», одноактной пьесы «Ужин с гением» и трёх мини-сценариев) являются рассказами. Вместе с тем некоторые произведения имеют у него другие жанровые обозначения (сказка, легенда, история, ужас, сценарий). Кроме того, он не учитывает тот факт, что термину «рассказ» постоянно сопутствует термин «новелла», который, по мнению одних учёных, представляет собой жанровую разновидность рассказа, а других – самостоятельный жанр. Тем не менее О. Бондаренко прав, воспринимая рассказ в самом широком, самом общем значении – как

малую форму эпической (повествовательной) прозы. Однако с этой точки зрения разглядеть и оценить жанровое своеобразие писателя-рассказчика практически невозможно, так как термин «рассказ» охватывает и другие жанры малой эпической формы.

После аналитической работы над художественными текстами мы установили, что основными жанрами фантастической прозы О. Бондаренко являются: рассказ, новелла, история, притча, сказка, антиутопия, ужас и сценарий. Разумеется, предпринятая нами жанровая классификация имеет вариативные допуски и отклонения, поскольку большинство литературных жанров проявляют тяготение к взаимопроникновению и, следовательно, к взаимообогащению. Обратимся к краткой характеристике названных жанров.

Ведущие жанры, конечно же, рассказ и новелла, представляющие два соотносимых типа художественной речи: описательно-повествовательный (рассказ) и конфликтно-повествовательный (новелла).

Жанрообразующие признаки рассказа: относительно небольшой объём, единство времени и действия, завершённость события. При этом главным признаком рассказа принято считать его краткость, которая выражается в том, что мы в состоянии прочесть рассказ за один присест и тем самым сохранить целостность его художественного восприятия. Разумеется, эта закономерность распространяется практически на все произведения О. Бондаренко, поскольку они принадлежат к малой эпической форме. Жанр рассказа представлен у него рядом жанровых разновидностей (рассказы приключенческие, занимательные, психологические, лирические, юмористические, сатирические и другие).

Жанрообразующие признаки новеллы: острый конфликт, динамический сюжет, неожиданная развязка и композиционная стройность. Лучшие, на наш взгляд, новеллы – образцы жанра: «Иваниада», «Кровавая сказка», «Триптих», «Полиглоты», «Свобода времени», «Опавшие листья».

Занимаясь жанровой классификацией рассказов и новелл, мы постоянно держали в уме ценное замечание профессора В.И. Шаповалова, сделанное им во вступительной статье к первому сборнику О. Бондаренко («Однажды во Вселенной»), о том, что его творчество «тяготеет к более лаконичной, нежели «русский рассказ», форме европейской новеллы». Действительно, учёный оказался прав, и нам остаётся только

номинировать причины этого явления. На наш взгляд, их две. Первая, объективная, – это наличие фантастического сюжета само по себе. Вторая, субъективная, – это творческая способность О. Бондаренко придумывать оригинальные, практически непредсказуемые развязки сюжетов к произведениям.

Жанр истории представляет собой повествование, имеющее значительную протяжённость во времени и / или пространстве.

Типичный пример жанра – «Как была открыта картина мира». По форме это публикация древней рукописи-дневника, случайно обнаруженной автором-повествователем и сохранившейся в неполном виде, а по содержанию – история путешествия экспедиции по бескрайнему Каналу, созданному мифическими атлантами, с целью выяснить, как и почему устроен наш мир. О. Бондаренко-философ размышляет, а О. Бондаренко-писатель живописует, насколько труден и тернист путь познания мира, в котором мы живём.

Другие примеры жанра: «Ветер (История Васи Лампочкина)», «Легенда о любодереве», «Всемирная история: Сухо-мор. Как это было?».

Притча – небольшой рассказ, содержащий моральное (или религиозное) поучение в иносказательной, аллегорической форме. В притче через частное выражается общее, через малое – большое и значительное. В основе притчи лежит принцип параболы: повествование удаляется от современного автору мира, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается к оставленному предмету и даёт его философско-этическое осмысление, – поэтому притчу иногда называют параболой.

Типичный пример жанра – притча «Продавец шляп». В основу её сюжета положен банальный случай на иссык-кульском пляже: порыв ветра срывает у пляжного продавца с головы пирамиду солнечных шляп – и он отчаянно гоняется за ними. Однако автору-повествователю видится другая, фантастическая картина. «От продавца внезапно отделился ещё один продавец – в точности такой же, дублёр или двойник, я не понял. <...> И побежал за одной из шляп. Затем от продавца отделился второй, потом третий и так далее – в мгновение ока на пляже оказалась целая куча продавцов шляп, которые были похожи друг на друга, как капли воды. И каждый ринулся за своей шляпой, стремительно уносившейся от него по песку». Эта ирреальная картина дробления реального мира

побуждает автора-повествователя утвердиться в мысли, что восприятие мира должно быть целостным, единым.

Другие притчи: «Огонёк в ночи, или В чём был прав Чингисхан», «Память», «Свобода времени».

Сказка – фольклорный жанр, давший жизнь литературной (авторской, писательской) сказке. Олег Бондаренко называет свои сказки философскими сказками для взрослых. Они представляют собой своеобразные литературно-философские этюды по человековедению, написанные на материале современной жизни, выдержанные в стиле живого разговора с читателем и пронизанные мудрыми изречениями («Апельсиновая сказка», «Клубничная сказка», «Арбузная сказка», «Рыбная сказка» и другие произведения).

Типичный пример – «Апельсиновая сказка». В ней рассказывается о самом капризном мальчишке на свете, которого отличало редкое упорство в выполнении принятых самим для себя решений. Например, он сказал: я не буду есть апельсины! – и все знали, что их он теперь в рот не возьмёт. Действительно, так и случилось. «Он всегда был готов кричать «нет» на любом из языков, полагая тем самым, что сохраняет лицо, и не ведая, что бесконечное отрицание таки противоречит жизни». А когда его, дряхлого и немощного, поместили в дом престарелых, где медсестра-сиделка, не знавшая ничего о предпочтениях и убеждениях старца, из высших побуждений очистила ему апельсин, он, отпробовав его, пришёл в возбуждение: «Сестричка, что вы мне дали? Что сей за фрукт неземной, что за божественный плод, видно, посланный мне с небес? Или я уже в раю?..». Разрыдавшись, непримиримый строптивец поплакал, поплакал – и умер.

Особенно любим писателем сугубо фантастический жанр антиутопии. Антиутопия – это, по образному определению, утопия со знаком «минус». Если утопия акцентирует внимание на позитивных моментах общественного развития, то антиутопия, наоборот, на негативных, вследствие чего её определяют как пародию на утопию или утопическую идею. Основные сюжетные ситуации в антиутопии: человек под властью государства, религии или техники.

Яркий пример жанра – рассказ «Великий и ужасный». Определения, вынесенные в название произведения, относятся к интернету как великому достижению научно-технического прогресса, которое может привести к непредвиденным социальным результатам негативного характера при гипертрофи-

рованном господстве техники. Философский вывод автора: «Интернет – это величайшее завоевание человека, а может быть, даже наоборот – это мы суть порождения Сети».

Другие примеры антиутопии: «Когда деньги сошли с ума», «Генетическое телевидение», «Опавшие листья», «Разговор о тебе». К этому жанру можно отнести также повесть «Как птицы» и одноактную пьесу «Ужин с гением». В последнем произведении поэт Иваниди, создавший, по мнению окружающих, гениальную поэму, не может издать её, потому что, согласно закону «О равноправии в литературе», на это имеют право только писатели, ставшие классиками посмертно. И поэт Иваниди, и его окружение безоговорочно соглашались на... убийство будущего классика – в целях... дальнейшего развития литературы.

С явной охотой О. Бондаренко обращается к экзотическому для русской литературы Кыргызстана жанру ужаса. Литература ужасов (англ. horror literature), часто просто ужасы или, в просторечии, ужастики, иногда заимствованное из английского хоррор – жанр, имеющий целью вызвать у читателя чувство страха. Чаще всего в ужасах представлен ограниченный набор тематизированных персонажей, заимствованных, как правило, из мировой мифологии разных народов: вампиры, демоны, зомби, оборотни, призраки и т. п.

В последней книге О. Бондаренко – «Звёзды и призраки» есть рассказ с подзаголовком «Ужасы нашего городка», свидетельствующий о том, что автор, видимо, намеревался создать целый цикл произведений этого жанра, но замысел остался неосуществлённым. Впрочем, нам самим нетрудно выявить их. Это: «Истории о призраках», «Кровиссимо», «Кровавая сказка», «Трудно быть щеном», «ЧерноБЫЛЬ».

На высоком профессиональном уровне написан «ужастик» «Господин Сто тысяч мух». Это ужасная история об ужасной болезни и её ужасных последствиях. Больному постоянно чудится, что его постоянно атакуют стаи экзотических мух зе, от которых приходится обороняться всеми силами, хотя он прекрасно знает, что в реальности их нет, это только иллюзия. Эту историю герой-повествователь услышал от соседа по гостиничному номеру, которому он дал прозвище господин Сто тысяч мух. И вот результат: болезнь мухозеббия перескочила на него, а сосед незаметно покинул гостиницу, оставив книгу... «Господин Сто тысяч змей». Этот рассказ даёт богатую пищу для читательских ассоциаций.

Ну и, наконец, о жанре сценария. Он представлен у О. Бондаренко тремя произведениями (с вариативными определениями: сначала – «почти сценарий», затем – «мини-сценарий»), созданными в ранний период творчества: «Остров», «Однажды в Азии» и «Однажды во Вселенной». В широком значении термин «сценарий» – это литературно-драматическое произведение для будущего фильма. Современный киносценарий, будучи предназначен и для чтения, нередко обретает качества собственно-литературного произведения. Именно таков, к примеру, мини-сценарий О. Бондаренко «Однажды в Азии», жанровая структура которого усложнена авторскими указаниями: «философский фильм-притча, в форме эссе». Действие сценария происходит в Кыргызстане. Средствами литературной фантастики писатель решает злободневный политический вопрос о странах «третьего мира».

4

Особый разговор – о поэтике фантастической прозы Олега Бондаренко, то есть о системе изобразительно-выразительных средств, придающих произведениям эстетическую целостность.

На наш взгляд, главной примечательной особенностью его фантастики является использование поэтики абсурдизма – так называют направление в авангардистской художественной культуре XX века, изображающее мир и поступки людей как совокупность абсурдных – алогичных, бессмысленных – фактов, не подлежащих объяснению. На это впервые обратил внимание писатель Владимир Михайлов (Лидский) в статье «Трагический абсурд реальности», опубликованной в качестве послесловия к сборнику «Одни».

«Абсурд и нелепица становятся для него главным приёмом, благодаря которому высвечиваются параметры нашего современного бытия, – утверждает критик и воспроизводит образную картину этого приёма. – ... Сюжет строится зачастую на некоем допущении, на каком-то чуть смещённом, вполне реальном событии, хотя и с фантастическим вывертом. Далее ситуация развивается, углубляется и усугубляется. В сухом остатке – вполне рациональный смысл, обнажающий несовершенство мира вообще или человека в частности. Для обозна-

чения этого приёма я бы употребил парадоксальное выражение «логика абсурда». Нам остаётся добавить к сказанному, что у О. Бондаренко абсурд не только художественный приём, но и принцип типизации, а также привести несколько примеров удачного использования абсурда.

В рассказе «Самый глубокий колодец на свете» трудолюбивый фермер Тоший Джо в поисках завещанных ему сокровищ прокопал вручную по диаметру... весь земной шар из Австралии в Европу и попал... в Алмазный фонд Московского Кремля.

В новелле «Выигрыш» повествуется о лотерейной форме... управления государством с целью... полного искоренения коррупции и кумовства (избрание президента по лотерее, решение государственных вопросов с использованием игральных карт, игральных костей, бильярда, жеребьёвки «орёл или решка»).

А в рассказе «Маленькая ночная серенада» воссоздаётся абсурдный замкнутый мир... вагона метропоезда, остановленного, согласно инструкции, ровно в 24.00. Действие происходит в совершенно абсурдной обстановке: в полной темноте, в полной тишине и в полной изоляции от внешнего мира.

– Откуда берутся у вас фантастические сюжеты и образы? – задали мы Олегу Ярославовичу вопрос в писательской анкете.

– Не знаю, хоть убейте, – чистосердечно ответил писатель. – Я всё получаю в готовом виде откуда-то «оттуда». Я этих ребят – там, наверху – ни о чём не прошу, не умоляю. Но они сами подкидывают сюжетики – может, играют со мной? Бывает, во сне. Бывает, на ясную голову. Мало того, иногда мне хочется придумать сюжет, я напрягаюсь – и ничего! Приходится ждать, когда те, другие, обо мне вспомнят.

Другая примечательная особенность поэтики фантастической прозы Олега Бондаренко – индивидуализация художественного времени и художественного пространства (хронотопа).

В литературной фантастике с её максимальной степенью условности время и пространство, как правило, более абстрактны, нежели конкретны. У О. Бондаренко же художественное мышление тяготеет к конкретному (настоящему) времени и конкретному (реальному) пространству. Эту конкретику, имеющую целью осовременить фантастический вымысел, под-

чёркивают ёмкие художественные детали. Например: глобус, на котором Крымский полуостров помечен ещё по старинке – «как территория чуждого, нерусского государства» («О пре-красном»); портрет Саакашвили, висящий в кабинете доцента кафедры политологии О.Е. Бармаленко («Выигрыш»); название рассказа «ЧерноБЫЛЬ», в котором воскрешаются события, связанные с аварией на Чернобыльской атомной станции; тюркская лексика («аксакал», «джигит», «кошма», «караван») в повествовании о жизни древнего племени в центре огромной пустыни («Одни»). Значительную художественную нагрузку несут также произведения, действие которых происходит в современной Киргизии («Продавец шляп», «Призрак пешеходного перехода», «Остров», «Однажды в Азии», «Однажды на Тянь-Шане»). Они сами по себе создают иллюзию конкретного пространства – современной Киргизии, иногда даже в тех произведениях, где пространственные ориентиры отсутствуют.

Все эти факты активно «работают» на главную тему литературной фантастики О. Бондаренко, которая точно определена самим автором: психология нашего современника, не властного над жестоким временем перемен.

Обращает на себя внимание ещё одна альтернативная форма пространственно-временной организации художественного мира О. Бондаренко – тяготение к незавершённости художественного времени, которое проявляется в незавершённости сюжета и в вариативности развязки произведения. Видимо, этот факт объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, О. Бондаренко как писатель-фантаст активизирует творческую фантазию читателя; во-вторых, как писатель-философ реализует своё творческое кредо, сформулированное им в рассказе-притче «Загадка»: «В конечном итоге важен не ответ, а его поиск, вечная круговерть погони за истиной».

5

Наконец, следует сказать ещё об одной характерной особенности творчества Олега Бондаренко – об индивидуализации образа автора.

В современном литературоведении различают три значения этого термина (от лат. *auctor* – виновник, создатель, сочинитель): автор биографический – личность, существующая во внехудожественной, исторической реальности; автор-творец

– создатель словесно-художественных произведений и автор во внутритекстовом воплощении. Нас интересует термин в третьем значении, то есть образ автора, создаваемый речевыми средствами. В этических произведениях образ автора (авторское начало, авторская субъективность) проявляется в различных структурных элементах: в рамочных компонентах текста (заглавие, посвящение, эпиграф, предисловие, эпилог и др.), в авторских комментариях и характеристиках (прямых, косвенных или несобственно-прямых), в авторской точке зрения на воссоздаваемую художественную реальность.

На наш взгляд, самой характерной чертой образа автора в фантастической прозе О. Бондаренко является остроумие. Остроумие (острота) в литературе – это способность писателя к неожиданным, парадоксальным сближениям внешне далёких, даже антонимичных понятий, вызывающих комический эффект. Остроумие рассматривается как комическое в интеллектуальной сфере («играющее суждение»). Отличие остроумия от других видов комического (сатиры и юмора) иногда определяют формулой Аристотеля: «Остроумие создают, комическое находят».

В творчестве Олега Бондаренко остроумие проявляется на самых различных структурных уровнях произведений.

Остроумны его фантастические допущения – факторы, которые невозможны в реальном мире. Например: обнаружение «маленьким человеком» своего портрета... на денежных знаках («Портрет»); совмещение в одном лице... президентов двух государств, ведущих длительные кровопролитные войны («В интересах государства»); лотерейная форма... управления государством с целью... полного искоренения коррупции и кумовства («Выигрыш»).

Остроумны художественные сюжеты писателя. Например: государственный парламент рассматривает в третьем чтении законопроект под названием... «Закон о всемирном тяготении» («И тогда»); пассажир авиалайнера, летавший только на лёгком самолёте ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), совершает взлёт... Боинга по командам с Земли, когда пилоты оказались в бессознательном состоянии... после выпитого кофе («Полёт самолёта в зазеркалье»); научная экспедиция, захваченная в плен загадочным племенем адамноо (по-киргизски «дикий человек», «снежный человек»), обнаружила у них... журнал «Литературный Кыргызстан» в качестве... Священной книги и подарила

им новый номер, так как их шаман владел... русским языком («Однажды на Тянь-Шане»).

Остроумны карикатурные образы-персонажи, как, например, в рассказе «Маленькая ночная серенада», где действие происходит ночью в вагоне метропоезда, полностью изолированного от внешнего мира. Это: физичка, которая проводит эксперимент по изучению свойств абсолютно чёрного тела; лунатик, который может без опасения за свою жизнь ходить во сне по вагону; заблудившийся мужчина, который уже давно не может найти свою новую квартиру в типовом районе, где все дома одинаковы; заядлые картёжники, которые играют в приборах ночного видения, потому что азартные игры в стране запрещены, а игра в крошечной темноте не признаётся азартной, – и другие, не менее карикатурные герои.

Аналогичные примеры можно значительно умножить, обратившись к таким остроумным реалиям, как наименования политических объединений (партия домохозяек «Кошкин дом», фракция схоластически настроенных патриотов, группа религиозного покаяния «Демократический простипоп»), названия стран («Вампирская Республика»), городов (Ътяп, Ытанцланидо), улиц (Вторая Бесцветная, переулок Челубея и Пересвета), фамилии персонажей (лётчик Летухо-Летай, президент Свинаукас, маршалы Монтехрен и Монтепуп, скульптор Каменефф). И вся эта атрибутика остроумия, представляющего собой комическое в интеллектуальной среде, доставляет читателям эстетическое наслаждение, развивает их художественный вкус.

Разумеется, остроумие органично взаимодействует с другими видами комического: иронией, юмором, сатирой. Таким образом, в лице Олега Бондаренко русская литература Кыргызстана обрела талантливое писателя-острослова.

Авторская субъективность О. Бондаренко проявляется также в универсальном использовании различных форм повествования (от первого лица, от третьего лица, несобственно-прямая речь, не прямое повествование, «поток сознания»).

В качестве удачного примера можно привести начало рассказа «Случай на международной конференции», где из текста исключены знаки препинания.

«Я спешу

Я очень-очень спешу

Я занят я читаю не глядя машинально вызываю лифт» и т.д.

Это частичная имитация «потока сознания» – концепции изображения реальности и душевной жизни персонажей, которую разработал американский психолог и философ У. Джеймс, утверждавший, что сознание текуче, как река или поток. Обращаясь к этой форме повествования, О. Бондаренко имитирует лихорадочный ритм жизни современного учёного, напоминающей бесконечный бег с одной конференции (форума и т. п.) на другую.

Другой пример – редкая форма повествования от второго лица, где рассказчик объективирует своё поведение оценочными суждениями.

«Ты окрылён. И вместе с тем озадачен. Рабочий день в разгаре, а ты, вместо того чтобы заняться делами, лазишь по Сети. Стремись найти способ определить песню. <...> Ругаешься, блин, да что же это такое...» («Услышать песню»).

Речевой образ автора у О. Бондаренко отличается повышенным вниманием к художественной детализации.

Так, в авторском анекдоте, сочинённом в качестве эпиграфа к «Рыбной сказке» (по мотивам пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»), действие происходит на южном берегу Иссyk-Куля. Золотая рыбка «не эгейская, а иссык-кульская», точнее – морская форель, говорящая «с едва уловимым восточным акцентом», а возможности её ограничены: она может выполнить только полтора желания, то есть одно желание выполнит, а другое только пообещает.

Финал рассказа «Полиглоты» представлен на двух языках: на американском английском и в переводе на русский.

В рассказе «Услышать песню» вместо привычных подзаголовков даются названия музыкальных нот: «До», «Ре», «Ми» и так далее.

Однако более всего авторская субъективность О. Бондаренко представлена в посвящениях к рассказам, адресованным членам его семьи. Например:

«Моему сыну Жене – с уверением в нормальности этого мира» («Планета, которую мы выбираем»).

«Рассказ-подарок моему сыну Володе по случаю его дня рождения. Вовчик, развеселись!» («Выигрыш»).

«Моей сестрёнке Злате. Чмок-чмок!» («Невероятные приключения бедной Маруси...»).

Ну а в заключение разговора об образе автора мы процитируем несколько афористических суждений Олега Бондаренко, отражающих его жизненный, философский и художественный опыт.

- «Не нужно жалеть о том, что мир устроен именно так, как он устроен».
- «Я воспринимаю мир как тайну».
- «Бесконечное отрицание противоречит жизни. Жизнь – это когда есть, это когда «да».
- «Это прекрасно – дарить кому-то счастье! Приносить радость! Чтобы люди нуждались в тебе, и им было хорошо!».
- «Главный принцип всякого разумного совершенствования: если хочешь помочь человеку, то не решай за него его проблемы, а сделай его способным решать их самостоятельно».
- «Ничто не берётся ниоткуда и не уходит в никуда».
- «Есть вещи, осознать которые можно лишь подойдя к черте, и чертой этой может стать что угодно».
- «В мире, несмотря на стремительный прогресс XXI века, остаётся слишком много загадок».

Краткие выводы

1. *Фантастическая проза Олега Бондаренко имеет ярко выраженную социально-философскую направленность.*

2. *Из двух видов фантастической литературы – научной фантастики и фэнтези – писатель отдаёт явное предпочтение фэнтези.*

3. *Основные тематические направления фантастики О. Бондаренко: политическая фантастика, футурологическая (прогностическая) фантастика, космическая фантастика и мистическая фантастика.*

4. *Ведущий жанр его фантастики – рассказ, понимаемый в самом широком значении – как малая форма эпической (повествовательной) прозы. Наряду с рассказом или внутри него можно выделить и другие жанровые разновидности: новеллу, историю, притчу, сказку, антиутопию, ужас, сценарий.*

5. *Примечательные особенности поэтики фантастической прозы О. Бондаренко: абсурд, художественное время и художественное пространство.*

6. *Характерные черты образа автора в творчестве О. Бондаренко: остроумие, синтез повествовательных форм, афористичность высказываний-суждений.*

7. *Целостный подход к изучению художественного творчества Олега Бондаренко, намеченный нами, должен быть развит другими критиками и литературоведами. Писатель заслуживает этого.*

Кратко об авторах

КАРАХАНИДИ Константин

Доцент, кандидат филологических наук, завкафедрой «Организация работы с молодежью и развитие русского языка». Окончил КГНУ им. 50-летия СССР. Педагогический стаж – более 35 лет. Ведет практический курс русского языка для студентов технических специальностей в КГУСТА им. Н. Исанова. Читает курсы лекций «Теория литературы», «История русской критики», «История русской литературы». Автор более 40 научных публикаций, рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане».

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГПИИЗ. С 1992 года – эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор восьми книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. В 2013 году вышел сборник его рассказов «Записки кладоискателя», а в 2018-м – «Нумизматы и нумизматери».

ЧЕРНЯК Петр

Родился в городе Фрунзе в 1955 году в спортивной семье. Окончил Фрунзенский политехнический институт по специальности «Инженер-механик-исследователь», параллельно получил физкультурное образование. Работал в оборонной промышленности до развала СССР. Литературную карьеру начал с выигрыша республиканских юношеских соревнований по хоккею, потом последовательно занимался как спортсмен и тренер горными лыжами, фристайлом, фрирайдом, альпинизмом, туризмом. От спортивно-тренерской карьеры постепенно перешел к производству экстремальных TV программ и фильмов. В дальнейшем обратился к социальной тематике и мультимедийной форме. В 2002 году выпустил первый в Кыргызстане мультимедийный видеодиск к Меж-

дународному году гор. Параллельно со съемками фильма «По тропе снежного барса» о Рейде Голуаз в 2003 Году выпустил повесть «Артерия приключений». В XXI веке в основном работал журналистом в различных изданиях, занимался политической, социальной и коммерческой рекламой и PR. Неизданный творческий багаж: романы, повести, рассказы и другие литературные формы.

АЩЕУЛОВ Дмитрий

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999-м стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

ЗАРИФЬЯН Анэс

Анэс Зарифьян родился в городе Фрунзе в 1946 году. Окончил Киргизский госмединститут. Учёный-физиолог, профессор. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУК, КРСУ. В настоящее время – декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 19 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных ещё в советские времена всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше голову!».

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 1980-х годах вёл в журнале «Литературный Кыргызстан» рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...».

В 1989 году был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана.

Кавалер медали «Данк», ордена «Данакер», Золотой медали имени Григора Нарекаци Министерства культуры Республики Армения, заслуженный деятель культуры Кыргызстана. Почётный гражданин Бишкека.

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.stihi.ru, www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru, www.literature.kg и др.

Татьяна Ушакова

Родилась в тихом, уютном городке Пржевальске (ныне Каракол) в Кыргызстане. Прожила там большую часть своей жизни. Окончила школу им. Ленина и Пржевальский государственный педагогический институт по специальности «Учитель начальных классов». Несколько лет работы, а затем слепота, надолго выключившая ее из активной жизни.

Перемены произошли после переезда в Бишкек. Здесь научилась работать на компьютере, появилась возможность слушать книги и музыку, печатать вслепую. В 2015 году пригласили поработать в ОФ «Возрождение новой культуры Эр-Тоштук», где участвовала в записи аудиокниг и писала тексты для публикаций на странице фонда. Там впервые соприкоснулась с малыми эпосами кыргызского народа. В это же время начала писать стихи. В 2017 году стихотворный пересказ эпоса «Кожожаш» был озвучен для музыкальной аудиокниги на русском языке.

Кроме этого, в ее активе две статьи в журнале Thebest, публикации в сборнике «Мозаика-3» и на интернет-ресурсах.

Олег АСТРАЛЬНЫЙ (ИВАНОВ)

Писатель, поэт, композитор, певец. Родился в Екатеринбурге в 1966 году. Автор трех книг в жанре песенная поэзия (рок-группа «Сорселерия») и одного романа рок-мюзикла в жанре прозы. На данный момент пишет 4-й сборник стихотворений.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Известный московский поэт. Родился в 1946 году в Ленинграде, ранние годы провёл в Кыргызстане (Джалал-Абад, Ош). Автор 31 стихотворного сборника, многих статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель ряда антологических сборников. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат многих отечественных и зарубежных премий, в том числе премии Ивана Бунина, премии Антона Дельвига, премии Иннокентия Анненского, премии Андрея Белого, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки, болгарской премии Пеньо Пенева, грузинской премии Георгия Леонидзе, азербайджанской премии Насими, киргизской

премии Алыкула Осмонова, армянской премии «Кантех» («Лампада»). Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Турции и Японии. Иногда не прерывал связи с Киргизией и её литературой, посвятил своей киргизской родине сотни стихотворений, статьи и воспоминания, перевел стихи и поэмы многих киргизских поэтов. Его собственные стихи выходили в Кыргызстане в переводе Сооронбая Джусуева, Жолона Мамытова, Анастасии Омурканова и других видных поэтов.

АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав

Родился в Беларуси в 1947 году в семье офицера Советской армии. Живет в Кыргызстане с 1954-го. Окончил Киргизский государственный университет по специальности «Экспериментальная физика». Командовал два года мотострелковой ротой в советской армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем—кинооператора документальных фильмов «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книг «Азиатские белые горы», «Алеет Восток» и др.

КАДЫРОВ Виктор

Кадыров Виктор Вагапович родился в 1955 году в Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт по специальности «Инженер-электрик». С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг о природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля».

САНДЛЕР Валерий

Родился в 1939 году на Украине. Подростал и созрел в Киргизии. Четыре года работал учителем в сельской школе, в 1968-м сменил учительство на журналистику: корреспондент Киргизского радио и телевидения, сотрудник газеты «Вечерний Фрунзе» (откуда в июне 1980 года был за «политическую» опечатку изгнан с большим шумом и формулировкой «без права работы в средствах массовой информации»); с июля 1980 по декабрь 1983-го – Ботанический сад, разнорабочий; год с небольшим, после «ботанического» периода, работал в Киргизском телеграфном агентстве (КирТАГ); далее – журнал «Литературный Киргизстан», заведомом публицистики, затем – ответсекретарь .

С 1992 года в США. Почти 12 лет, до выхода на пенсию в 2004-м, – редактор отдела новостей газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Став пенсионером, внештатно сотрудничал с нью-йоркским еженедельником «В Новом Свете», где на протяжении семи лет вел рубрику «Русское зарубежье», опубликовав более 100 интервью с русскими эмигрантами первых двух волн и их потомками. Со временем эти интервью вышли отдельными книгами в американском издательстве LULU Self Publishing, в общей сложности составив четырехтомник.

В настоящее время живет в Уолд Лейке, штат Мичиган.

РЫСКУЛОВ Акбар

Родился в 1953 году в Кеминском районе. Окончил Кыргызский госуниверситет. Трудовую деятельность начал в 1975-м, работал в газете «Ленинчилжаш», аппарате правления писательского союза. С обретением независимости Кыргызской Республики перешел на госслужбу, а затем на дипломатическую работу.

Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. В 2014 году был избран председателем Национального союза писателей КР.

КАДЫРКУЛ ДАУТОВ

Народный писатель Кыргызской Республики, литературный критик, литературовед.

Родился в 1940 году в селе Уч-Добе Алайского района Ошской области. В 1969 году окончил филологический фа-

культет Киргизского государственного университета. В 1970-1973 годах учился в Москве в аспирантуре Института мировой литературы имени М.Горького Академии наук СССР. Кандидат филологических наук. Автор многочисленных статей, а также свыше двух десятков книг и монографических исследований. Отдельные из них увидели свет на русском языке в различных сборниках, которые вышли в московских и местных издательствах. На русском языке издана книга К.Даутова «Главное – поиск» (1982 год, Фрунзе).

ХЛЫПЕНКО Георгий

Родился 16 сентября 1938 года в селе Садовом Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргизского университета и очную аспирантуру при нем. Работал в качестве научно-педагогического сотрудника в различных вузах Киргизии. Научные специализации – русская литература Кыргызстана и кыргызско-украинские литературные связи. Являлся членом Союза писателей СССР и Национального союза писателей КР по номинации «Критика и литературоведение», профессором кафедры истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. В «Литературном Кыргызстане» публиковался с 1964 года.

*Корректурa Ольги Николаевой
Компьютерная верстка и дизайн Таланта Абдрахманова*

Подписано в печать2019 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 84